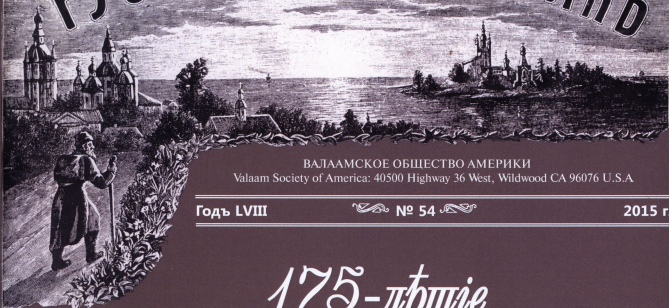

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ
Valaam Society of America: 40500 Highway 36 West, Wildwood CA 96076 U.S.A

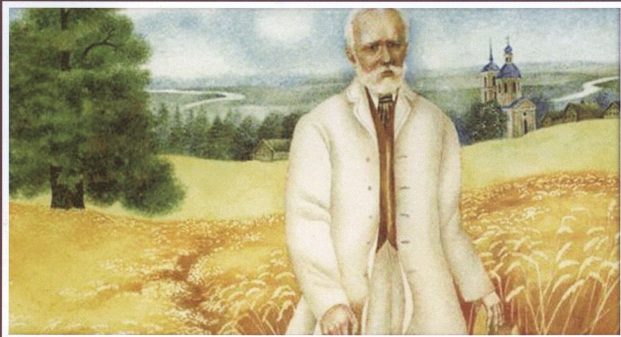
Годъ LVIII

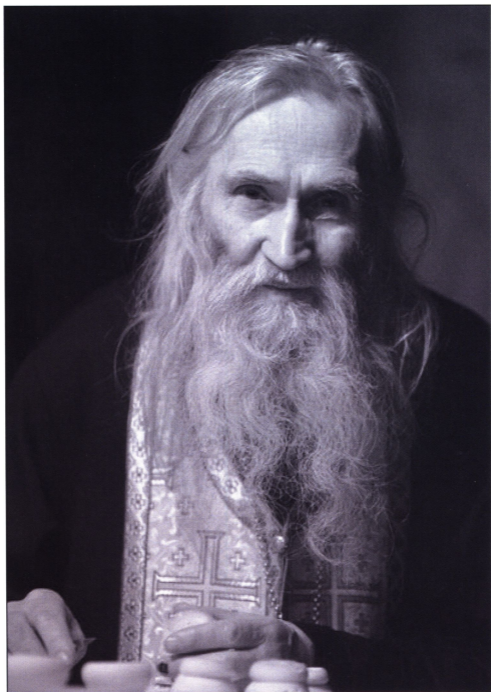
№ 54

2015 г.

175-лѣтіе

Чайковскій — музыкальная исповѣдь русской души

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦЬ ИЛИЙ (НОЗДРИНЬ)

НА ОБЛОЖКЪ: П. И. ЧАЙКОВСКИЙ. *Современное живописное полотно неизвестного нам автора.*
ВНУТРИ ЗАДНЕЙ ОБЛОЖКИ: ЦАРСКАЯ ЛИВАДИЯ.

НА ЗАДНЕЙ ОБЛОЖКЕ: ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ ВЪ КРЫМУ. *Холст, масло.*
Художник Павел Мурахинъ. Москва, 2010 г.

ПЕРСПЕКТИВА НА ВЪЧНОСТЬ

ВГНЕННАЯ колесница вознесла Пророка Илию на небеса, увьковечивая его в памяти людской как символ горящей, очищающей вьры.

Огненная колесница прокатилась по Россіи, сметая тысячелѣтнія устои жизни... Два огня. Одинъ Божественный, вдохновляющій сердце человѣческое послѣдовать Творцу. Второй разрушительный, попущенный на Руси за наше отступничество отъ Бога, за наше отрѣченіе отъ Помазанника Божія, Православнаго Монарха, удерживающаго до времени силу «тайны беззаконія», вырвавшуюся на свободу послѣ его убіенія.

Но не оставлять Богъ творенія Своего. Стоить Его небесное воинство и сражается съ духами злобы поднебесной. Только ослѣпли мы и не видимъ этой борьбы за жизненную суетой повседневности, одолѣвшей насъ. Нуженъ гласъ, зовущій къ прозрѣнію, нуженъ пламень пророка, такого, каковъ есть Ілія.

Русская Православная Церковь всегда чтитъ Пророка Ілію. Князь Игорь посвятилъ ему первую церковь въ Кіевѣ. Послѣ Крещенія Руси, святая равноапостольная Княгиня Ольга построила храмъ Пророка Іліи у себя на родинѣ, въ селѣ Выбуты. Всѣмъ русскимъ людямъ, которымъ небезразлична судьба Россіи, Пророкъ Ілія является «маякомъ», несущимъ свѣтъ Христовъ для прозрѣнія нашей совѣсти, чтобы жили мы «искупующе время, яко днѣ лукави суть» (Ев. 5-16).

Время — даръ намъ отъ Бога для дѣятельнаго настроя струнъ нашей души на Божій ладъ. Вотъ что говорить по этому поводу Старецъ Іліѣ Оптинскій: «Для православнаго человѣка, который живетъ съ перспективой на вѣчность, нѣтъ ничего дороже времени, ибо оно дается для спасенія. Что успѣть сдѣлать хорошаго въ этой жизни, таково и твое будущее».

Безумны мы, когда не знаемъ, какъ «убить» время, разстрчивая его на развлечения, праздное словіе и пустые дѣла, подаваяся самолюбію, славолюбію и сластолюбію. Приходитъ смерть и застаѣтъ насъ неготовыми для перехода въ міръ иной, ибо не цѣнимъ мы даръ времени и тратимъ его впустую. По смерти время смѣняется на вѣчность...»

Чтобы избѣжать горечи разочарованія, чтобы бѣсы не породовались погибели нашей души, нуженъ умный духовный бунтъ противъ міра сего. Послѣдую голосу пророка Іліи и мудрому совѣту Старца Ілія, нужно отрести рабство ложныхъ символовъ и идеаловъ. Истинные цѣнности опредѣляются Истинной красотой, къ которой невозможно приблизиться и невозможно осмыслить безъ очишенія ума и сердца. Въ этой перспективѣ нравственная и аскетическая жизнь становится нормой жизни для каждого Православнаго христіанина, а житія святыхъ примѣромъ для насъ. Умная красота Православія, воспринятая изъ житій дорогихъ русскому сердцу святыхъ и сильного подражанія въ мірской жизни монашескому пожитію есть наше національное духовное достояніе и оно, слава Богу, возвращается въ русскія души. Аминь. *Евгеній Кирилъиновъ*

Вознесеніе Іліи Пророка. XVI в. Псковъ. Святій Ілія, возносясь на Небо на огненной колесницѣ, отдаѣтъ плащъ своему ученику Елисею, а Ангелъ держитъ поводья небесныхъ крылатыхъ коней, направляя ихъ полѣтъ къ Богу. Иконой Пророка Іліи благословилъ «Русскій Паломникъ» Оптинскій Старецъ Іліѣ.

ОТЕЦЪ ГЛѢБЪ ВЛЪСКОВЪ. Пасха 2013 года.
Фото Мариі Решетниковой.

АМЕРИКАНСКИЙ ПАТЕРИКЪ

ОТЕЦЪ ГЛЪБЪ НОВО-ДИВЪЕВСКИЙ

Память 15-го Мая (1919-2014)

О. Глѣбъ Ново-Дивѣевскій — образъ той Россіи, которую мы потеряли.

Проповѣдовалъ онъ не столько словомъ, сколько «подвигомъ добрымъ», примѣромъ жизни.

Теплымъ лучомъ свѣтился для всѣхъ его знающихъ этотъ священникъ, представитель истого Русскаго Православія, сочетающій и мудрость и крѣпкую волю, а главное — мягкость и любовь.

Не было ни малѣйшей театральности въ его жестахъ, они выражали смиреніе, спокойствіе и внутреннюю гармонию. Въ далекой отъ Россіи Америкѣ О. Глѣбъ Вльсковъ не только несъ въ своемъ сердцѣ Святую Русь, онъ ее собою воплощалъ.

Ниже приводимъ краткое жизнеописаніе О. Глѣба, составленное по воспоминаніямъ его духовныхъ дѣтей Аллы Робинсонъ и Маріи Решетниковой, испрашивая у читателя молиться за его душу.

Миръ много любящимъ законъ Твой и нѣсть имъ соблазна.
Чахъъ спасенія Твоего, Боже: и заповѣди Твоя сотворишь.

Пс. 119, 165-6

1. РОДИТЕЛИ

ГЛЪБЪ ВЛЪСКОВЪ родился 5-го Августа 1919 въ Митавѣ (Латвія). Мать — Татьяна Владиміровна, урожденная Воронцова-Вельяминова. Отецъ — Владиміръ Николаевичъ Вльсковъ, Георгіевскій кавалеръ, инвалидъ Гражданской войны. Съ мамой отецъ познакомился въ 1918 году въ Кіевскомъ госпиталѣ, гдѣ она работала сестрой милосердія. Во время Великой войны многие дѣвушки изъ благородныхъ семействъ добровольно ѣхали на фронтъ какъ сестры милосердія. Послѣ госпиталя мама забрала отца въ имѣніе своихъ родителей въ Бѣлоруссіи. Въ 1919 г. сотникъ Вльсковъ воевалъ въ Русской Западной арміи ген. Бермонти-Авалова въ рядахъ гусарскаго графа Келлера полка. Онъ дважды упоминается въ «Запискахъ» генерала П. Н. Врангеля (гл. I «Смута и развалъ арміи» и «На Украинѣ и въ Бѣлоруссіи»), т. к. начиналъ свою военную карьеру въ Нерчинскомъ полку подъ командованіемъ полковника П. Н.

Врангеля, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ воевалъ на турецкомъ фронтѣ.

2. ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ

"Зима 1916 года застала меня командиромъ 1-го Нерчинскаго казачьего Наслѣдника Цесаревича полка, входившаго въ составъ Уссурийской конной дивизіи генерала Крымова. (...) Полкъ, которымъ я командовалъ уже болѣе года, только что за блестящую атаку 22-го Августа въ лѣсистыхъ Карпатахъ былъ награжденъ высокимъ отличіемъ — Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ назначенъ шефомъ полка. Съ отходомъ дивизіи въ армейскій резервъ, въ Буковину, въ районъ мѣстечка Радауцъ, я долженъ былъ во главѣ депутаціи отъ полка отправиться въ Петербургъ для представленія молодому шефу. Депутація везла съ собой маленькаго забайкальскаго коня, отличныхъ формъ, который долженъ былъ быть подведенъ Наслѣднику, и везла съ собой полную форму Нерчинскаго полка для поднесенія Цесаревичу. Въ составъ депутаціи входилъ и полковой адъютантъ сотникъ Вльсковъ". (О. Глѣбъ часто рассказывалъ объ этой депутаціи, въ составъ которой

входили его отец. Глаза Царя, совершенно необыкновенные, Владимиръ Влѣсковъ запомнил на всю жизнь.)

(...) Какъ-то доложили мнѣ о томъ, что меня желаетъ видѣть полковникъ артиллеріи Влѣсковъ. Я принялъ его и узналъ, что онъ братъ бывшаго офицера моего Нерчинскаго полка, сотника Влѣскова. Сотникъ Влѣсковъ, какъ наказакъ, вскорѣ послѣ переворота перешелъ въ регулярную конницу и до конца войны служилъ въ рядахъ Ингерманландскаго гусарскаго полка. Полкъ, какъ и прочія части арміи, развалился, солдаты разбѣжались, оставалось лишь небольшое число офицеровъ и нѣсколько старыхъ солдатъ. Оставшіеся рѣшили пробраться на Украину. На одномъ изъ ночлеговъ на нихъ напалъ проходившій вблизи большевистскій эшелонъ. Часть офицеровъ была убита, лишь немногіе успѣли спастись. Нѣкоторые передъ смертью подверглись жестокому истязаніямъ. У Влѣскова были перебиты обѣ руки и ноги и содрана кожа съ черепа. Онъ былъ подобранъ полуживой крестьянами, доставившими его въ ближайшій уѣздный городъ. Послѣ продолжительной болѣзни онъ былъ перевезенъ разыскавшимъ его братомъ въ Кіевъ. Я немедленно поѣхалъ навѣстить его. Блестящій офицеръ, рѣдкой красоты юноша, Влѣсковъ былъ теперь совершенно неузнаваемъ. Одна рука была по локоть ампутирована, пальцы другой были сведены, передвигаться онъ могъ лишь съ помощью костылей. Черепъ былъ до сего времени покрытъ незажившими рубцами. Мы съ женой принялись немедленно хлопотать, и намъ удалось устроить несчастнаго въ лучшей госпиталь. Отличный хирургъ, профессоръ Дитерихсъ, взялъ на себя о немъ попеченіе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Влѣсковъ совсѣмъ поправился и даже женился на прелестной дѣвушкѣ, съ которой познакомился въ госпиталѣ въ Кіевѣ. (...) Въ то

время, какъ я во главѣ дивизіи билъ большевиковъ на Кубани, Влѣсковъ разыскалъ меня въ одной изъ кубанскихъ станицъ. Служить въ строю онъ, конечно, не могъ, и я случайно удивился его пріѣзду. Оказалось, что онъ пріѣхалъ изъ Кіева лишь только за тѣмъ, чтобы получить благословеніе мое, прежде чѣмъ вступить въ бракъ".

3. ВЪ ЭМИГРАЦИИ

Въ эмиграціи семья проживала въ Германіи. Организациія Объединенныхъ Наций создала множество бѣженскихъ лагерей во всей Германіи, десятки тысячъ бѣженцевъ прибывали съ территоріи бывшей Россійской Имперіи. Сотникъ Влѣсковъ былъ начальникомъ одного такого лагеря. Это были одноэтажные деревянные бараки. Бывшій блестящій офицеръ сталъ продавцомъ сигаретъ. Одной рукой (вторая была отрублена по локоть) онъ возилъ будочку примѣрно одинъ метръ длиной и полметра шириной. Изъ этой будочки онъ здоровой рукой выдавалъ сигареты. Держать ее на углу улицы. Полиція заставляла каждый день увозить ее въ сторону. Только передъ войной отецъ устроился на фабрику бухгалтеромъ, какъ военный, онъ хорошо зналъ математику. Фактически мама содержала семью. Она устояла въ дорогой русской ресторанѣ, где ея специальность была: пирожки и пироги. Въ имѣніи она научилась у крестьянокъ печь пирожки, и это пригодилося. Съ родителями выѣхала

Татьяна Владиміровна (урожденная Воронцова-Вельяминова) и Владиміръ Николаевичъ Влѣсковы.
Фото предположительно 1918 года.

тетя мамы Ольга Аркадьевна Жемчужникова. До революціи она была миллионерша, ѣздилъ въ Германію на отдыхъ, а теперь оказалась въ Берлинѣ въ одномъ платьѣ. Стала ревностной церковницей, была главной сестрой прихода О. Іоанна Шаховскаго.

О. Глѣбъ вспоминалъ, какъ папа водилъ его за руку мальчикомъ 5-6 лѣтъ въ русскую церковь въ Берлинѣ. Тамъ маленький Глѣбъ прислуживалъ въ

алтарь, а однажды уснул среди облачений. Семья помогла вдове ген. Врангеля — Ольга Михайловна. Она устроила Глѣба въ католическій пансионъ для мальчиковъ въ Бельгїи, гдѣ онъ проучился 10 лѣтъ, на лѣто прїѣзжая къ родителямъ въ Берлинъ. Въ пансионѣ Глѣбъ посѣщалъ католическую церковь, но не причащался и крестился по-православному. Католики относились уважительно и не пытались обратить въ свою вѣру. Только однажды Глѣба вызвалъ къ себѣ одинъ преподаватель на бесѣду и пытался убѣдить перемѣнить вѣру. Глѣбъ отказался, за что его въ концѣ концовъ католики похвалили. О. Глѣбъ рассказывалъ, что старая эмиграція постовъ не соблюдала. Когда онъ сказалъ, что будетъ поститься, то мама заплакала. Въ юномъ возрастѣ Глѣбъ написалъ письмо на Валаамъ старцу схимонаху Иоанну, онъ искалъ смыслъ жизни. Старецъ посоветовалъ читать Евангелїе отъ Матѣя гл. 5-7 (Заповѣди Блаженства).

Вспоминаетъ Свѣтлана Викторовна Монастырская (урожденная Тарицына):

Русскіе скауты на освященїи памятника Бѣлымъ Воинамъ на русскомъ кладбищѣ. Берлинъ, 1938 г.

«Я знала Глѣба съ дѣтства, мы были ровесниками. Наши семьи дружили. Отцы воевали вмѣстѣ въ Прибалтикѣ въ арміи генерала фонъ Дерь Гольца. Оба были Георгіевскіе кавалеры. При отступленїи арміи наши родители оказались въ офицерскомъ лагерѣ подъ Ганноверомъ въ г. Целе, отуда попали въ Берлинъ, гдѣ я и родилась. Въ Берлинѣ мы жили въ пансионѣ, но т. к. родители не говорили по-нѣмецки, то въ 1924 году переѣхали въ русскій лагерь (бывшій лазаретъ), гдѣ отецъ Глѣба былъ начальникомъ. Тамъ жили всѣ наши балтійцы. Тетя Таня (мать Глѣба) работала въ русскихъ ресторанахъ, готовила торты и пекла пироги, а дядя

Володя имѣлъ свой кіоскъ, въ которомъ продавать газеты. Всѣ такъ жили. Мы, дѣти, ходили въ нѣмецкую школу. Въ 1930 году въ 10 лѣтъ я поступила въ скаутскій отрядъ, который участвовалъ въ освященїи памятника Бѣлымъ воинамъ на русскомъ кладбищѣ Берлина въ Тегелѣ.

Отъ католической церкви, какъ помощь русскимъ бѣженцамъ, послѣдовало приглашенїе посылать русскихъ дѣтей въ іезуитскіе учебные завѣденїя Бельгїи: дѣвочки — въ женскіе монастыри, мальчиковъ — въ мужскіе. Епископъ, огласившїи это приглашенїе, подписалъ бумагу, завѣряющую, что русскихъ дѣтей не будутъ заставлять переходить въ католичество. Генераль фонъ Лампе и генераль Бискупскій послали своихъ дѣтей въ эти школы. Глѣбъ учился въ іезуитскомъ колледжѣ съ сыновьями генерала П. Н. Врангеля, а по воскресеньямъ его приглашали въ семью. Вмѣстѣ съ Глѣбъ о м ѣ учился и

Глѣбу у памятника Вѣрнымъ сынамъ Великой Россїи. Берлинъ. 1938 г.

О. Иоаннъ Шаховской. Онъ рассказывалъ намъ, когда прїѣзжалъ въ скаутскій лагерь въ Берлинъ, какъ ихъ учили бороться съ Православіемъ и поэтому онъ понялъ, что Православіе — самая вѣрная религія. Когда О. Глѣбъ вернулся изъ Бельгїи, онъ хотѣлъ стать монахомъ. Тетя Таня уговорила его сначала получить профессию, поступить въ университетъ. Онъ послушался матери и закончилъ Берлинскую Высшую Техническую Школу, сталъ архитекторомъ».

Съ началомъ Второй Мировой Войны его вызвали въ военную коммандатуру. Военный нѣмецъ спросилъ: «Хотите поступить въ нѣмецкую армію и получить нѣмецкое подданство?» — «Нѣтъ!» —

поспѣшно отвѣтилъ Глѣбъ и испугался своей прямолинейности. Но нѣмцевъ отнесся къ отказу спокойно, правда дѣло передать въ тайную полицію. Въ тайную полицію вызывали одинъ разъ, но и тамъ къ нему отнеслись хорошо: написали двѣ странички на машинкѣ и отпустили. Больше не трогали. Въ университетѣ остались одни иностранцы, всѣхъ нѣмцевъ забрали на фронтъ.

4. ДУХОВНЫЙ ОТЕЦЪ

Въ Берлинѣ Глѣбъ познакомился съ О. Адрианомъ Рымаренко. Это было ночью. Архіепископъ Иоаннъ Шаховской долженъ былъ ѣхать на станцію встрѣчать О. Адриана и онъ почему-то взялъ съ собой Глѣба. Такъ состоялась встрѣча Глѣба со своимъ будущимъ духовнымъ отцомъ. О. Адриана сразу назначили настоятелемъ Берлинскаго собора.

О. Глѣбъ уже былъ иподьякономъ, часто сослужилъ митрополиту Серафиму (Ляде), которого очень любилъ и почиталъ. Позже, когда сталъ священникомъ, всегда поминалъ митрополита Серафима на литургіи. По его рассказамъ, у митрополита была ручная бѣлка, которую тотъ носилъ въ карманѣ рясы. Будучи нѣмцемъ, принявшимъ Православіе и долгое время жившимъ въ Россіи, онъ любилъ русскихъ и много имъ помогалъ. У него было немало знакомыхъ влиятельныхъ нѣмцевъ, въ томъ числѣ и партійцевъ. Особенно много помогала черезъ митрополита Серафима Церкви и русскимъ, прибалтійская баронесса (О. Глѣбъ забылъ ея имя) — партійка. Борисъ Ширяевъ въ книгѣ «Записки продавца куколей»

съ благодарностью вспоминаетъ о Митрополитѣ Серафимѣ. Онъ пишетъ, что только два человѣка дѣйствительно помогли русскимъ бѣженцамъ: нѣмецъ-епископъ и князь Романовскій (глава Эмиграціи въ Римѣ). Съ прїездомъ О. Адриана службы въ берлинскомъ соборѣ стали ежедневными (до этого — одинъ-два раза въ недѣлю). О. Глѣбъ, будучи студентомъ, могъ посѣщать церковь. Онъ подружился съ настоятелемъ и каждый разъ послѣ службы провожалъ О. Адриана домой по Берлину полчаса.

Въ концѣ войны, благодаря знанію языковъ (нѣмецкаго, французскаго, англійскаго) О. Глѣбъ

помогъ группѣ О. Адриана попасть въ американскую зону и избѣжать выдачи Совѣтамъ. Удивительно, въ то время, когда безъ документовъ и шагу нельзя было ступить, у О. Глѣба бумага не спрашивали. Онъ объѣзжалъ на велосипедѣ поля Германіи, быть во всѣхъ зонахъ (у американцевъ, французовъ и англичанъ) и ко всѣмъ обращался на ихъ родномъ языкѣ. Договорился О. Глѣбъ съ американцами и они пропустили группу О. Адриана на свою территорию. Нѣсколько лѣтъ пришлось жить въ бѣженскомъ положеніи. Деньги цѣны не имѣли. Была черная биржа, гдѣ сигареты были какъ золото. О. Глѣбъ сталъ удачливымъ "контрабандистомъ", обмѣнивая у американцевъ деревянныя тарелки, расписанныя русскими тройками, на сигареты. Тарелки были сдѣланы изъ прессованной фанеры, ихъ доставали на фабрикѣ, а талантливый художникъ Сергій

Отецъ Адрианъ Рымаренко,
духовный отецъ Глѣба Влѣскова.

Смирновъ (мужъ сестры) расписывалъ ихъ тройками. Эти тарелки пользовались огромнымъ успѣхомъ, и О. Глѣбъ возвращался съ полными карманами, набитыми сигаретами. Однажды его обыскала нѣмецъ-полицейскій и нашелъ подъ курткой цѣлый блокъ (10 пачекъ) сигаретъ. Большое дѣло. Арестовалъ и слалъ въ американскую комендатуру, могли быть большія неприятели. Комендантомъ оказался американецъ русскаго происхожденія: О. Глѣба онъ отпустилъ, но сигареты отобрали, а тарелки вернули обратно. На слѣдующій день О. Глѣбъ снова шелъ на свой промыселъ. Самъ О. Глѣбъ отъ этого ничего не имѣлъ (даже въ голову не приходило). Все отдавалъ мамѣ на хозяйство.

О. Глѣбъ рассказывалъ, что многие церковные облаченія, которые до сихъ поръ носятъ въ Ново-Дивнѣво, пошты въ Германію на эти сигареты. Со временемъ, группа О. Адриана выѣхала въ США, а О. Глѣбъ въ Канаду, т. к. онъ родился въ Латвіи и для «латышей» была маленькая квота въ США. Пришлось нѣсколько лѣтъ жить въ Канадѣ, ожидая визу въ Америку.

Сразу по прибытіи семья Влѣсковыхъ жила въ Нью-Йоркѣ, и отцы О. Глѣба былъ церковнымъ старостой въ приходѣ въ Бруклинѣ. Часть семьи перѣехала въ Калифорнію, и какое-то время Глѣбъ жилъ тамъ, и тамъ же встрѣтилъ свою будущую матушку — Людмилу. Они перѣехали въ Нью-Йоркъ,

Гдѣ Глѣбъ стать работать въ архитектурной фирмѣ въ Манхеттенѣ. Однимъ изъ его проектовъ была работа по проектированию и строительству Всемирного торговаго центра и башень-близнецовъ въ Нью-Йоркѣ.

5. НОВО-ДИВЬЕВО

Многія годы, живя на Лонгъ-Айлендѣ, въ Гленъ Ковѣ, штатъ Нью-Йоркъ, Глѣбъ ѣздилъ въ Ново-Дивьево къ О. Адриану Рымаренко (впослѣдствіи Архиепископъ Рокландскій Андрий), котораго зналъ по годамъ пребыванія въ Берлинѣ. Въ 1969 году въ Ново-Дивьѣвѣ Архиепископъ Никонъ (Рклицкій) рукоположилъ Глѣба въ санъ священника.

Отгдѣ Глѣбъ продолжалъ жить на Лонгъ-Айлендѣ и работать на Манхеттенѣ, а по воскресеньямъ и праздникамъ прѣзжалъ въ Ново-Дивьево. Въ мартѣ 1968 года одинъ за другимъ умираютъ священники монастыря: О. Александръ Пашковъ (18-го Марта) и О. Евгенийъ (Червинскій) (11-го Марта). Пришлось О. Глѣбу принимать на себя тяжелое и отвѣтственное пастырское служеніе Церкви. По ходатайству О. Адриана иподиаконъ Глѣбъ Влѣсковъ былъ рукоположенъ во іерея на Владимірскую Божию Матерь 2-го (18-го) Сентября 1968 года. Съ тѣхъ поръ Владимірская Божія Матерь — самая почитаемая для него икона, покровительница О. Глѣба.

Послѣ кончины Архиепископа Андрия, О. Александръ Федоровскій попросилъ О. Глѣба переѣхать въ монастырь на постоянное жительство, что отецъ Глѣбъ и матушка Людмила и сдѣлали въ 1978 году. Время отъ времени О. Глѣбъ ѣздилъ въ Берлинъ и Калифорнію къ семьѣ, часто навѣщаль и содержалъ свой домъ въ Гленъ Ковѣ.

Еще нѣсколько лѣтъ О. Глѣбъ продолжалъ работать въ Нью-Йоркѣ. На работѣ онъ подавалъ заявление съ просьбой сокращенія рабочихъ дней до трехъ въ недѣлю въ связи съ тѣмъ, что онъ будетъ служить Церкви. До пенсіи О. Глѣбъ ѣздилъ изъ Гленъ Кова въ Нью-Йоркъ на работу, а потомъ въ Ново-Дивьево служить. Конечно, уставалъ, засыпалъ нѣсколько разъ за рулемъ. Но Господь хранилъ.

Скоро вышелъ на пенсію и сталъ постоянно служить въ монастырѣ, посвятивъ свою жизнь цѣликомъ служенію Церкви.

Многіе приходили къ О. Глѣбу за совѣтомъ, на исповѣдь и просили молитвъ. Онъ всегда былъ доступенъ, его часто можно было видѣть на монастырской территоріи въ молитвѣ и размышленіи. Если въ сосѣднихъ приходяхъ нужно было священникъ, въ то время какъ въ Ново-Дивьево былъ служащій въ этотъ день священникъ, О. Глѣбъ часто помогалъ другимъ храмамъ. Требовался ли священникъ, нужно ли было совершить богослуженіе или помолиться, О. Глѣбъ всегда былъ готовъ помочь. Больше 40-ка лѣтъ между О. Глѣбомъ и О. Александромъ были отношенія

братскаго священническаго общенія, и никогда не возникало вопросовъ относительно исполненія тѣхъ или иныхъ церковныхъ обязанностей.

Въ 2007 году, во время паломничества на перемонію Возсоединенія РПЦЗ съ Московской Патриархіей, О. Глѣбъ, изъ-за ухудшенія здоровья, остался служить въ Ново-Дивьѣвѣ. 17-го Мая, получивъ извѣстіе отъ Ново-Дивьевской делегаціи о томъ, что церемонія Возсоединенія прошла успѣшно, отецъ Глѣбъ — въ самый день Возсоединенія — однимъ изъ первыхъ клириковъ помянулъ за Божественной литургіей Патриарха Алексія II.

6. ИСПОЛНЕНИЕ БОЖИХЪ ЗАПОВѢДЕЙ

Внѣше О. Глѣбъ былъ высокій, худощавый, одѣвался предѣльно скромно, даже бѣдно, очень выдержанный, немногословный, вежливый, кроткій, теплый батюшка. Такимъ его запомнили прихожане. Большинство людей, которые его окружали, его очень любили, но бывало по-разному, однако батюшка всегда хранилъ великое смиреніе. Однажды на великій праздникъ Св. Троицы его попросили, чтобы онъ ушелъ изъ алтара по причинѣ тѣсноты, онъ спокойно поклонился, сказавъ: "Благодарю за вашу любовь", и ушелъ.

Служеніе литургіи у О. Глѣба всегда благоговѣйно, молитвенно, сосредоточенно. Духовная дочь О. Глѣба Галина рассказала, что видѣла много разъ, какъ во время литургіи его лицо измѣнялось, становилось совершенно бѣлымъ, а глаза — небесно-

Иерей Глѣбъ Влѣсковъ съ отцомъ.
Ново-Дивьево.

голубыми. Его проповеди запоминались надолго — кратко и глубоко. Через все проповеди проходить одна главная мысль: смысл жизни — в исполнении Заповедей Божьих, если их исполним, то спасемся. Если потеряем ближнего, то Господь потерпит нас своєю благодатью. Проповедовать он не столько словом, сколько «подвигом добрым», примером жизни.

Из письма семинариста Дмитрия об О. Глѣбѣ:
 "Было лето 1978 года. Я жил и учился в семинарии Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле. К тому времени монахи из монастыря поехали в Ново-Дивѣво на похороны Владыки Архиепископа Андрѣя, они взяли меня с собой. Нѣсколько дней послѣ этого я приехал опять в Новос Дивѣво на работу, гдѣ оставался около 10-ти дней. Познакомился со старицей монахиней Анастасией, которая раньше пекла просфоры, с

подойти к нему. Я подошел и он мнѣ дал 20 долларов. Я его поблагодарил, взял благословение и ушел. На эти деньги я купил себѣ билет и вернулся в Джорданвилл. До этого в церкви спросил людей, как зовут служащего священника. Они мнѣ сказали: это О. Глѣб. Итак, с тех пор я его не видал, но случай этот запомнил, а прошло уже почти что 30 лет. Мнѣ тогда было 22 года. Я очень благодарен Богу, что есть добрые люди на этом свѣтѣ, и что Бог дѣйствует через своих людей".

Старопопигальный Успенский женский монастырь Новое Дивѣво. Обитель находится в 60 км от города Нью-Йорка. Основатель и строитель монастыря был протопресвитер Адриан Рымаренко (под его епитрахилью скончался старец Нектарий Оптинский). В 1949 году, с прибытием в Америку многочисленных бжженцев, О. Адриан ршил, что необходимо имѣть духовный центр. Был куплен бывший римо-католический монастырь и основана русская женская обитель. Впоследствии был выстроен православный храм в честь преподобного Серафима Саровского. При обители — самое большое русское православное кладбище в США и дом для престарѣлых. В обители множество святых: портрет в человѣчскій рост Преподобного Серафима Саровского написанный при его жизни, крест из дома Ипатьева и келейная икона Божией Матери Преподобного Амвросія Оптинскаго.

портным Дмитрием Семеновичем Куликовским. Тогда была игуменья Христина. И так время прошло и мнѣ надо было вернуться в Джорданвилл. В тот момент у меня не было денег на билет. Я пошел в церковь помолиться, в храме никого не было, все тихо-спокойно. Было около 4-х пополудни. Через приблизительно полчаса из алтаря вышел священник и начал тихо читать молитвы перед Царскими Вратами. Вдруг он дал мнѣ знак

7. НА ПОКОѢ

В началѣ лѣта 2010 года О. Глѣб объявил о своем уходе на покой, и в то время Митрополит Иларіон удостоил его права и чести ношения митры. Несмотря на слабое здоровье, О. Глѣб приходил в церковь в большинство дней и даже сослужил по праздникам. Он по-прежнему исповѣдовал и, когда мог, совершал другіе богослужения. В течение послѣдняго года здоровье

О. Глѣба ухудшилось и его стали рѣже видѣть изъ-за болѣзни и пребыванія въ больницѣ, хотя онъ продолжалъ, сколько могъ, помогать до послѣднихъ мѣсяцевъ, когда уже совсѣмъ занемогъ.

Жиль О. Глѣбъ при монастырѣ въ маленькой комнатѣ съ женой и множествомъ кошекъ (жена очень любитъ кошекъ), хотя они имѣли домъ, но О. Глѣба по старости лишили правъ вожденія, домъ далеко, такъ что онъ былъ вынужденъ терпѣть всѣ послѣдствія.

О. Глѣбъ написалъ и опубликовалъ книгу «Псаломъ 118-ый», истолкованный Епископомъ

чудо могло вывести меня изъ моего оцѣпленія... И вотъ навстрѣчу мнѣ по той же тропинкѣ шель отецъ Глѣбъ. Не помня себя отъ радости, я бросилась къ нему и сама удивилась своимъ словамъ: «Мнѣ очень надо исповѣдаться»...

О. Глѣбъ по-доброму посмотрѣлъ на меня и на спрятывающегося за мою юбку испуганнаго Ванюшку и тихо отвѣтилъ: «Пойдемте сюда, здѣсь намъ не помѣшаютъ»...

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже стояли совсѣмъ одни въ маленькой уютной комнаткѣ монашескаго домика монастыря. «Благодать Божія съ Вами, но Господь Васъ испытываетъ...» —

Ново-Дивѣвскіе монахини и священники. О. Глѣбъ крайній справа.

Ѳеофаномъ Затворникомъ, краткое резюме, составленное по мыслямъ и словамъ Епископа Ѳеофана.

8. ПОСЛѢДНІЯ ГОДЫ

Изъ воспоминаній Маріи Решетниковой объ О. Глѣбѣ въ его послѣдніа года:

«...Быль солнечный день послѣ Пасхи, и я въ отчаяніи прѣхала въ монастырь Ново-Дивѣво вмѣстѣ со своимъ тогда шестилѣтнимъ сыномъ и бродила по тропинкамъ среди старенькихъ построекъ, не понимая, что дѣлать со своими разстроенными чувствами. Даже и не знаю, зачѣмъ я прѣхала туда и на что рассчитывала, такъ какъ время было уже два часа и до вечерней было еще далеко... Но мнѣ было плохо, очень плохо въ этотъ праздничный для всѣхъ Пасхальный день, и только

такими словами закончилъ слушать мою исповѣдь О. Глѣбъ, когда я въ слезахъ исповѣдала передъ Богомъ мои грѣхи и проблемы. На душѣ стало необыкновенно свѣтло отъ того, что такъ просто и по-доброму отвѣтилъ О. Глѣбъ на всѣ мои рассказы. Онъ всегда говорилъ очень коротко и очень ёмко. Отъ его напутствія, — а именно какъ напутствіе прозвучала въ моей душѣ эта его фраза, — хотѣлось жить и вѣрить и совершать добрые поступки... Я часто вспоминаю эти его слова. «Благодать Божія

съ Вами...» — сколько въ этомъ предложеніи надѣжды и радости для отчаявшагося сердца исповѣдующагося человѣка. А слова «Господь Васъ испытываетъ...» — подсказываютъ потерявшейся душѣ простой отвѣтъ: иди и борись за себя, воюй со своими слабостями, это лишь испытаніе, не наказаніе, а значить, какъ любой экзаменъ, его можно одолѣть съ честью, если очень захотѣть и очень постараться. Въ этой добротѣ и глубинѣ отношенія къ каждому мирянину, приходящему за помощью къ батюшкѣ, былъ весь О. Глѣбъ! Его высокая худая фигура всегда виднѣлась среди толпы прихожанъ Ново-Дивѣва, традиционно собиравшихся вокругъ 90-лѣтняго священника послѣ каждой службы. Особенно женщины осаждали его, и онъ всегда терпеливо выслушивалъ каждую изъ насъ... Мы всѣ знали, что послѣ церкви О. Глѣбъ какъ

всегда будет сидеть на покосившейся лавочкѣ у книжного магазинчика монастыря и въ любую погоду, несмотря на дождь и снѣг дожделась насъ, бѣдлагъ, “утрѣть намъ слѣзы” и выслушавъ наши сумбурные эмоциональные рассказы, отвѣтитъ на наши вопросы... Потомъ, посидѣвъ на лавочкѣ еще немного и убѣдившись, что въ этотъ день “прѣймъ страждущихъ” окончился, О. Глѣбъ только тогда пойдѣтъ въ столовую старческого дома и заберѣтъ свой скромный обѣдъ, чтобы раздѣлить его со своей больной супругой, которая почти никогда не выходила изъ ихъ маленькаго домика при монастырѣ... О. Глѣбъ былъ духовнымъ спасителемъ многих, кто шли къ нему со своими болями и переживаниями и всегда находили у сердечнаго О. Глѣба совѣтъ и мудрое напутствіе. Онъ много

Игуменья Ирина Ново-Дивѣвская, служила настоятельницей обители болѣе 20ти лѣтъ, съ 1992 года, а монашескій путь она начинала еще въ Русскомъ Китаѣ, въ Харбинѣ. Мать игуменья была лично знакома со святителемъ Иоанномъ Шанхайскимъ.

9. ПРОЗОРЛИВОСТЬ

О. Глѣбъ былъ очень прозорливъ. Я расскажу о невѣроятномъ событіи изъ моей жизни, которое не могло бы произойти, если бы не совѣтъ и молитвы добраго О. Глѣба.

Въ маѣ 2013 года я узнала, что мой отецъ, проживающій въ Москвѣ, неизлечимо боленъ. Ракъ легкиихъ перешелъ въ ракъ головного мозга, и папу положили въ больницу. Послѣ службы я рассказала объ этомъ О. Глѣбу и нынѣ покойной игуменѣ 90-лѣтней матери Иринѣ. На мое удивленіе, оба они, обычно очень сдержанные въ словахъ, стали совѣтовать мнѣ неспрѣмѣнно окрестить моего отца, хотя я не помню, чтобы я сообщила имъ, что мой отецъ былъ некрещенный. Пораженная ихъ единомысліемъ, я пыталась убѣдить ихъ, что окрестить моего папу, атеиста со стажемъ, въ его 75 лѣтъ — это просто изъ рода фантастики... Но и О. Глѣбъ и мать Ирина, спокойно выслушавъ всѣ мои дѣтскіе

возраженія, отвѣчали: “Крести отца, мы помолнимся...” Скажу честно, что несмотря на мою огромную любовь и уваженіе къ духовной мудрости этихъ почти вѣковыхъ служителей Божьихъ, я скептически отнеслась къ ихъ совѣтамъ... Но вотъ во дворикѣ монастыря О. Глѣбъ остановилъ меня и опять твердо сказалъ: “Вы должны обязательно покрестить вашего папу... Удивленная такой несвойственной тихому О. Глѣбу настойчивостью, я замѣтила, что даже не знаю какъ это дѣлается, и гдѣ въ Москвѣ найду священника, готоваго имѣть дѣло съ моимъ невѣрующимъ въ Бога папой.

“Если не найдете, — спокойно сказалъ О. Глѣбъ, — то крестите сами. Не будетъ снотой воды, крестите обычной. Въ экстремальныхъ ситуацияхъ это можно. Главное, чтобы онъ былъ въ разсудкѣ и понималъ что

происходитъ... Во время войны всякое бывало, и пескомъ крестили, и землей, если надо было... Господь всё видитъ! И ваши намѣренія благословить”.

Выслушавъ это, я въ послѣдній разъ сдѣлала робкую попытку возразить: “Но папа никогда не былъ въ церкви, онъ не вѣритъ...”

“Крестите своего папу, это очень важно ему и вамъ, — опять спокойно повторилъ О. Глѣбъ. — А мы будемъ молиться за васъ.”

То, что произошло дальше, настолько невѣроятно, что повторить эту историю два года спустя я во всѣхъ деталяхъ просто не смогу и потому приведу здѣсь мои краткія замѣтки, слѣданные мною сразу по возвращеніи изъ Москвы. Скажу только, что “случайно”, не зная, что папѣ осталось жить всего двѣ недѣли, я купила билетъ на 28-ое Мая, а не на середину іюля, какъ изначально планировала... Уже 29-го я окрестила отца сначала сама, а потомъ чудомъ нашлася священникъ, прѣхавшій въ больницу изъ Подмосковья и соборовавшій моего папу. На слѣдующій день папа скончался, — въ Родительскую субботу наканунѣ Праздника Святой Троицы передъ иконами Богородицы Знаменье и Святаго Иоанна Шанхайскаго, привезенными мною въ больницу... Крестъ и святую воду въ маленькомъ пузыречкѣ я привезла изъ Ново-Дивѣва.

Привожу рассказъ о папѣ, написанный мной сразу послѣ его крещенія и кончины:

“Я прилетѣла въ Москву за четыре дня до смерти папы. Въ первый день меня къ отцу не пустили, зная, что я буду говорить съ нимъ о его крещеніи, а онъ никогда не былъ въ церкви... При встрѣчѣ въ больницѣ я не настаивала и лишь спросила его, и къ моему удивленію — онъ согласился!

Лишь одинъ день папа былъ способенъ говорить, и въ этотъ день я его крестила. Потомъ я нашла священника, и папу собороваали. Въ день Соборованія онъ уже не могъ говорить, но всё понималъ и на вопросъ священника “Какъ вы себя чувствуете, Георгій?”, — громко сказалъ: «Хорошо!»

На слѣдующій день онъ уже не открывалъ глазъ,

но пересталъ кричать, ругать медсестеръ и просто спалъ послѣ Соборованія, а черезъ день онъ умеръ, тихо во снѣ, на Родительскую субботу.

Въ день крещенія папы я два часа съ нимъ говорила, читала ему свои статьи и рассказывала о Святомъ Іоаннѣ Шанхайскомъ, и папа просилъ еще и еще рассказывать. Это былъ нашъ послѣдній и единственный разговоръ за 8 ЛѢТЬ!!!!!!

По настоянію его второй жены папу кремировали и не было отпѣванія... Я просто прочла надъ нимъ молитвы и положила ему рядомъ съ головой его крестъ, который родственники сняли съ него послѣ смерти и отдали мнѣ какъ ненужную вещь. Но я смогла положить у изголовья и его крестъ, и Курскую Коренную икону Божіей Матери, и икону Святого Іоанна Шанхайскаго! Съ этими иконами онъ принялъ крещеніе, съ ними онъ и ушелъ.

...Сегодня проснулась, и вдругъ какъ наяву передо мной — папины глаза въ день крещенія! Онъ смотритъ на меня какъ ребенокъ, съ удивленіемъ, но не противится, какъ будто понимая, ЧТО происходитъ, но не можетъ повѣрить, что это происходитъ СЪ НИМЪ...”

Чудо Божіе, помощь неземная отъ Владыки Іоанна и молящихся за моего папу О. Глѣба и матери игуменьи Ирины, соединила меня съ папой, а

главное — его съ Богомъ! Вѣчно будетъ радовать эта исторія крещенія моего отца мое сердце, несмотря на горечь утраты, и потому я дѣлюсь съ вами этой исторіей, что она не МОЯ, а всёхъ насъ — какъ свидѣтельство власти Божіей надъ нашими судьбами и заступничества св. Іоанна Шанхайскаго за насъ передъ Господомъ! И неутомимой доброй помощи его, Владыки Іоанна, намъ всемъ. И особеннымъ трепетомъ переполняется душа, когда видишь воочию, какъ силою Божію, данною Святому, МЪНЯЕТСЯ ЧЕЛОВѢКЪ!

Вернувшись въ Нью-Йоркъ, я первымъ дѣломъ поспѣшила въ Ново-Дивѣево, чтобы рассказать О.

Глѣбу о произошедшемъ чудѣ. Къ моему удивленію, опять и О. Глѣбъ и мать игуменьи Ирина, обыкновенно немногословные, оба спросили меня при встрѣчѣ, покрестила ли я моего отца... Со спокойствіемъ выслушавъ мой сбивчивый эмоциональный рассказъ, оба перекрестились и, сказавъ: “Слава Богу, Царствіе ему Небесное”, ничего болѣе не изрѣкли. Было такое ощущение, что они знали мою исторію и лишь только подтверждали свои “неземные” знанія, при этомъ держась просто и обыденно даже, какъ люди, знающие, что выполнили свою молитвенную “работу”, но не ставящие это себѣ въ заслугу...

Въ послѣдній годъ О. Глѣбъ долго болѣлъ и много времени провелъ въ больницѣ и въ реабилитационномъ центрѣ. Помню, какъ я прѣхала туда навѣстить его. Долго искала его по палатамъ и потомъ узнала, что его отправили въ залъ для физиотерапіи. Въ огромномъ помѣщеніи было много колясочниковъ и инвалидовъ, и я даже не сразу нашла среди нихъ любимаго О. Глѣба. Его знакомая долговязая фигура плохо помѣщалась въ инвалидномъ креслѣ. Непривычно было видѣть высокаго батюшку въ горбленой позѣ, держащаго большую деревянную скалку въ рукахъ. О. Глѣбъ очень удивился, увидѣвъ меня въ такой необычной обстановкѣ, и на его добромъ лицѣ появилась какая-то виноватая улыбка, какъ будто онъ самъ былъ удивленъ своимъ страннымъ положеніемъ... Я тоже улыбнулась... И не смогла скрыть своего удивленія:

Отецъ Глѣбъ въ послѣднія годы своей жизни.

Съ духовными чадами.

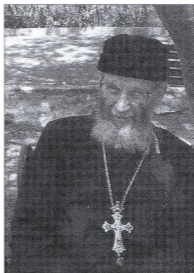
“Что вы дѣлаете съ этой скалкой?” — задала я не очень умѣстный вопрос. О. Глѣбъ опять растерянно улыбулся и тихо отвѣтил: “Самъ не знаю... Посадили вотъ здѣсь и сказали тренироваться...” Черезъ минуту мы уже “сбѣжали” съ физиотерапіи. Я катила его на коляскѣ по узкимъ коридорамъ центра и, отыскавъ укромное мѣсто въ комнатѣ для визитовъ родственниковъ, мы стали дожидаться соцработника, способнаго объяснить намъ, какъ долго ещё О. Глѣбу надо “тренироваться”, чтобы быстро вернуться въ его любимый монастырь, гдѣ онъ провѣлъ 40 лѣтъ своей жизни... Во время бесѣды съ представителями центра, ослабленный болѣзнью О. Глѣбъ, желающій убѣдить медработниковъ, что онъ способенъ самъ передвигаться, всталъ съ кресла-коляски и медленно, но вѣрно прошѣлъ нѣсколько шаговъ по гостевой комнатѣ. Слезы навернулись мнѣ на глаза, когда я увидѣла нашего горячо любимаго батюшку стоящимъ во весь свой высокій ростъ, несмотря на почтенный возрастъ и болѣзнь... Такъ онъ хотѣлъ вернуться ДОМОЙ въ Ново-Дивѣево! Въ Монастырь, къ женѣ, къ прихожанамъ, въ церковь, къ Богослуженію...

10. КОНЧИНА

Однако, ему удалось вернуться въ любимое Ново-Дивѣево за мѣсяцъ до кончины. И мы съ Ванечкой навѣстили О. Глѣба поздно вечеромъ въ его маленькой комнаткѣ, гдѣ его поселили въ старческомъ домѣ для ухода за нимъ. Мы вошли и увидѣли О. Глѣба лежащимъ на узкой кровати съ книгой въ рукахъ. Онъ читалъ. Узнавъ насъ, онъ поднялся съ кровати и радостно благословивъ Ванечку, обнявъ его за бѣлобрысую головку и поцѣловалъ въ лобикъ...

— “Мама, а сколько О. Глѣбу лѣтъ?” — спросила сынь, когда мы вышли за дверь.

— “Кажется, 96...” — неуверенно отвѣтила я.

На скамейкѣ
у монастырскаго магазинчика.

— “Это же почти 100!!! — удивился Ванечка и вдругъ неожиданно добавилъ. — А я его совсѣмъ не боюсь, мама!.. Другихъ вотъ иногда боюсь, а его совсѣмъ не боюсь...”

— “Это хорошо, сыночекъ,” — сказала я. — А что его боится, онъ же такой добрый!”

Потом О. Глѣбъ опять попалъ въ тотъ

же реабилитационный центръ, откуда уже не вышелъ живымъ. Конечно, мы прихожане навещали его и, конечно, хотѣли, чтобы онъ скончался на кровати монастыря, а не въ американской богадельнѣ, но такъ случилось, что онъ умеръ тамъ...

По милости Божьей, его супруга, матушка Людмила была съ нимъ въ послѣднюю минуту, и онъ былъ соборованъ передъ смертью. За три дня до отпѣванія его тѣло выставили въ скромномъ деревянномъ гробу въ храмѣ Ново-Дивѣево, и многие успѣли попрощаться и увидѣть его словно живая бѣлая руки. Радостная аура, которая исходила отъ его присутствія, ощущалась въ храмѣ въ день Иконы Божьей Матери Нечаянная радость, когда происходило елеопомазаніе. А въ день своего святого, въ день святыхъ Бориса и Глѣба, отецъ Глѣбъ былъ отпѣтъ и похороненъ. Отпѣваніе прошло очень торжественно. Былъ Владыка Іеронимъ и четыре священника изъ разныхъ приходоѡв. Собралось много людей. Люди плакали...

Вотъ ужъ скоро годъ, какъ нѣтъ больше съ нами нашего добраго О. Глѣба! Но потеря эта со временемъ ощущается всё сильнее... Такъ и ищутъ глаза знакомый силуэтъ нашего батюшки Глѣба, но его нѣтъ... Скамейка у монастырскаго магазинчика теперь пуста, и послѣ службы всё спускается по своимъ домамъ. ОСИРОТЪЛИ МЫ ВСѢ ТЕПЕРЬ!

Трудно представить, какъ можно дальше жить безъ его доброты и вниманія! Мы — любящие О. Глѣба, будемъ теперь просить его о помощи намъ свыше, изъ того Лучшаго Мира, въ который теперь переселилась Его Свѣтлая Душа! ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ! ВѢЧНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ!”

11. ИЗЪ ПРОПОВѢДЕЙ О. ГЛѢБА

Проповѣдь на муч. Аноллія 14(27)-го Декабря 2005 г.

«Мученикъ объявилъ себя христіаниномъ, а мы часто предаемъ Христа изъ страха. Самое главное въ жизни — исполнить заповѣдь. Послушаніе — главное въ монастырѣ, оно состоитъ въ беспрекословномъ исполненіи порученнаго. Этимъ покрывается множество грѣховъ. Неважно, хорошо или плохо выполняемъ его, главное само послушаніе. И если исполнимъ послушаніе, то Богъ покроетъ насъ своею милостію.»

Проповѣдь о Вѣрѣ

«Часто спрашиваютъ, вѣрите ли вы въ Бога? Большинство вѣритъ, какъ въ существованіе Бога. Но надо имѣть любовь къ Богу. Это первая заповѣдь. Любовь выражается въ исполненіи заповѣдей. Отсюда и любовь къ ближнему. Главное — потерять его, этимъ и исполнимъ заповѣдь. Если у человѣка будетъ желаніе исполнить заповѣдь, то Богъ дастъ силы ее исполнить и покроетъ своею благодатію.»

Проповѣдь о счастіи

«Все ищутъ счастья, но мало кто находитъ. Счастье — въ исполненіи заповѣдей. Священное Писаніе говоритъ, что если праведникъ согрѣшитъ, то будетъ наказанъ, а если грѣшникъ покается — будетъ прощенъ. Заповѣди Божіи изложены въ Нагорной проповѣди. Нельзя что-то пропустить. Заповѣди Божіи — свѣжій воздухъ, необходимый для жизни. Если цѣль жизни въ исполненіи Заповѣдей, то Господь дастъ энергію и благодать ихъ исполнить. Въ жизни такъ много обстоятельствъ, что никакого ума, ни предусмотрительности не хватитъ всего избѣжать. Но если Богъ въ головѣ, то даже если человѣкъ что-либо не такъ сдѣлаетъ, то благодать испривитъ и покроетъ»

Проповѣдь о Новомученикахъ

«Святые мученики шли на страданія съ упованіемъ на Бога. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Гдѣ

Голова — тамъ Христосъ. И для насъ эти слова. Все наши тяготы и скорби — это нашъ крестъ.»

Проповѣдь о Молитвѣ Господней

«Намъ Господь все дастъ при условіи исполненія заповѣдей. Хорошо быть христіаниномъ, когда все спокойно. Но когда все плохо и скорби — надо доказать, что ты христіанинъ исполненіемъ заповѣдей среди людей. Не воздавать зломъ за зло и т. д. «Да будетъ воля твоя» — въ этомъ исполненіи всѣхъ заповѣдей. А трудности? Это Господь смиряетъ, если сами не смиряемся. Надо видѣть волю Божью въ обстоятельствахъ и благоговѣть. Антоній Великій сказалъ, что нельзя выставлять чужихъ недостатковъ напоказъ. Если мы сдержимъ раздраженіе на брата, то исполнимъ заповѣдь. «Миръ много любящимъ законъ Твой...» Обѣ заповѣди (любви къ Богу и ближнему) неотделимы одна отъ другой. И Господь міра покроетъ насъ своею милостію.»

12. МОЛИТВА СТАРЦА НЕКТАРІЯ ОПТИНСКАГО

Изъ воспоминаній О. Глѣба о Владыкѣ Андрѣ:

"Владыка Андрѣй пріѣхалъ съ семьей въ Берлинъ въ 1943 году и сразу былъ приглашенъ митрополитомъ Серафимомъ и назначенъ настоятелемъ Берлинскаго собора. Я съ нимъ тогда же познакомился, и въ 1944 году (это было время воздушныхъ налетовъ на Берлинъ) онъ мнѣ какъ-то, среди многихъ бесѣдъ, далъ и объяснилъ, какъ творить молитву Иисусову, а именно:

Слава Тебѣ, Боже нашъ, Слава Тебѣ.

Царю Небесный... по Отче нашъ

Помилуй мя Боже... (50й псаломъ)

Господи Иисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго (3 земныхъ поклона)

Пресвятая Владычице Богородице, спаси мя, грѣшнаго.

Святѣй Ангеле Христовъ, моли Господа о мнѣ, грѣшномъ.

30 ГИХСБ, помилуй мя, грѣшнаго (малые поклоны)

10 Пресвятая Владычице Богородице, спаси мя, грѣшнаго.

10 Святѣй Ангеле Христовъ, моли Господа о мнѣ, грѣшномъ.

10 Все святѣи, молитѣ Бога о насъ.

40 ГИХСБ, помилуй мя, грѣшнаго (безъ поклоновъ, можно сидя)

Въ заключеніе молитву Богородицѣ (изъ утреннихъ молитвъ): «Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами...»

Это одна молитва, одна сотница!

Эта молитва была дана О. Адриану старцемъ Нектаріемъ Оптинскимъ.

Ново-Дивеево, Сентябрь 2004

Вѣчная память.

ВАЛААМСКАЯ МОНАХИНЯ МАРИЯ (ВЫРУБОВА)

ВАЛААМСКАЯ ПАТРОЛОГІЯ

ПОЛНЫЙ Валаамскій Патерикъ

МОНАХИНЯ МАРІЯ ВЫРУБОВА Валаамская Постриженница

Память 5(18-го) Апрѣля (1880-1953)

ЭТА СТАТЬЯ о замѣчательномъ, русскомъ, православномъ человѣкѣ, православномъ не по буквѣ только, но по духу, по особому духовному устроению открытой, чистой души, по необыкновенной, дѣтской вѣрѣ, человѣкѣ, горячо и искренне любящимъ Россію и Русскій Народъ. Анна Александровна Таньева (Вырубова), изъ всѣхъ окружавшихъ Царскую Семью людей являлась и является наиболее близкимъ къ Нимъ человѣкомъ, близкимъ не только по своему положенію приближеннаго друга, но по міросозрѣнію, по общности духовныхъ интересовъ и судьбы. Бесправная эмигрантка, беззащитная и немощная физически, только силой вѣры и твердостью своего духа могла совершить духовный подвигъ — смиренно пронести свой крестъ. Не будучи глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, не черпая духовной поддержки изъ небесныхъ источниковъ, не питаясь обильно Божественной благодатью, невозможно было бы его совершить. Статья составлена на основѣ ея воспоминаній о своей жизни и свиденій, собранныхъ ея почитателями въ Россіи и Финляндіи.

Утѣшность есть свидѣтельство непрямого пути, а скорбность — свидѣтельство пути правого. Помышляя о семъ, радуйтесь, крестоносцы!

Святитель Феофанъ Затворникъ

1. СЕМЬЯ

ТЕЦЬ МОЙ, Александръ Сергѣевичъ Таньевъ, занималъ видный постъ статсъ-секретаря и главноуправляющаго Его Императорскаго Величества Канцелярїи въ продолженіе двадцати лѣтъ. По странному стеченію обстоятельствъ тотъ же самый постъ занимали его дѣдъ и отецъ при Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III.

Дѣдъ мой, генераль Толстой, былъ флигель-адъютантомъ Императора Александра II, а его прадѣдъ былъ знаменитый фельдмаршалъ Кутузовъ. Прадѣдомъ

матери былъ графъ Кутаисовъ, другъ Императора Павла I.

Несмотря на высокое положеніе моего отца, наша семейная жизнь была простая и скромная. Кромѣ служебныхъ обязанностей весь его жизненный интересъ былъ сосредоточенъ на семьѣ и любимой музыкѣ, — онъ занималъ видное мѣсто среди русскихъ композиторовъ. Вспоминаю тихіе вечера дома: братья, сестра и я, помѣстившись за круглымъ столомъ, готовили уроки, мама работала, отецъ же, сидя у рояля, занимался композиціей. Благодарю Бога за счастливое дѣтство, въ которомъ я почерпнула силы для тяжелыхъ переживаній послѣдующихъ лѣтъ. <...>

Образование мы, дѣвочки, получили домашнее и держали экзаменъ на знаніе учительницъ при округѣ. Иногда черезъ отца мы посылали наши рисунки и работы Императрицѣ, которая хвалила насъ, но въ то же время говорила отцу, что поражается, что русскія барышни не знаютъ ни хозяйства, ни рукодѣлія и ничѣмъ кромѣ офицеровъ не интересуются.

Воспитанной въ Англии и Германіи, Императрицѣ не нравилась пустая атмосфера петербургскаго свѣта, и она все надѣялась привить вкусъ къ труду. Съ этой цѣлью она основала «Общество рукодѣлія», члены котораго, дамы и барышни, обязаны были сработать не менѣе трехъ вещей въ годъ для бѣдныхъ. Сначала всѣ принялись работать, но вскорѣ, какъ и ко всему, наши дамы охладѣли, и никто не могъ сработать даже трехъ вещей въ годъ.

2. О. ІОАННЪ КРОНШТАДТСКІЙ

Жизнь при Дворѣ въ то время была веселая и беззаботная. 17-ти лѣтъ я была представлена сперва Императрицѣ-Матери въ Петергофѣ въ ся дворцѣ. Сначала страшно застенчивая, — я вскоре освоилась и очень веселилась. Въ эту первую зиму я успѣла побывать на 22 балахъ, не считая разныхъ другихъ увеселеній. Вѣроятно, переутомленіе отозвалось на моемъ здоровьѣ, — и лѣтомъ, получивъ брюшной тифъ, я была 3 мѣсяца при смерти. Братъ и я болѣли одновременно, но его болезнь шла нормально, и черезъ 6 недѣль онъ поправился; у меня же сдѣлалось воспаление легкихъ, почекъ и мозга, отнялся языкъ, и я потеряла слухъ. Во время долгихъ мучительныхъ ночей я видѣла какъ-то разъ во снѣ О. Іоанна Кронштадтскаго, который сказалъ мнѣ, что скоро будетъ лучше.

Въ дѣтствѣ О. Іоаннъ Кронштадтскій раза 3 былъ у насъ и своимъ благодѣтельнымъ присутствіемъ оставилъ въ моей душѣ глубокое впечатлѣніе, и теперь, казалось мнѣ, могъ скорѣе помочь, чѣмъ докторъ и сестры, которые за мной ухаживали. Я какъ-то сумѣла объяснить свою просьбу: позвать О.

Іоанна, — и отецъ сейчасъ же послалъ ему телеграмму, которую онъ, впрочемъ, не сразу получилъ, такъ какъ былъ у себя на родинѣ. Въ полузабытій я

Родители Анны, Александръ Сергѣевичъ Тургѣвъ (1850-1918) и Надѣжда Илларионовна, урожденная Толстая (1850-1937).

чувствовала, что О. Іоаннъ вѣдетъ къ намъ, и не удивилась, когда онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату. Онъ отслужилъ молебны, положивъ спитрахиль мнѣ на голову. По окончаніи молебна онъ взялъ стаканъ воды, благословилъ и обдѣлалъ меня, къ ужасу сестры и доктора, которые кинулись меня вытирать. Я сразу заснула,

и на слѣдующій день жаръ спалъ, вернулся слухъ, и я стала поправляться.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна три раза навѣщала меня, а Государыня присылала чудные цвѣты, которые мнѣ клали въ руки, пока я была безъ сознанія. <...>

3. ПРИ ДВОРѢ

Въ концѣ февраля 1905 года моя мать получила телеграмму отъ свѣтлѣйшей княгини Голицыной, гофмейстерины Государыни, которая просила отпустить меня на дежурство — замѣнить больную свитскую фрейлину княжну Орбеляни. Я сейчасъ же отправилась съ матерью въ Царское Село. Квартиру мнѣ дали въ музеѣ — небольшой мрачной комнатѣ, выходящая на церковь Знаменья. Будь квартира и болѣе приветливой, все же я съ трудомъ могла [бы] побороть въ себѣ чувство одиночества, находясь въ первый разъ въ жизни вдали отъ родныхъ, окруженная чуждой мне придворной атмосферой.

Кромѣ того, Дворѣ былъ въ траурѣ. 4-го Февраля былъ звѣрски убитъ Великій Князь Сергей Александровичъ, московскій генераль-губернаторъ. По слухамъ, его не любили въ Москвѣ, гдѣ началось серьезное революціонное движеніе, и Великому Князю грозила ежедневная опасность.

Великая Княгиня, несмотря на тяжелый характеръ Великога Князя, была бесконечно ему предана и боялась отпускать его одного. Но въ этотъ роковой день онъ уѣхалъ безъ вѣдома. Услышавъ страшный взрывъ, она воскликнула: «It is Serge». Она поспѣшно выбѣжала изъ дворца, и глазамъ ея

представилась ужасающая картина: тѣло Великаго Князя, разорванное на сотни кусковъ. <...>

Грустное настроеніе при Дворѣ тяжело ложилось на душу одинокой дѣвушки. Мнѣ сшили траурное черное платье, носила я и длинный креповый вуаль, какъ остальные фрейлины. <...>

По желанію Государыни главной мой обязанностью было проводить время съ больной фрейлиной, княжной Орбельяни, которая страдала прогрессивнымъ параличомъ. Велѣдствіе болезни характеръ у нее былъ очень тяжелый. Остальные придворныя дамы также не отличались любезностью, я страдала отъ ихъ частыхъ насмѣшекъ, — особенно они потѣшались надъ моимъ французскимъ языкомъ. <...>

Быль постъ, и по средамъ и пятницамъ въ походной церкви Александровскаго дворца служили преждеосвященныя литургіи для Государыни. Я просила и получила разрѣшеніе бывать на этихъ службахъ. Другомъ моимъ была княжна Шаховская, фрейлина Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны, только что осиротѣвшая. Всегда добрая и ласковая, она первая начала давать мне религиозныя книги для чтенія. <...>

4. ДРУЖБА

СЪ ГОСУДАРЫНЕЙ

Подошла Страстная недѣля, и мнѣ объявили, что дежурство мое кончено. Императрица вызвала меня въ дѣтскую проститься. Застала я ее въ угловой игровой комнатѣ окруженную дѣтми, на рукахъ у нее былъ Наслѣдникъ. Я была поражена его красотой — такъ онъ былъ похожъ на херувима: вся головка въ золотыхъ кудряхъ, огромныя синія глаза, бѣлое кружевное платьице. Императрица дала мнѣ его подержать на руки и тутъ же подарила мнѣ медальонъ (сѣрый камень въ видѣ сердца, окруженный брилліантами) на память о моемъ первомъ дежурствѣ, и простился со мной. <...>

Между мной и Государыней установились простыя, дружескія отношенія, и я молила Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ всю жизнь мою положить на

служеніе Ихъ Величествамъ. Вскорѣ я узнала, что и Ея Величество желала приблизить меня къ себѣ. <...>

Мы начали играть съ Императрицей въ 4 руки. Я играла недурно и привыкла разбирать ноты, но отъ волненія тѣрjala мѣсто, и пальцы леденѣли. Играли мы Бетховена, Чайковского и другихъ композиторов. Вспоминаю наши первые разговоры у роуля и иногда до сна. Вспоминаю, какъ мало-помалу она мнѣ открывала свою душу, рассказывая, какъ съ первыхъ дней съ приѣзда въ Россію она почувствовала, что се не люба, и это былъ ей вдовинѣ тяжело, такъ какъ

она вышла замужъ за Государя только потому, что любила его, и, любя Государя, она надеялась, что ихъ обоюдное счастье приблизитъ къ нимъ сердца ихъ подданныхъ. <...>

Не все сразу, но понемногу Государыня рассказывала мнѣ о своей молодости. Разговоры эти сблизили насъ... другомъ я и осталась при ней, не фрейлиной, не придворной дамой, а просто другомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. <...>

5. НЕСЧАСТНЫЙ БРАКЪ

Въ семейномъ кругу часто говорили о томъ, что мнѣ пора выйти замужъ. <...> Среди другихъ часто бывалъ у насъ морской офицеръ Александръ Вырубовъ. Въ декабрѣ онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе. <...> Свадьба моя была 30-го Апрелья 1907 года въ церкви Большого Царскосельскаго Дворца. Я не спала всю ночь и встала утромъ съ тяжелымъ чувствомъ на душѣ. Весь этотъ день прошелъ какъ сонъ... Во время вѣнчанія я чувствовала себя чужой возлѣ своего жениха... Тяжело женщинѣ говорить о бракѣ, который съ самаго начала оказался неудачнымъ, и я только скажу, что мой бѣдный мужъ страдалъ наследственной болезнью. Нервная система мужа была сильно потрясена послѣ японской войны — у Цусимы; vorbei минуты, когда онъ не могъ совладать съ собой; цѣлыми днями лежалъ въ постели, ни съ кѣмъ не разговаривая. <...> Послѣ года тяжелыхъ переживаній и униженій несчастный бракъ нашъ былъ расторгнутъ. Я осталась жить въ

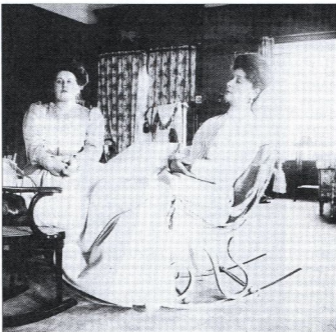
Сестры Танѣеы въ русскихъ национальных костюмахъ для русскаго костюмированнаго бала при дворѣ.
Фотографія 1903 г.

крошечномъ домѣ въ Царскомъ Селѣ, который мы наняли съ мужемъ; помещеніе было очень холодное, такъ какъ не было фундамента и зимой дуло съ пола. Государыня подарила мнѣ къ свадьбѣ 6 стульевъ, съ ея собственной вышивкой, акварели и прелестный чайный столъ. У меня было очень уютно. Когда Ихъ Величества прѣѣзжали вечеромъ къ чаю, Государыня привозила въ кармане фрукты и конфеты, Государь — «черри-бренди». Мы тогда сидѣли съ ногами на стульяхъ, чтобы не мерзли ноги. Ихъ Величества забавляла простая обстановка. Чай пили съ сушками у камина. <...>

***

Осенью 1909 года первый разъ я была въ Ливадіи, любимомъ мѣстѣ пребыванія Ихъ

Величествъ на берегу Чернаго моря... Жизнь въ Ливадіи была простая. Мы гуляли, ѣздили верхомъ, купались въ морѣ. Государь обожалъ природу, совсѣмъ перерождался; часами мы гуляли въ горахъ, въ лѣсу. Брали съ собой чай и на кострѣ жарили собранные нами грибы. Государь ѣздилъ верхомъ и ежедневно игралъ въ теннисъ; я всегда была его партнеромъ, пока Великія Княжны были еще маленькими... Осенью заботилъ Наслѣдникъ. Всѣ во дворцѣ были подавлены страданіемъ бѣднаго мальчика. Ничто не помогало ему кромѣ ухода и заботъ его матери. Окружающіе молились въ маленькой дворцовой церкви. Иногда мы пѣли во время всенощной и обѣдни: Ея Величество, старшія Великія Княжны, я и двое пѣвчихъ изъ придворной капеллы. <...> Къ Рождеству мы вернулись въ Царское Село. До отъѣзда Государь нѣсколько разъ гулялъ въ солдатской походной формѣ, желая на себѣ самомъ испытать тяжесть амуниці. Было нѣсколько

Съ Императрицей Александрой Θεодоровной въ домѣ Тангевой въ Царскомъ Селѣ. Въ 1900-е въ немъ жилъ русский композиторъ и пианистъ С. И. Тангевъ, дѣдъ Анны по отцу.
Фотографія 1907 г.

куръзныхъ случаевъ, когда часовые, не узнавъ Государя, не хотѣли пустить его обратно въ Ливадію. <...>

Описывая жизнь въ Крыму, я должна сказать, какое горячее участіе принимала Государыня въ судьбѣ туберкулезныхъ, прѣѣзжавшихъ лечиться въ Крымъ. Санаторіи въ Крыму были стараго типа. Послѣ осмотра ихъ всѣхъ въ Ялтѣ Государыня рѣшила сейчасъ же построить на свои личные средства въ ихъ имѣніяхъ санаторіи со всеми усовершенствованіями, что и было сдѣлано.

Часами я разлѣзала по приказанію Государыни по больницамъ, разспрашивая больныхъ отъ имени Государыни о всѣхъ ихъ нуждахъ. Сколько я возила денегъ отъ Ея Величества на уплату леченія неимущихъ! Если я находила какой-нибудь

вопіющій случай одиноко умирающаго больного, Императрица сейчасъ же заказывала автомобиль и отправлялась со мной лично, привозя деньги, цвѣты, фрукты, а главное — обаяніе, которое она всегда умѣла внушить въ такихъ случаяхъ, внося съ собой въ комнату умирающаго столько ласки и доброты. Сколько я видѣла слезъ благодарности! Но никто объ этомъ не зналъ — Государыня запрѣщала мнѣ говорить объ этомъ. <...>

Въ день «блѣгого цвѣтка» Императрица отправлялась въ Ялту въ шарабанчикѣ съ корзинами бѣлыхъ цвѣтковъ; дѣти сопровождали ее пешкомъ. Восторгу населенія не

было предѣла. Народъ, въ то время не тронутый революціонной пропагандой, обожалъ Ихъ Величества, и это невозможно забыть. <...>

***

Припомною наши побѣдки зимой въ церковь ко всенощной. <...> Императрица потихоньку прикладывалась къ иконамъ, дрожащей рукой ставила свѣчку и на колѣняхъ молилась; но вотъ сторожъ узналъ — бѣжить въ алтарь, священникъ

вспокоился; бѣгутъ за пѣвчими, освѣщаютъ темный храмъ. Государыня въ отчаяніи и, оборачиваясь ко мнѣ, шепчетъ, что хочетъ уходить. Что дѣлать? Сани отосланы. Тѣмъ временемъ вбѣгаютъ въ церковь дѣти и разная тетка, которые стараются, толкая другъ друга, пройти мимо Императрицы и поставить свѣчку у той иконы, у которой она встала, забывая, зачѣмъ пришли; ставя свѣчки, оборачиваются на нее, и она уже не въ состояніи молиться, нервничаетъ... Сколько церквей мы такъ обѣхали! Бывали счастливые дни, когда насъ не узнавали, и Государыня молилась — отходя душой отъ земной суеты, стоя на колѣняхъ на каменномъ полу никѣмъ не замѣченной въ углу темнаго храма. Возвращаясь въ свои царскіе покои, она приходила къ обѣду румяная отъ морознаго воздуха, со слегка заплаканными глазами, спокойная, оставивъ свои заботы и печали въ рукахъ Вседержителя Бога.

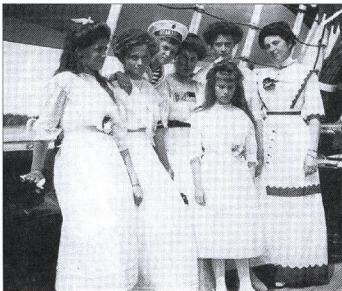
Воспитанная при небольшомъ Дворѣ, Государыня знала цѣну деньгамъ и потому была бережлива. Платья и обувь переходили отъ старшихъ Великихъ Князей къ младшимъ. Когда она выбирала подарки для родныхъ или приближенныхъ, она всегда сообразовывалась съ цѣнами.

<...>

Я лично никакихъ денегъ отъ Государыни не получала и часто бывала въ тяжеломъ положеніи. Я получала отъ родителей 400 рублей въ мѣсяць. За дачу платили 2000 рублей въ годъ. Я должна была платить жалованіе прислугѣ и одѣваться такъ, какъ надо было при Дворѣ, такъ что у меня никогда не бывало денегъ. Свитскіе фрейлины Ея Величества получали 4 тысячи въ годъ на всемо готовомъ. Помню, какъ братъ Государыни, Великій Герцогъ Гессенскій, говорилъ Государынѣ, чтобы мнѣ дали официальное мѣсто при Дворѣ: тогда-де разговоры умолкнутъ, и мнѣ будетъ легче. Но Государыня отказала, говоря: «Неужели Императрица Всероссийская не имѣетъ права имѣть друга! Вѣдь у Императрицы-Матери быть другъ — княгиня

А. А. Оболенская, и Императрица Марія Александровна дружила съ госпожой Мальцевой».

Впоосѣдствіи министръ Двора графъ Фредериксъ говорилъ много разъ съ Ея Величествомъ о моемъ тяжеломъ денежномъ положеніи. Сперва Императрица стала мнѣ дарить платья и матеріи къ праздникамъ; наконецъ, какъ-то позвавъ меня, она сказала, что хочетъ переговорить со мной о денежномъ вопросѣ. Она спросила, сколько я трачу въ мѣсяць, но точной цифры я сказать не могла; тогда, взявъ карандашъ и бумагу, она стала со мной высчитывать: жалованье, кухня, керосинъ и т. д. Вышло 270 рублей въ мѣсяць. Ея Величество написала графу Фредериксу, чтобы ей посылали изъ Министерства Двора эту сумму, которую и передавала мнѣ каждое первое число.

Анна Вырубова съ царскими дѣтьми на яхтѣ "Штандартъ" во время путешествія по Финскимъ шхерамъ.

Послѣ революціи во время обыска нашли эти конверты съ надписью «270 рублей» и наличными 25 рублей. Послѣ всѣхъ толковъ какъ были поражены члены Слѣдственной Комиссіи. Искали во всѣхъ банкахъ и ничего не нашли! Ея Величество послѣднія годы платила 2 тысячи за мою дачу. Единственные деньги, которые я имѣла, были тѣ 100 000 рублей, которые я получила за уѣздъ отъ жѣлезной дороги. На нихъ я соорудила лазаретъ. Всѣ думали, что я

богата, и какихъ слезъ стоило мнѣ отказывать въ просьбѣ о денежной помощи — никто не вѣрилъ, что у меня ничего нѣтъ. <...>

7. ВОЙНА

Дни до объявленія войны были ужасны; видѣла и чувствовала, какъ Государя склоняютъ рѣшиться на опасный шагъ; война казалась неизбежной. Императрица всѣми силами старалась удержать его, но всѣ ея разумныя убѣжденія и просьбы ни къ чему не привели. Играла я ежедневно съ дѣтьми въ теннисъ; возвращаясь, заставала Государя блѣднаго и разстроеннаго. Изъ разговоръ съ нимъ я видѣла, что и онъ считаетъ войну неизбежной, но онъ

утъшать себя тѣмъ, что война укрѣпляетъ национальные и монархическіе чувства, что Россія послѣ войны станетъ еще болѣе могучей, что это не первая война и т. д. <...>

Перѣехали въ Царское Село, гдѣ Государыня организовала особый эвакуаціонный пунктъ, въ который входило около 85 лазаретовъ въ Царскомъ Сѣлѣ, Павловскѣ, Петергофѣ, Лугѣ, Саблинѣ и другихъ мѣстахъ. Обслуживали эти лазареты около 10 санитарныхъ полковъ ея имени и имени дѣтей. Чтобы лучше руководить дѣятельностью лазаретовъ, Императрица рѣшила лично пройти курсъ сестеръ милосердія военнаго времени съ двумя старшими Великими Княжнами и со мной. Преподавательницей Государыня выбрала княжну Гелройцъ, женщину-хирурга, завѣдававшую Дворцовымъ госпиталемъ... Стоя за хирургомъ, Государыня, какъ каждая операционная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, не гнушаясь ничѣмъ и стойко вынося запахи и ужасныя картины военнаго госпиталя во время войны. <...>

Выдержавъ экзаменъ, Императрица и дѣти, наряду съ другими сестрами, окончившими курсъ, получили красныя кресты и аттестаты на званія сестеръ милосердія военнаго времени... Началось страшно трудное и утомительное время... Въ 9 часовъ утра Императрица каждый день заѣзжала въ церковь Знаменія, къ чудотворному образу, и уже оттуда мы ѣхали на работу въ лазаретъ. Наскоро позавтракавъ, весь день Императрица посвящала осмотру другихъ госпиталей. <...>

5. ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАЯ КАТАСТРОФА

Воскорѣ послѣ событий, рассказанныхъ мною, произошла желѣзнодорожная катастрофа 2-го Января 1915 года. Я ушла отъ Государыни въ 5 часовъ и съ полковомъ 5.20 поѣхала въ городъ... Не дожидаясь 6 верстѣ до Петербурга, вдругъ раздался страшный

грохотъ, и я почувствовала, что проваливаюсь куда-то головой внизъ и ударяюсь о землю; ноги же запутались, вѣроятно, въ трубахъ отопленія, и я почувствовала, какъ они переломились. На минуту я потеряла сознание. Когда пришла въ себя, вокругъ была тишина и мракъ. Затѣмъ послышались крики и стоны придавленныхъ подъ развалинами вагоновъ раненныхъ и умирающихъ. Я сама не могла ни пошевельнуться, ни кричать; на головъ у меня лежалъ огромный желѣзный брусъ и изъ горла текла кровь. Я молилась, чтобы скорѣе умерѣть, такъ какъ невыносимо страдала... Четыре часа я лежала на полу безъ всякой помощи. Прибывшій врачъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Она умираетъ, ее не стоитъ трогать!» Солдатъ желѣзнодорожнаго полка, сидя на полу, положилъ мои сломянные ноги къ себѣ на колѣни,

покрылъ меня своей шинелью (было 20 градусоваго мороза), такъ какъ шуба моя была изорвана въ куски. <...>

Помню, какъ меня пронесли черезъ толпу народа въ Царскомъ Сѣлѣ, и я увидѣла Императрицу и всѣхъ Великихъ Княжонъ въ слѣзкахъ. Меня перенесли въ санитарный автомобиль, и Императрица сейчасъ же вскочила въ него; присѣвъ на полъ, она держала мою голову на колѣняхъ и ободрила меня; я же шептала ей, что умираю. <...> Послѣдующія шесть недѣль я день и ночь мучилась нечеловѣческими страданіями.

***

Желѣзная дорога выдала мнѣ за увѣче 100 000

рублей. На эти деньги я основала лазаретъ для солдатъ-инвалидовъ, гдѣ они обучались всякому ремеслу; начали въ 60 человекъ, а потомъ расширили до 100. Испытанъ на опытѣ, какъ тяжело быть калекой, я хотѣла хоть нѣсколько облегчить имъ жизнь въ будущемъ. Въѣвъ по приѣздѣ домой на нихъ въ семьяхъ стали бы смотрѣть какъ на лишний ротъ! Черезъ годъ мы выпустили 200 человекъ мастеровыхъ, сапожниковъ, переплетчиковъ. Лазаретъ этотъ сразу удивительно пошелъ... Впослѣдствіи, можетъ быть не разъ, мои милые инвалиды спасали мнѣ жизнь во время революціи. Все же есть люди, которые помнятъ добро.

Анна Вырубова на прогулкѣ съ Великой Княжной Ольгой послѣ травмы, полученной во время крушенія поѣзда 2-го Января 1915 г.

8. ОТРЪЧЕНИЕ ГОСУДАРЯ

<...> Мы уехали в Ставку навѣстить Государя. Вѣроятно, все эти именитые иностранцы, проживавшие в Ставке, одинаково работали съ сэромъ Бюкененомъ (посол Англій. — Ред.). Ихъ было множество: генералъ Вильямъ со штабомъ отъ Англій, генералъ Жанень отъ Франціи, генералъ Риккель — бельецъ, а также итальянскіе, сербскіе и японскіе генералы и офицеры. Какъ-то разъ послѣ завтрака все они и наши генералы и офицеры штаба толпились въ саду, пока Ихъ Величества разговаривали съ приглашенными. Сзади меня иностранные офицеры громко разговаривая, обзывали Государяню обидными словами и во всеуслышаніе дѣлали замѣчанія... Я отошла, мнѣ стало почти душно.

Великіе Князья и чины штаба приглашались къ завтраку, но Великіе Князья часто «заболѣвали» и къ завтраку не появлялись во время приѣзда Ея Величества; «заболѣвал» также генералъ Алексѣевъ (начальникъ штаба. — Ред.). Государь не хотѣлъ замѣчать ихъ отсутствія. Государыня же мучилась, не зная, что предпринять. <...> Я же лично постоянно угадывала разные оскорбленія, и во взглядахъ, и въ «любезныхъ» пожатіяхъ руки и понимала, что злоба эта направлена черезъ меня на Государыню. <...>

Среди неправды, интригъ и злобы было, однако, и въ Могилевѣ одно свѣтлое мѣстечко, куда я приносила свою больную душу и слезы. То былъ Братскій монастырь. За высокою каменной стѣной на главной улицѣ — одинокій бѣлый храмъ, гдѣ два-три монаха справляли службу, проводя жизнь въ нищетѣ и лишенияхъ. Тамъ находилась чудотворная икона Могилевской Божіей Матери, благой ликъ которой сіялъ въ полумракѣ бѣднаго каменнаго храма. Я

каждый день урывала минутку, чтобы създить приложиться къ иконѣ. Услышавъ объ иконѣ, Государыня также ѣздила раза два въ монастырь. Былъ и Государь, но въ наше отсутствіе. Въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ душевной муки, когда мнѣ казалась близка неминуемая катастрофа, помню я отвѣла Божіей Матери свои бриллиантовыя серьги. По странному стеченію обстоятельствъ, единственную маленькую икону, которую мнѣ разрѣшили потомъ имѣть въ крѣпости, была икона Божіей Матери Могилевской, — отобравъ все остальное, солдаты вырнули мнѣ ее на коѣбни. Сотни разъ въ день и во время страшныхъ ночей я прижимала ее къ груди. <...>

Анна Вырубова, фрейлина Императрицы Александры Θεодоровны (сидитъ третья сълва), среди персонала вагона-церкви Императорскаго санитарнаго поѣзда. *Первая міровая война.*

ма, грозившіе мнѣ убійствомъ и т. п. Императрица, которая лучше насъ всѣхъ понимала данные обстоятельства, какъ я уже писала, немедленно велѣла мнѣ переѣхать во дворецъ, и я съ грустью покинула свой домикъ, не зная, что уже никогда туда не возвращусь. По приказанію Ихъ Величествъ съ этого дня каждый мой шагъ оберегался. При выѣздахъ въ лазаретъ всегда сопутствовалъ мнѣ санитаръ Жукъ; даже по дворцу меня не пускали ходить одной. <...>

Мало-помалу жизнь во дворцѣ вошла въ свою колею. Государь читалъ по вечерамъ намъ вслухъ. На Рождество (1917 года. — Ред.) были обычныя ѣлки во дворцѣ и въ лазаретахъ; Ихъ Величества дарили подарки окружающей свитѣ и прислугѣ; но Великімъ Князьямъ въ этотъ годъ они не посылали

На душѣ становилось все тяжелѣе и тяжелѣе; генералъ Восойковъ жаловался, что Великіе Князья заказываютъ себѣ поѣзда иногда за часъ до отъѣзда Государя, не считаясь съ нимъ, и если генералъ отказывалъ, то строили противъ него всякія козни и интриги. <...>

***

Я ежедневно получала грязные анонимные письма

подарковъ. Несмотря на праздник, Ихъ Величества были очень грустны: они переживали глубокое разочарованіе въ близкихъ и родственникахъ, которымъ ранѣе довѣряли и которыхъ любили, и никогда, кажется, Государь и Государыня Всероссийскіе не были такъ одиноки, какъ теперь. Преданные ихъ же родственниками, оклеветанные людьми, которые въ глазахъ всего міра назывались представителями Россіи, Ихъ Величества имѣли около себя только нѣсколько преданныхъ друзей да министровъ, ими назначенныхъ, которые всѣ были осуждены общественнымъ мнѣніемъ... Государя постоянно упрекаютъ въ томъ, что онъ не умѣлъ выбирать себѣ министровъ. Въ началъ своего царствованія онъ бралъ людей, которымъ довѣрялъ

Государь Николай II быть доступнымъ, конечно, какъ человѣкъ всѣмъ человѣческимъ слабостямъ и горестямъ, но въ эту тяжелую минуту (отрѣченія отъ престола — Ред.) глубокой обиды и униженія я все же не могла убить себя въ томъ, что восторжествовать его враги; мнѣ не вѣрилось, что Государь, самый великодушный и честный изъ всей Семьи Романовыхъ, будетъ осужденъ стать невинной жертвой своихъ родственниковъ и подданныхъ. Но Царь, съ совершенно спокойнымъ выраженіемъ глазъ, подтвердилъ все это, добавивъ еще, что «если бы вся Россія на колыняхъ просила его вернуться на престолъ, онъ бы никогда не вернулся». Слѣзы звучали въ его голосѣ, когда онъ говорилъ о своихъ друзьяхъ и родныхъ, которымъ онъ больше всѣхъ довѣрялъ и которые оказались соучастниками въ низверженіи его съ престола. Онъ показалъ мнѣ телеграммы Брусилова, Алексѣева и другихъ генераловъ, отъ членовъ его Семьи, въ томъ числѣ и Николая Николаевича: всѣ просили Его Величество на колыняхъ, для спасенія Россіи отрѣчься отъ престола. Но отрѣчься въ пользу кого? Въ пользу слабой и равнодушной Думы! Нѣтъ, въ собственную ихъ пользу, дабы, пользуясь именемъ и престижемъ Алексѣя Николаевича, правило бы и обогатилось выбранное ими регентство...

Я поняла, что для Россіи теперь все кончено. Армія разложилась, народъ нравственно повсюду упалъ, и моему взору уже предносились те ужасы, которые насъ всѣхъ ожидали. <...>

8. ВЪ ЗАКЛЮЧЕНИИ

*Трубецкой бастіонъ
Петропавловской крѣпости,*

<...> Тотъ, кто переживалъ первый моментъ заключенія, пойметъ, что я пережила: черная, безпросвѣтная скорбь и отчаяніе. Отъ слабости я упала на

Въ 1916 году въ ставкѣ въ Могилевѣ находился Государь Императоръ Николай II и его Семья. Отсюда пошелъ онъ на свою Голгофу.

его покойный отецъ, Императоръ Александръ III. Затѣмъ братъ по своему выбору. Къ сожалѣнію, война и революція не дали Россіи ни одного имени, которое съ гордостью могло бы повторить потомство... мы, русскіе, слишкомъ часто винимъ въ нашемъ несчастьи другихъ, не желая понять, что положеніе наше — дѣло нашихъ же рукъ, мы всѣ виноваты, особенно же виноваты высшіе классы. Мало кто исполняетъ свой долгъ во имя долга и Россіи. Чувство долга не внушалось съ дѣтства; въ семьяхъ дѣти не воспитывались въ любви къ Родинѣ, и только величайшее страданіе и кровь невинныхъ жертвъ могутъ омьять наши грѣхи и грѣхи цѣлыхъ поколѣній. <...>

жѣлезную кровать; вокругъ на каменномъ полу — лужи воды, по стекламъ текла вода, мракъ и холодъ; крошечное окно у потолка не пропускало ни свѣта ни воздуха, пахло сыростью и затхлостью. Въ углу клеветъ и раковина. Жѣлезный столикъ и кровать приделаны къ стѣнѣ. На кровати лежали тоненькій волосяный матрасъ и двѣ грязныя подушки. Черезъ нѣсколько минутъ я улыбалась, какъ поворачивали ключи въ двойныхъ или тройныхъ замкахъ огромной жѣлезной двери, и вешель какой-то ужасный мужчина съ черной бородой, съ грязными руками и злымъ, преступнымъ лицомъ, окруженный толпой наглыхъ отирательныхъ солдатъ. По его приказанію солдаты сорвали тюфячокъ съ кровати,

убрала вторую подушку и потом начали срывать съ меня образки, золотые клыба. Этогъ субъектъ заявилъ мнѣ, что онъ зѣсь вмѣсто министра юстици и отъ него зависитъ установить режимъ заключеннымъ. Вносѣдствии онъ назвалъ свою фамилію — Кузьминъ, бывшій каторжникъ, пробывшій на каторгѣ въ Сибири 15 лѣтъ. <...>

Я буквально голодала. Два раза въ день приносили полмиски какой-то бурды, вродѣ супа, въ которую солдаты часто плевали, клали стекло. Часто отъ него воняло тухлой рыбой, такъ что я затыкала носъ, проглатывая немного, чтобы только не умереть отъ голода... Ни разу за всѣ эти мѣсяцы мнѣ не разрѣшили принести ѣду изъ дома. <...>

Жизнь наша была медленной смертной казнью. Ежедневно насъ выводили на 10 минутъ на маленькій дворикъ съ нѣсколькими деревьями; посреди двора стояла баня. Шесть вооруженныхъ солдатъ выводили всѣхъ заключенныхъ по очереди. Въ первое утро, когда я вышла изъ холода и запаха могилы на свѣжій воздухъ даже на эти 10 минутъ, я пришла въ себя, ощутивъ, что еще жива, и какъ-то стало легче... Думаю ни одинъ садъ въ мѣрѣ не доставлялъ никому столько радости, какъ нашъ убогий садикъ въ крѣпости. Я дышала Божьимъ воздухомъ, смотрѣла на небо, внимательно наблюдала за каждымъ облачкомъ, вематриваясь въ каждую травку, въ каждый листочекъ на кустахъ. <...>

Я никогда не раздвѣлалась; у меня было два шерстяныхъ платка; одинъ я надѣвала на голову, другой на плечи: покрывалась же своимъ пальто. Холодно было отъ мокрого пола и стѣнъ. Я спала по 4 часа. <...> Просыпаясь, я грѣлась въ единственномъ тѣпломъ уголкѣ камеры, гдѣ снаружи была пѣча; часами простаивала я на своихъ костыляхъ, прислонившись къ сухой стѣнѣ. <...>

Теперь надо поговорить о главномъ мучителѣ, докторѣ Трубецкого бастиона — Серебрянниковѣ. Появился онъ уже въ первый день заключенія и потомъ обходилъ камеры почти каждый день. Толстый, со злымъ лицомъ и огромнымъ краснымъ бантомъ на груди. Онъ сдиралъ съ меня при солдатахъ рубашку, нагло и грубо насмѣхаясь. <...>

Въ эти дни я не могла молиться и только повторяла слова Спасителя: «Боже, Боже мой, всую мя еси оставил!»

<...> Спустя неделю, что мы пробыли въ заключеніи, намъ объявили, что у насъ будутъ дежурить надзирательницы изъ женской тюрьмы. Первая надзирательница была молодая бойкая особа, флиртующая со всѣми солдатами и не обращающая на насъ особаго вниманія; вторая же постарше, съ кроткими, грустными глазами. Съ первой же минуты она подняла глубину моего страданія и была нашей поддержкой и ангеломъ-хранителемъ. Воистину есть святые на землѣ, и она

была святая. Имени ея я не хочу называть, а буду говорить о ней какъ о нашемъ ангелѣ. Все, что было въ ея силахъ, чтобы облегчить наше несчастное существованіе, она все сдѣлала. Никогда въ своей жизни не смогу ее отблагодарить. Видя, что мы буквально умираемъ съ голоду, она покупала на свои скудные средства то немного колбасы, то кусокъ сыру или шоколада и т. д. Одной ей не позволяли входить, но, уходя вслѣдъ за солдатами, послѣдней изъ камеры, она ухитрялась бросать сверточки въ уголь около клозета, и я бросалась, какъ голодный звѣрь на пакетикъ, сѣдала въ этомъ углу, подбирала и выбрасывала всѣ крошки.

9. КРАСНОЕ ЯИЧКО

Первую радость доставила она мнѣ, подаривъ красное яичко на Пасху. Не знаю, какъ описать эту

Въ Могилевѣ. 1916 г.

свѣтлый праздникъ въ тюрьмѣ. Я чувствовала себя забытой Богомъ и людьми. Въ Свѣтлую ночь проснувшись отъ звона колоколовъ и сѣла на постѣли, обливаясь слѣзами. Ворвалось нѣсколько словескъ пьяныхъ солдатъ, со словами «Христосъ Воскресе!» похристовосовались. Въ рукахъ у нихъ были тарелки съ пасхой и кусочками кулича; но меня они обнесли. «Ее надо побольше мучить, какъ близкую къ Романовымъ», — говорили они. Священникъ просилъ позволенія у правительства обойти заключенныхъ съ крестомъ, но ему отказали. Въ Великую Пятницу насъ всѣхъ исповѣдали и причащали Святыхъ Тайнъ; вилили насъ по очереди въ одну изъ камеръ, у входа стоялъ солдатъ.

Священник плакать со мной на исповѣди. Никогда не забуду ласковаго отца Иоанна Руднева; онъ ушелъ въ лучшей мѣрь. Онъ такъ глубоко принялъ къ сердцу немомѣрную нашу скорбь, что заболѣлъ послѣ этихъ исповѣдей.

Была Пасха, и я въ своей убогой обстановкѣ пѣла пасхальныя пѣсни, сидя на койкѣ. Солдаты думали, что я сошла съ ума, и, войдя, полъ угрозой побить, потребовали, чтобы я замолчала. Положивъ голову на грязную подушку, я заплакала... Но вдругъ я почувствовала подъ подушкой что-то крѣпкое и, сунувъ руку, ощутила яйцо. Я не смѣла вѣрить своей радости. Въ самомъ дѣлѣ, подъ грязной подушкой, набитой соломой, лежало красное яичко, положенное доброй рукой моего единственнаго теперь друга, нашей надзирательницы. Думаю, ни одно красное яичко въ этотъ день не принесло столько радости: я прижала его къ сердцу, цѣловала его и благодарила Бога. <...>

***

23-го Апрелья, въ день именинъ Государыни, когда я особенно отчаивалась и грустила, въ первый разъ обошелъ наши камеры докторъ Манухинъ, бесконечно добрый и прекрасный человекъ. Съ его приходомъ мы почувствовали, что есть Богъ на небѣ и мы имъ не забыты. <...> Для него все мы были пациенты, а не заключенные. Онъ потребовалъ, чтобы ему показали нашу пищу и приказалъ выдать каждому по бутылкѣ молока и по два яйца въ день. Какъ это ему удалось, не знаю, но вода у него была жѣлезная, и, хотя сперва солдаты хотѣли его нѣсколько разъ поднять на штыки, они въ концѣ концовъ покорились ему, и онъ, невзирая на грубости и неприяности, забывая себя, свое здоровье и силы, во имя любви къ страдающему человечеству все дѣлалъ, чтобы спасти насъ. <...>

Допросы Руднева продолжались все время. Я какъ-то спросила доктора Манухина: за что мучать меня такъ долго? Онъ успокаивалъ меня, говоря, что разберутся, но предупредилъ, что меня ожидать еще худшей допросъ.

Черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ ко мнѣ одинъ, закрывъ дверь, сказавъ, что Комиссія поручила ему переговорить со мной съ глазу на глазъ, и потому въ этотъ разъ солдаты его не сопровождаютъ. Чрезвычайная Комиссія, говорилъ онъ, почти закончила рассмотрение моего дѣла и пришла къ заключенію, что обвинения лишены основанія, но что мнѣ нужно пройти черезъ этотъ «докторскій» допросъ, чтобы реабилитировать себя, и что я должна на это согласиться!... Когда «допросъ» кончился, я лежала разбитая и усталая на кровати, закрывая лицо руками. Съ этой минуты докторъ Манухинъ сталъ моимъ другомъ — онъ понялъ

глубокое, безпросветное горе незаслуженной клеветы, которую я несла столько лѣтъ. <...>

***

Арестный Домъ, Фурштатская 40

Мѣсяць, который я провела въ Арестномъ Домѣ, былъ сравнительно спокойный и счастливый, хотя иногда бывало и жутко, такъ какъ въ это время была первая попытка большевиковъ встать во главѣ правительства. <...>

Комеандантъ, узнавъ, что у меня есть походная церковь въ лазаретѣ, обратился ко мнѣ съ просьбой, не позволила бы я отслужить обѣдню для всѣхъ заключенныхъ. Такъ какъ самое большое желаніе офицеровъ было причаститься Святыхъ Тайнъ. Обѣдня эта совпала съ днемъ моего рожденія 16-го Іюля. Трогательная была эта служба: всѣ эти несчастные, замученные въ тюрьмахъ люди простояли всю обѣдню на колѣняхъ; многие неужеримо плакали, плакала и я, стоя въ уголкѣ, слушающа послѣ неизъяснимыхъ мученій эту первую обѣдню. <...>

Въ Арестномъ Домѣ я начала поправляться. Весь день я просиживала у открытаго окна и не могла налюбоваться на зелень въ садикѣ и на маленькую церковь Космы и Даміана. Но больше всего доставляло удовольствіе — смотрѣть на проходившихъ и проѣзжавшихъ людей. Цвѣтъ лица изъ земляного превратился въ нормальный, но я долго не могла привыкнуть разговаривать, и меня это страшно утомляло. Къ вечеру я нервничала: мнѣ все казалось, что придутъ за мной стрѣлки изъ крѣпости. <...>

24-го Іюля пришла телеграмма изъ прокуратуры, чтобы кто-нибудь изъ моихъ родныхъ пріѣхалъ за получениемъ бумаги на мое освобожденіе. <...>

Въ Царское, конечно, не смѣла ѣхать. Отъ моего вѣрнаго Берчика узнала, какъ обыскивали мой домикъ, какъ Временное правительство предлагало ему 10 тысячъ рублей, лишь бы онъ наговорилъ гадостей на меня и на Государыню; но онъ, прослужившій 45 лѣтъ въ нашей семьѣ, отказался, и его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ цѣлый мѣсяць. Во время первого обыска срывали у меня въ комнатѣ ковры, подняли полъ, ища «подземный ходъ во дворецъ» и секретные телеграфные провода въ Берлинъ. Искали «канцелярію Вурубовой», ничего не найдя, ужасно досаждали. Но главное, что они искали, — это винные погреба, и никакъ не могли повѣрить, что у меня нѣтъ вина. <...>

10 ИЗГНАНИЕ

24-го Августа вечеромъ, какъ только я легла спать, въ 11 часовъ явился отъ Керенскаго комиссаръ съ двумя «адеютантами» <...> они сказали, что я какъ контрреволюционерка выслаюсь въ 24 часа за

границу. <...> Утро 26-го было холодное и дождливое, на душѣ невыразимо тяжело. На станцію поѣхали на двухъ автомобиляхъ... дорогимъ родителямъ было разрѣшено проводить меня до Теріокъ. Вагонъ нашъ былъ первый отъ паровоза. Въ 7 часовъ утра поѣздъ тронулся, — я заплакала слѣзами. Дядя въ шутку называлъ меня эмигранткой. Несмотря на всё мученія, которымъ я подверглась за послѣдніе мѣсяцы, «эмигрантка» убивалась при мысли уѣхать съ Родины. <...>

Подъѣзжая къ Ринкмяки, я увидѣла на платформѣ толпу въ нѣсколько тысячъ солдатъ; всё они, видимо, ждали нашего поѣзда и съ дикими криками окружили нашъ вагонъ. Въ одну минуту они отбѣгли его отъ паровоза и ворвались, требуя, чтобы насъ отдали на растерзаніе. «Давайте намъ Великихъ Князей. Дайте генерала Гурко...» Ихъ свалилось полный вагонъ. Я думала, что все конечно, сидѣла, держа за руку сестру милосердія. «Да вотъ онъ, генералъ Гурко», — кричали они, вбѣжавъ ко мнѣ. Напрасно увѣряла сестра, что я больная женщина, — они не вѣрили, требовали, чтобы меня раздѣли; увѣряя, что я — переодѣтый Гурко. Вѣроятно, мы бы всё были растерзаны на мѣстѣ, если бы не два матроса-делегата изъ Гельсингфорса, прѣхавшіе на автомобилѣ: они влѣзли въ вагонъ, вытолкали половину солдатъ, а одинъ изъ нихъ — высокий, худой, съ бѣднымъ добрымъ лицомъ (Антоновъ) — обратился съ громовою рѣчью къ тысячной толпѣ, убѣждая успокоиться и не учинять самосуда, такъ какъ это позоръ. Они сумѣли на нихъ подвѣствовать, такъ что солдаты немного поутикли и позволили прицѣпить вагонъ къ паровозу для дальнѣйшаго слѣдованія въ Гельсингфорсъ. <...>

Мы очутились на яхтѣ «Полярная звѣзда», съ которой связано у меня столько дорогихъ воспоминаній о плаваніяхъ — по этимъ же волнамъ съ Ихъ Величествами. <...> Яхта перешла, какъ и все достояніе Государя, въ руки Временнаго правительства. Теперь же на ней засѣдалъ «Центробалтъ». Нельзя было узнать въ залпаванной, загаженной и накуреной каютѣ чудную столовую Ихъ Величествъ. За тѣмъ же столами сидѣло чловѣкъ сто «правителей» — грязныхъ озвѣрѣлыхъ матросовъ. Происходило засѣданіе, на которомъ рѣшались вопросы и судьба разореннаго флота и бѣдной Россіи.

Пять сутокъ, которыя я провела подъ арестомъ на яхтѣ, я цѣлый день слышала, какъ происходили эти засѣданія и говорились «умная» рѣчи. Мнѣ казалось, что я сижу въ домѣ сумасшедшихъ. <...> Насъ помѣстили въ тюрьму. Все было переполнено паразитами; день и ночь горѣла электрическая лампочка, такъ какъ все это помѣщеніе было подъ водой. Никогда не забуду первой ночи. У нашихъ дверей поставили караулъ съ «Петропавловска», те

же матросы съ лезвьями на винтовкахъ, и всю ночь разговоръ между ними шелъ о томъ, какимъ образомъ съ нами покончить, какъ меня перерѣзать вдоль и поперекъ, чтобы потомъ выбросить черезъ люкъ, и съ кого начать — съ женщинъ или со стариковъ. <...> Когда караулъ смѣнила команда съ «Гангута», Антоновъ ушелъ, и я больше его никогда не видѣла. Вернувшись на свой корабль, матросы съ «Петропавловска» убили всѣхъ своихъ офицеровъ. Какъ мы не сошли съ ума, не знаю, но когда насъ перевели въ крѣпость, то я замѣтила, что стала седеа... Если Гельсингфорскій совѣтъ насъ сразу не уничтожилъ, то, думаю, изъ-за того, что мы числились арестованными Керенского, котораго они ненавидѣли. <...>

Въ Петроградѣ былъ какой-то «Съѣздъ Совѣтовъ» и ожидалась перемѣна правительства. Въ случаѣ ухода Керенского матросы рѣшили насъ отпустить... вопросъ о насъ рѣшенъ Областнымъ Комитетомъ положительно... по главѣ Петроградскаго Совѣта всталъ Тронкій, которому насъ препровождаютъ.

11. ВЪ РЕВОЛЮЦИОННОМЪ ПЕТРОГРАДѢ

Въ 9 часовъ утра мы прѣхали въ Петроградъ... въ Смольный. Очутились въ огромномъ коридорѣ, по которому бродили солдаты. Я была счастлива обнять дорогую маму, которая вбѣжала съ другими родственниками. Вскорѣ пришелъ Каменевъ и его жена; поздоровавшись со всѣми нами, сказала, что, вѣроятно, мы голодные, приказали всѣмъ принести обѣдъ. Они рѣшили вызвать кого-нибудь изъ слѣдственной комиссіи по телефону, но никого не могли найти, такъ какъ было воскресенье и праздникъ Покрова (я все время надѣялась, что въ этотъ день Божія Матерь защититъ насъ). Каменевъ же сказалъ, что лично онъ отпускаетъ насъ на всѣ четыре стороны... На слѣдующій день всѣ газеты были полны нами... Цѣлыя статьи были посвящены мнѣ и Каменеву; пошли легенды, которыя окончились разсказами, что я засѣдалъ въ Смольномъ, что меня тамъ видѣли «своими глазами», что я катаюсь съ Колонтай и скрываю Троцкого и т. д.

***

Какъ ни странно, но зима 1917—1918 гг. и лѣто 1918 г., когда я скрывалась въ своей маленькой квартирѣ на 6-омъ этажѣ въ Петроградѣ, были сравнительно спокойными, хотя столица и находилась въ рукахъ большевиковъ, и я знала, что ни одна жизнь не находится въ безопасности. Пища была скудная, цѣны огромныя, и общее положеніе становилось все хуже и хуже. <...>

Я вѣрила, надѣялась и молилась, что ужасное положеніе Россіи временное, и что скоро наступитъ реакція, и русскіе люди поймутъ свою ошибку и

грѣхъ по отношенію къ дорогимъ узникамъ въ Тобольскѣ. Такого же мнѣнія, казалось мнѣ, былъ <...> и писатель Горькій, который, вѣроятно, ради любопытства хотѣлъ меня увидѣть... Ко мнѣ Горькій отнесся ласково и сочувственно. <...> Онъ говорилъ мнѣ, что на мнѣ лежитъ отвѣтственная задача написать правду объ Ихъ Величествахъ «для примиренія царя съ народомъ». Мнѣ же совѣтовалъ жить тише, о себѣ не напоминая. Я видѣла его еще два раза и показывала ему нѣсколько страницъ своихъ воспоминаній, но писать въ Россіи было невозможно.

***

Въ концѣ лѣта 1918 г. жизнь въ Россіи приняла хаотическій характеръ: несмотря на то, что лавки были закрыты, можно было приобрести кое-какую провизию на рынкахъ. Цѣны были уже тогда непомерно высоки. Фунтъ хлѣба стоилъ нѣсколько сотъ рублей, и масло — нѣсколько тысячъ... Вспоминаю тяжелый день, когда у меня осталось въ кармазѣ всего пять копѣекъ; я сидѣла въ Таврическомъ саду на скамьйкѣ и плакала. Когда вернулась домой, моя мать, которая все лѣто лежала больная въ постели, сказала мнѣ, что только что былъ одинъ знакомый и принесъ намъ 20 тысячъ рублей, узнавъ о нашей бѣдности. Послѣ этого онъ исчезъ, и мы никогда не узнали, что съ нимъ стало. Благодаря его помощи мнѣ удалось послать Царской Семьи необходимыя вещи и одѣжду. <...>

7-го Октября ночью мать и я были разбужены сильными звонками въ дверь, и къ намъ явились человекъ 8 вооруженныхъ солдатъ съ Гороховой, чтобы произвести обыскъ, а также арестовать меня и сестру милосердія... Минуть черезъ десять пріѣхали на Гороховую... Когда стало разсвѣтать, арестованные стали подыматься; солдатъ съ ружьемъ водилъ партіями въ грязную уборную. Тутъ же подъ крапомъ умывали лицо. Старостой арестованныхъ женщинъ была выбрана та, которая больше всѣхъ находилась въ ЧК. <...> Не зная, въ чемъ меня обвиняютъ, жила съ часу на часъ въ постоянномъ страхѣ, какъ и всѣ, впрочѣмъ... Часто ночью, когда усталые мы засыпали, насъ будилъ электрической свѣтъ, и солдаты вызывали кого-нибудь изъ женщинъ: испуганная, она вставала, собирая свой карбъ, — одни возвращались, другіе исчезали... и никто не зналъ, что каждого ожидать. <...> Выкрикнувъ мою фамилію, добавили: «въ Выборгскую тюрьму». Меня повели внизъ на улицу. У меня было еще немного денегъ, я попросила солдата взять извозчика и по дорогѣ разрѣшить мнѣ повидать мою мать. Уже былъ вечеръ, трамваи не ходили. Шель дождь. Мы наняли извозчика за 60 рублей въ Выборгскую тюрьму; отдала всѣ оставшіяся деньги солдату, и онъ согласился остановиться около нашего дома. <...>

Сколько допрашивали и мучили меня, выдумывая всевозможные обвинения! Къ 25-му Октября, большевистскому празднику, многихъ у насъ освободили... Но амнистія не касалась «политическихъ». <...> 10-го Ноября вечеромъ меня вызвалъ помощникъ надзирателя, сказавъ, что съ Гороховой пришелъ приказъ меня немедленно препроводить туда... Почти сейчасъ же вызвали на допросъ... около часу кричали они на меня съ ужасной злобой, увѣряя, что я состою въ нѣмецкой организации, что у меня какіе-то замыслы противъ ЧК, что я опасная контрреволюціонерка и что меня непременно разстрѣляютъ, какъ и всѣхъ «буржуевъ», такъ какъ политика ихъ, большевиковъ, — «уничтоженіе» интеллигенціи и т. д. Я старалась не терять самообладанія, видя, что передо мной душевно больные... Вернувшись, я упала на грязную кровать; допросъ продолжался три часа... Прошелъ мучительный часъ. Снова показался солдатъ и крикнулъ: «Таньва! Съ вещами на свободу!»

Дома меня ожидала непріятность: сестра милосердія, которую я знала съ 1905 года, которая служила у меня въ лазаретъ и послѣ моихъ заключеній поселилась со мной и моею матерью, украла всѣ мои оставшіяся золотыя вещи.

***

Зиму 1919 года провели тихо. Но я очень нервничала: успокоеніе находила только въ храмахъ. Ходила часто въ Ланру, на могилу отца: постоянно была на Карповкѣ у О. Иоанна. Изрѣдка видѣлась съ нѣкоторыми друзьями; многіе добрые люди не оставляли меня и мою мать, приносили намъ хлѣба и продукты. Имена ихъ ты видишь, Господи!..

Наступило лѣто, жаркое, какъ и въ предыдущемъ году. У матери съдѣлалась сильнѣйшая дизентерія. Спасась се, какъ и въ прошломъ году, дорогой докторъ Манухинъ. По городу начались во всѣхъ районахъ повальные обыски. Цѣлыя ночи разлѣзали автомобили съ солдатами и женщинами, и арестовывали цѣлыми компаніями. Обыкновенно это лѣто электричество тушилось въ 7 часовъ вечера, но когда оно снова вечеромъ зажигалось, то обыватели знали, что ожидается обыскъ, и тряслись. У насъ эти господа побывали семь разъ, но держали себя прилично. Въ концѣ іюля меня снова арестовали. <...>

Черезъ мѣсяць началось наступленіе Бѣлой арміи на Петроградъ. Городъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, удвоились обыски и аресты. Нервничала власть. Вездѣ учились солдаты, детали аэропланы. Съ лѣта также ввели карточки, по которымъ несчастное населеніе получало все меньше и меньше продуктовъ. Стали свирѣпствовать эпидеміи. Больше всего голодала интеллигенція, получая въ общественныхъ столовыхъ двѣ ложки

воды съ картофелемъ, вмѣсто супа, и ложку каши... Наканунѣ Воздвиженя я была на ночномъ моленіи въ Лаврѣ; началось въ 11 часовъ вечера. Всѣнощная, полунощница, общее соборование и ранняя обѣдня. Соборъ былъ такъ переполненъ, что, какъ говорится, яблоку нѣкуда было упасть. До обѣды шла общая исповѣдь, которую провелъ священникъ Введенскій. Митрополитъ Веніаминъ читалъ разрышительную молитву. Больше часа подходили къ Святымъ Тайнамъ: пришлось двигаться славенной среди толпы, такъ что даже нельзя было поднять руку, чтобы перекреститься. Яркое сѣтило солнце, когда въ 8 часовъ утра выходила радостная толпа изъ воротъ Лавры, никто даже не чувствовалъ особенной усталости. Въ храмахъ народъ искалъ успокоенія отъ горькихъ переживаній и потерь этого странного времени.

22-го Сентября вечеромъ я пошла на лекцію въ одну изъ отдаленныхъ церквей и осталась ночевать у друзей, такъ какъ идти домой вечеромъ было и далеко, и опасно. Все послѣднее время тоска и вѣчный страхъ не покидали меня; въ эту ночь я видѣла О. Иоанна Кронштадтскаго во снѣ. Онъ сказалъ мнѣ: «Не бойся, я все время съ тобой!» Я рѣшила поѣхать прямо отъ друзей къ ранней обѣднѣ на Карповку и, причастившись Св. Тайнъ, вернулась домой. Удивилась, найдя дверь черного хода запертой. Когда я позвонила, мнѣ открыла мать, вся въ слѣзахъ, и съ ней два солдата, пріѣхавшие меня взять на Гороховую... Комната наша была полна; около меня помѣщалась блѣлая барышня финка, которую арестовали за попытку уѣхать въ Финляндію. Она служила теперь машинисткой въ чрезвычайкѣй и по ночамъ работала: составляла списки арестованныхъ и поэтому заранѣе знала объ участи многихъ. Кромѣ того за этой барышней ухаживалъ главный комиссаръ — арестонецъ. Возвращаясь ночью со своей службы, она вполголоса пересказала своей подругѣ, высокой рыжей грузинкѣ Менабде, кого именно увезутъ въ Кронштадтъ на разстрѣль. <...> Я поняла, что меня ожидаетъ самое ужасное, и вся похолодѣла... «Менабде на волю, Вырубова въ Москву», — такъ крикнулъ начальникъ комиссаровъ, входя къ намъ въ камеру утромъ 7-го Октября. Ночью у меня сдѣлалось сильное кровотеченіе; староста и докторъ пробовали протестовать противъ распоряженія, но онъ повторилъ: «Если не идетъ, берите ее силой». Вошли два солдата, схватили меня. Но я просила ихъ оставить меня и, связавъ свой узелокъ, открыла свое маленькое Евангеліе. Взглядъ упалъ на 6-ой стихъ 3-ей главы отъ Луки: «И узритъ всякая плоть спасеніе Божіе». Лучъ надежды сверкнулъ въ измученномъ сердцѣ. Меня торопили, говорили, что сперва поведутъ на Шпалерную, потомъ въ Вологду. <...> Но

я знала, куда меня вѣли. «Не можемъ же мы съ ней возиться», — сказала комиссаръ старостѣ. <...>

<...> И здѣсь случилось то, что читатель можетъ назвать какъ хочетъ. Но что я называю чудомъ. Трамвай, на который мы должны были пересѣсть, было то задержался <...> и большая толпа народа ожидала. Стояла и я со своимъ солдатомъ, но черезъ нѣсколько минутъ ему надоѣло ждать и, сказавъ подождать одну минуточку, пока онъ посмотритъ, гдѣ же нашъ трамвай, онъ отбѣжалъ направо. Въ эту минуту ко мнѣ сначала подошелъ офицеръ Спернаго полка, которому я когда-то помогла, спросилъ, узнаю ли его, и, вынувъ 500 рублей, сунулъ мнѣ въ руку, говоря, что деньги мнѣ могутъ пригодиться... Въ это время ко мнѣ подошла быстрыми шагами одна изъ женщинъ, съ которой я часто вмѣстѣ молилась на Карповкѣ: она была одна изъ домашнихъ О. Иоанна Кронштадтскаго. «Не давайтесь въ руки врагамъ, — сказала она, — идите, я молюсь. Батюшка Отецъ Иоаннъ спасетъ Васъ». Меня точно кто-то толкнулъ; ковыляя со своей палочкой, я пошла по Михайловской улицѣ (узелокъ мой остался у солдата), напрягая послѣднія силы и громко зывая: «Господи, спаси меня! Батюшка отецъ Иоаннъ, спаси меня!» Дошла до Невского: трамвай нѣтъ. Вбѣжать ли въ часовню? Не смѣю: Перешла улицу и пошла по Периной линіи, оглядываясь. Вижу — солдатъ бѣжитъ за мной. Ну, думаю, кончено. Я прислонилась къ дому, ожидая. Солдатъ, добѣжавъ, свернулъ на Екатерининскій каналъ. Былъ ли этотъ или другой, не знаю. Я же пошла по Чернышеву переулку. Силы стали слабѣть, мнѣ казалось, что еще немного, и я упаду. Шапочка съ головы свалилась, волосы упали, прохожіе оглядывались на меня, вѣроятно, принимая за безумную. Я дошла до Загородного. На углу стоялъ извозчикъ. Я подбѣжала къ нему, но тотъ закачалъ головой. «Занятъ». Тогда я показала ему 500-рублевую бумажку, которую держала въ лѣвой рукѣ. «Садись», — крикнулъ онъ. Я дала адресъ друзей за Петроградомъ. <...>

***

Какъ мнѣ описать мои странствованія въ послѣдующіи мѣсяцы. Какъ загнанный звѣрь, я пряталась то въ одномъ темномъ углу, то въ другомъ. <...>

12. БѢГСТВО

<...> Шель 1920 годъ. Господь черезъ добрыхъ людей не оставлялъ меня... Начали приходить письма изъ-за границы отъ сестры моей матери, которая убѣждала насъ согласиться уѣхать къ ней... Но какъ покинуть Родину? Я знала, что Богъ такъ великъ, что если Ему угодно сохранить, то всегда и нездѣ рука Его надъ нами. И почему же за границей больше сохранности? Боже, чего стоилъ мнѣ этотъ шагъ!..

Отправились: я босикомъ, въ драпомъ пальтишкѣ. Встрѣтились мы съ матерью на вокзалѣ жѣлезной дороги и, проѣхавъ нѣсколько станцій, вышли. <...> Темнота. Намъ было приказано слѣдовать за мальчикомъ съ мѣшкомъ картофеля, но въ темнотѣ мы потеряли его. Стоимъ мы посреди деревенской улицы: мать съ единственнымъ мѣшкомъ, я со своей палкой. Не ѣхать ли обратно? Вдругъ изъ темноты вынырнула дѣвушка въ платкѣ, объяснила, что она сестра этого мальчика, и велѣла идти за ней въ избушку. <...> Финны медлили, не рѣшаясь ѣхать, такъ какъ рядомъ происходила танцулька. Въ 2 часа ночи намъ шепнули: собираться. Вышли безъ шума на крыльцо. На дворѣ были спрятаны большіе финскіе сани. Такъ же бесшумно отъѣхали. <...> Почти все время шли

шагомъ по заливу: была оттепель, и огромныя трещины во льду. Одинъ изъ финновъ шель впереди, измѣряя жѣлезной палкой. То и дѣло они останавливались, прислушиваясь. Слѣва, близко, казалось, мерцали огни Кронштадта. Услыхавъ ровный стукъ, они обернулись со словами «погоная», но послѣ мы узнали, что звукъ этотъ производить ледаколь «Ермакъ», который шель, прорѣзывая ледъ за нами. Мы проѣхали послѣдними. <...> Было почти свѣтло, когда мы съ разбѣгу поднялись на финскій берегъ и понеслись окольными дорогами къ домику финновъ, боясь здѣсь попасться въ руки финской полиціи. Очелнблые, усталые, мало что собирая, мать и я пришли въ карантинъ, гдѣ содержали всѣхъ русскихъ бѣженцевъ...

Насъ вымыли, накормили и понемногу одѣли. Какое странное чувство было — надѣть сапоги. <...>

И у меня, и у матери душа была полна неизяснимаго страданія: если было тяжело на дорогой Родинѣ, то и теперь подчасъ одиноко и трудно безъ дома, безъ денегъ... Но мы со всѣми изгнанными и оставшимися страдальцами въ умиленіи сердець нашихъ зывали къ милосердному Богу о спасеніи дорогой Отчизны.

13. СЛОВО ПРАВДЫ О ЦАРСКОЙ СЕМЬѢ

Оказавшись въ 1920 году вмѣстѣ съ матерью въ Финляндіи, и поселившись въ Выборгѣ, ощутивъ

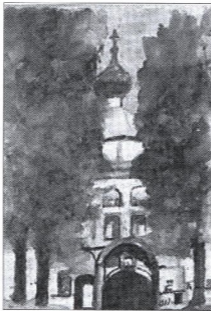
себя въ безопасности, Анна Александровна, наконецъ, могла бы пожить тихо и безмятежно, вдали отъ житейскихъ бурь и невзгодъ, по крайней мѣрѣ, могла бы постараться сдѣлать все, чтобы никогда не возвращаться къ переживанію тѣхъ страшныхъ картинъ и ужасовъ, всего того, что было вымучено и выстрадано ею въ Россіи. Но... этого не произошло. Практически сразу она приступаетъ къ написанію своихъ воспоминаній «Страницы моей жизни».

Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ она находилась, совершить нѣчто подобное означало совершить подвигъ, причемъ подвигъ духовный, такъ какъ не будучи глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, не черпая духовной поддержки изъ небесныхъ источниковъ, не питаясь обильно Божественной благодатью, невозможно совершить сей трудъ. Почему? Да потому только, что посвящены воспоминанія Помазанникамъ Божиимъ.

Неповторимость и безцѣнность ея воспоминаній состоитъ въ томъ, что слово о Царѣ Николаѣ, Царицѣ Александрѣ и Ихъ Царственныхъ Дѣтяхъ произнесено замѣчательнымъ, русскимъ, православнымъ человѣкомъ, православнымъ не по буквѣ только, но по духу, по особому духовному устроению открытой, чистой души, по необыкновенной, дѣтской вѣрѣ, человѣкомъ, горячо и искренне любящимъ Тѣхъ, о комъ идетъ рѣчь, любящимъ Россію и Русскій Народъ. И именно съ точки зрѣнія глубоко вѣрующаго, православнаго, русскаго человѣка изображены Ихъ чудные, свѣтлые лики, даны оцѣнки событіямъ и поведенію людей, затронуты вопросы, касающіеся Божественныхъ основъ устройства Русской Земли. Въ ея воспоминаніяхъ найдемъ мы вѣрное пониманіе истинныхъ, духовныхъ по своей природѣ причинъ трагическаго разрушенія Самодержавной Россіи.

Значеніе книги еще и въ томъ, что авторъ, Анна Александровна Танѣва (Вырубова), изъ всѣхъ окружавшихъ Царскую Семью людей являлась и является наиболѣе близкимъ къ Нимъ человѣкомъ, близкимъ не только по своему положенію приближеннаго друга, но по міросозрѣнію, по общности духовныхъ интересовъ и судьбы.

Воспоминанія были написаны довольно быстро и изданы въ 1922 году въ Парижѣ и переизданы въ

Изъ Валаамскихъ акварелей Анны Вырубовой.

1923 въ Берлинѣ. Чтобы по достоинству оцѣнить значеніе этого событія, достаточно сказать, что появленіе ихъ было встрѣчено новой волной негодованія и озлобленнаго раздраженія какъ въ Совѣтской Россіи, такъ и за ея предѣлами. Имя Анны Вырубовой вновь было очернено. Было сдѣлано все, чтобы уничтожить добрую память о ней въ сознаніи потомковъ. Задача состояла не только въ томъ, чтобы дискредитировать ее саму, но и въ томъ, чтобы исказить до неузнаваемости ея воспоминанія. Для этой цѣли были приведены въ дѣйствіе все возможные грязные механизмы, включая откровенную ложь, фальсификацію и подлогъ, и все это съ привлеченіемъ интеллектуальнаго потенциала профессиональных историковъ, литераторовъ, переводчиковъ, дѣятельность которыхъ, несомнѣнно, контролировалась властными структурами внутри Россіи и опредѣленными политическими кругами за рубежомъ.

По всей видимости, новые тиражи книги «Страницы моей жизни» больше не переиздавались въ полномъ объемѣ и первоначальномъ видѣ, а то, что было переиздано, носило слѣды беззастенчивой правки, въ результатѣ которой текстъ былъ сокращенъ вдвое.

Развернутая въ мирѣ кампанія по искаженію воспоминаній Анны Вырубовой преслѣдовала цѣль не столько опорочить саму Анну Танѣеву, сколько запятнать свѣтлую память о послѣднихъ русскихъ Царѣ и Царицѣ и исказить представленіе о русскомъ самодержавіи въ цѣломъ, какъ объ исключительно благотномъ, незамѣнимомъ для Россіи, Богоданномъ устройствѣ государственнаго управленія, въ которомъ съ наибольшей полнотой въ человѣческой исторіи нашель отраженіе принщія слиянія (симфоніи) свѣтскихъ и духовныхъ властей, принщія единенія въ Богѣ Русскаго Народа вокругъ своего православнаго Царя-Самодержца.

Ко всему прочему, книга раскрывала подлинную роль многихъ дѣятелей изъ среды русской эмиграціи, кто продолжалъ мнить себя радѣтелями о благѣ Россіи, кто писалъ мемуары, претендуя на обладаніе истиной, на самомъ же дѣлѣ скрывалъ подлинныя причины произошедшаго въ Россіи, кто, болѣе того, искаженіемъ правды о Царѣ и его вѣрныхъ слугахъ прикрывалъ свою собственную неблаговидную, если не сказать болѣе рѣзко — грязную роль предателей и измѣнниковъ Царя и Россіи.

О томъ эффектѣ, который произвелъ выходъ воспоминаній Анны Вырубовой и о масштабахъ отвѣтной реакціи, можно косвенно судить по тѣмъ дѣйствіямъ и усиліямъ, которые были предприняты въ Совѣтской Россіи въ отвѣтъ на выходъ «Страницъ». Несомнѣнно, что эта «литературная дѣятельность», а точнѣе возня, соответствовала интересамъ не только «большевистской верхушки», но и тѣхъ силъ въ мирѣ, которыя способствовали сокрушенію Самодержавной Россіи.

Не будетъ преувеличеніемъ предположить, что именно этотъ періодъ жизни Анны Александровны сопряженъ съ ея духовнымъ, несомнѣнно, молитвеннымъ подвигомъ, когда она, фактически бесправная эмигрантка, по-прежнему беззащитная и немощная физически, только силой вѣры и твердостью своего духа могла противостоять кампаніи, которая имѣла цѣлью не допустить того, чтобы правда о Божіихъ Помазанникахъ открылась всему миру. Ставка въ этой борьбѣ была очень велика. И враги Русскаго Народа это хорошо понимали. Въ рѣчь шла о спасеніи Россіи, какъ Державы Русскаго Народа — единственнаго несокружимаго оплота Православія въ мирѣ передъ лицомъ всеобщаго отступленія отъ Бога и поклоненія духу стремительно идущему въ мирѣ антихриста.

Монахиня Марія Вырубова съ Валаамскимъ Игуменомъ Харитономъ и Геросхимонахомъ Ефремомъ.

Послѣ написанія и выхода въ свѣтъ воспоминаній Анны Танѣевой для нее открылась новая страница жизни, о вѣншей сторонѣ которой мало что известно, свѣденія очень неполны и отрывочны. Этотъ новый этапъ не отличаетъ обиліе яркихъ эпизодовъ и поворотовъ судьбы. Анна Александровна какъ бы покидаетъ снѣгу, гдѣ разворачивались дѣйствія драмы, за которой слѣдить весь міръ. Злые драматурги пытались навязать ей роль, которую она никогда не играла. Ее упорно хотѣли обрядить въ чужое, грязное платье, которое ей совершенно не подходило. Поэтому ея рѣшеніе уйти въ тень выглядило вполне естественнымъ и понятнымъ. Жизнь той Анны Вырубовой, которую знали всѣ, и которая была всемъ открыта: и друзьямъ, и врагамъ, — закончилась. Вѣрнѣе сказать, она продолжилась въ ея дѣтище — книгѣ воспоминаній «Страницы моей жизни».

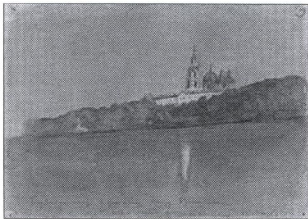
14. ПОСТРИГЪ НА ВАЛААМЪ

Саму же Анну Александровну уже ничто не связывало съ міромъ, и она, наконецъ, исполнивъ данный сю обѣтъ, приняла монашескій постригъ съ именемъ Марія. Это событіе произошло въ Смоленскомъ скиту острова Валаама, который отнынѣ сталъ для нее духовной родиной.

Въ этотъ періодъ времени Валаамская обитель вмѣстѣ съ Пюхтицкимъ женскимъ монастыремъ въ Эстоніи становятся центрами духовной жизни, куда стремились истомленные духовной жаждой сердца многихъ русскихъ паломниковъ, оказавшихся отрѣзанными отъ православныхъ святынь своей Родины. Притягательная сила древней монашеской обители была огромна. Достаточно сказать, что послѣ революціи именно на Валаамѣ проводились ежегодные съѣзды духовенства Финской епархіи, преобразованной затѣмъ въ Финскую православную церковь. Большую роль для приобщенія православной молодежи къ духу Валаамского монашества сыграла дѣятельность Русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія, основаннаго и возглавляемаго протоіереемъ Сергіемъ Четвериковымъ. Отецъ Сергій, активный церковный дѣятель русской эмиграціи и миссіонеръ, преподаватель Бого-

словскаго Института въ Парижѣ, нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ на Валаамѣ, гдѣ онъ вмѣстѣ съ игуменомъ Харитономъ отредактировалъ Валаамскій сборникъ объ Иисусовой молитвѣ. Этотъ сборникъ на протяженіи многихъ лѣтъ составлялъ О. Харитонъ на основѣ святоотеческихъ книгъ и трудовъ подвижниковъ благочестія — дѣлателей Иисусовой молитвы. Два отдѣленія общества дѣйствовали въ Финляндіи: въ Выборгѣ и въ Хельсинки. О православномъ кружкѣ въ Хельсинки, въ связи съ участием въ его дѣятельности монахини Маріи, будетъ упомянуто ниже.

Хочется отмѣтить, что вліяніе Валаамскіи обители сказывалось не только среди русскихъ эмигрантовъ. Благодаря Валааму сердца многихъ шведовъ и финновъ были покорены духовной силою Русскаго Православія, традиціи котораго на финской почвѣ были послѣ войны возобновлены на Новомъ Валаамѣ. Плоды миссіонерской дѣятельности съ особенной силой проявились среди карель, которые по праву влились въ семью православныхъ народовъ. Для нихъ былъ составленъ алфавитъ изъ русскихъ буквъ, построено много прекрасныхъ школъ и переведены богослужебныя книги и нотные пѣснопѣнія на финскій языкъ. Эта работа была начата еще до революціи будущимъ Патриархомъ, а въ то время архіепископомъ Финляндскимъ Сергіемъ (Страгородскимъ) и продолжена монахами Валаамской обители послѣ революціи. Въ частности, на Валаамѣ дѣйствовала школа для мальчиковъ-карель, а

Изъ Валаамскихъ акварелей Анны Вырубовой.

въ 1926 году впервые въ одномъ изъ храмовъ началась богослуженія на финскомъ языкѣ. Ихъ совершалъ іеромонахъ Исаакій, а по-фински пѣли нѣсколько человекъ. Среди пѣвчихъ былъ молодой послушникъ Анатолій Нечаевъ, принимавшій активное участіе въ миссіонерской дѣятельности. Впослѣдствіи онъ сталъ архимандритомъ Аванасіемъ и оставилъ въ рукописи интереснѣйшій разсказъ о Валаамской обители. (см. РП № 1 и 2 за 1990 г.)

Притягательная сила Валаамской обители оказалась непреодолимой и для Анны Александровны. И какъ только работа надъ воспоминаніями была закончена, повинувшись зову сердца, она отправилась въ нелегкое для нея путешествіе и «съ большимъ трудомъ, съ помощью матери и

близких людей добралась до острова Валаама». Среди насельников монастыря был знакомый ей Геромонах Ефремъ, котораго она знала еще до революции. Неудивительно, что именно къ нему направилась будущая монахиня въ поисках духовнаго утѣшенія и поддержки истомленной души. Ему она открыла свое сокровенное желаніе о постригѣ.

Желаніе Анны Танѣевой исполнилось 14-го Ноября 1923 года, когда настоятелем монастыря Игуменомъ Павлиномъ (Мѣшалкинымъ, 1865—1935) надъ ней было совершено таинство постриженія. Въ память объ этомъ событіи въ архивѣ Валаамскаго монастыря сохранилось подлинное свидѣтельство.

«СВИДѢТЕЛЬСТВО № 701

Декабря 23-го

Дано настоящее свидѣтельство за надлежащими подписями и приложеніемъ монастырскаго печата дочери Россійскаго Статсъ-Секретаря и Оберъ-Гѣфмейстера Аниѣ Александровнѣ Танѣевой (Вырубовой) въ томъ, что по благословенію Архіепископа Финляндскаго Серафима, 14-го Ноября сего тысяча девятьсотъ двадцать третьяго (1923) года въ Валаамскомъ монастырѣ въ храмѣ Смоленскаго скита Настоятелемъ Валаамской обители, Игуменомъ Павлиномъ, Анна Александровна Танѣева (Вырубова) пострижена въ монашество и при постриженіи нарѣчена Марією, во имя Святой Равноапостольной Маріи Магдалины, празднуемой Святою Церковію 22-го Юля.

Валаамскаго монастыря Настоятель Игуменъ Павлинъ.

Духовникъ Иеросхимонахъ Ефремъ».

Новопостриженная монахиня Марія вмѣстѣ со своей матерью, сопровождавшей дочь въ этой нелегкой для нея поѣздкѣ, прожили около недѣли въ избушкѣ Отца Ефрема, рядомъ съ гробомъ, въ которомъ онъ спалъ. А затѣмъ они покинули островъ на пароходикѣ «Сергій» и черезъ Сортавалу вернулись въ Выборгъ.

Живя въ Выборгѣ до 1939 года, матушка Марія могла навѣщать своего духовнаго отца непосредственно на Валаамѣ.

15. ВОСПОМИНАНІЯ ПОЭТА ИВАНА САВИНА

Объ этомъ періодѣ жизни монахини Маріи (Танѣевой-Вырубовой) сохранился небольшой рассказъ поэта Ивана Савина, который въ 1926 году вмѣстѣ съ молодой женой Людмилой Владиміровной посѣтилъ Спасо-Преображенскій монастырь на Валаамѣ, гдѣ и повстрѣчалъ Анну Вырубову (тайную монахиню Марію). Рассказъ названъ имъ «Встрѣча съ Вырубовой на Ладогѣ»*:

«<...> По грудамъ щебня, извести и стружекъ, по коридорамъ изъ небытія возникающихъ улицъ проходимы къ берегу. Изумительно синяя вода озера будто сапфирами усыпана, такъ горитъ на солнцѣ его безкрайняя грудь. Голубой «Сергій» — валаамскій пароходъ — еле колышется у ступенчатой пристани. Звонко поетъ медный колоколь у руля. Капитанъ — веселый монахъ съ мятымъ клобукомъ на курчавой головѣ — протяжнымъ новгородскимъ говоркомъ бросаетъ командъ:

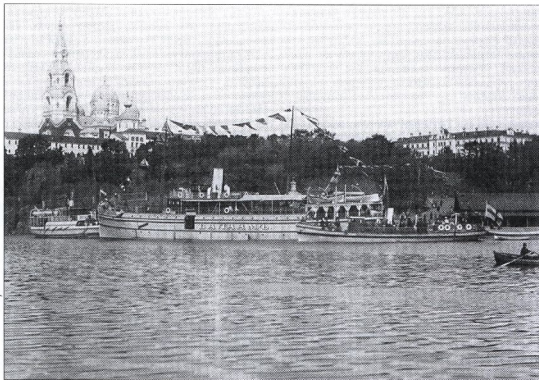

Изъ Валаамскихъ акварелей Анны Вырубовой.

Сенге Тикіі.

— Отпускай канатъ. Снимай сходни.

Груда чемодановъ, корзины и картонокъ вырастаютъ подъ колоколомъ съ надписью въ выпуклой вязью: «Труды валаамскихъ иноковъ». Ловко снуютъ въ толпѣ пассажировъ и провожающихъ матросская команда голубого корабля — два послушника въ сѣрыхъ рясахъ. Долгій баритонный гудокъ — и «Сергій» отчаливаетъ, кормой описываетъ широкій кругъ и, разсѣкая волны острымъ носомъ, весело бѣжитъ мимо зеленыхъ острововъ.

Валаамская бухта. Фотографія начала 20-го вѣка.

Пассажиры «Сергія» — почти сплошь иностранцы. Много финновъ, шведовъ. Семья датчанъ во главѣ съ бабушкой, все время, и въ поѣздѣ, и на пароходѣ, вяжущей голубой чулокъ. Нѣмецъ-туристъ въ тяжелыхъ альпійскихъ ботинкахъ, шляпѣ съ перышкомъ и дорожной котомкой за спиной. Недовольно грызетъ папиросу нѣкто въ сѣромъ. Судя по огромнымъ ногамъ и «Таймсу» въ рукахъ, — сыпь туманной Англии. Русскихъ мало. Только мы съ женой да двѣ дамы, спрашивающіе Отга Діонісія, капитана, про новости монастырскіе. Любезно склоняется суконный его клобукъ съ золотымъ шнуркомъ, вѣнкомъ лавровымъ и двумя финскими флажками.

— Раньше какъ будто не было у васъ, Отецъ Діонісій, такой кокарды?

Смѣется монахъ:

— Заставили, матушка. Если, говорятъ, капитанъ, долженъ какое-нибудь отличіе имѣть. Ну, и дали эти шнурки. Прихожу я къ Отгу Игумену. Куда, спрашиваю, благословите прицѣпить кокарду? Цѣплай, говорить, на клобукъ. Къ скуфьѣ-то она не подходитъ...

Одна изъ сосѣдокъ болезненно морщится, передвигая большую ногу. Миѣ страшно знакомо и это открытое, полное лицо, и эта палка-костыль съ

резиновымъ наконечникомъ. Когда больная, сильно хромая, идетъ къ капитанской рубкѣ, провожаю ее внимательнымъ взглядомъ... И годы испепеляющіе, годы предѣльного могущества, годы безмѣрныхъ паденій и утратъ молниеносно встаютъ въ памяти... Это — она. Анна Вырубова. Лучшій другъ послѣдней российской Императрицы...

Первой жертвой революціоннаго шторма стала, конечно, она — «милая Аня»... Петропавловская крѣпость, Свеаборгская тюрьма, совѣтскіе «Кресты». Стремительно ушла въ прошлое та, одно имя которой еще такъ недавно во всѣхъ слояхъ русскаго общества, отъ крайне лѣвыхъ до крайне правыхъ, вызывало злобу и насмѣшку. Теперь это искалеченная женщина съ прежнимъ пѣвучимъ голосомъ. Часто замѣчаешь слезы на этомъ замѣтно состарившемся лицѣ. Глубокія тѣни подъ тусклѣющими глазами. Еще въ 1916 году Вырубова-Танѣева перенесла жѣлезнодорожную катастрофу, раздробившую ей ногу. Невольно вздрагиваю, глядя, какъ тяжело падаетъ она на свой костыль, съ трудомъ передвигая вывороченную на сторону ступню.

Ничего не осталось отъ прежней «милой Ани»... Одѣта она скромно, даже бѣдно. Старенское платье, стоптанныя туфли, вытертое пальто-дождевикъ...

Прогулка Игумена Харитона съ гостями по отдаленнымъ скитамъ Валаама черезъ открытую Ладогу.

Далеко впереди чуть вырисовываются контуры Валаама. Пересбарываясь рѣдкими словами съ Анной Александровной, съ ея матерью, съ трогательной заботливостью укутывающей большую дочь, со словоохотливымъ капитаномъ, ишу глазами знаменитые купола «Святого острова». Ихъ пока не видно въ розово-голубой дымкѣ, встающей надъ Ладогой.

Уйдя отъ мірской суеты, Отецъ Діонисій не потерялъ интереса къ дѣламъ мірскимъ. Онъ долго смотритъ на мѣховой воротникъ жены и говоритъ, недоумѣнно разводя руками:

— Лѣто и — мѣхъ. Видно, это мода такая нынчѣ.

Сколько ни вожу на «Сергіи» дамъ — всѣ съ мѣхами.
— Однако вы наблюдательны, отецъ, — говоритъ Анна Александровна изъ капитанской будки, куда загнать ее поднявшійся вѣтеръ.

Монахъ весело поглаживаетъ сѣдьющую бороду.

— Двадцать лѣтъ изо дня въ день плаваю на «Сергіи». Ко всѣму, матушка, присматриваюсь. Я тутъ, можно сказать, каждую волну изучилъ, а не то что мѣховые воротники.

Проплываетъ слѣва Никольскій скитъ съ его католической статуей святаго Николая, по преданію прибитой бурей къ монастырскимъ берегамъ. Проплываетъ кладбище съ могилой шведскаго короля Магнуса Великаго, передъ смертью принявшаго Православіе и похороненнаго на

Валаамѣ. Уходятъ назадъ хитроумный монастырскій водопроводъ, памятники и часовенки — слѣды посѣщенія Валаама Царемъ Петромъ I, Императорами Александромъ I, Александромъ II.

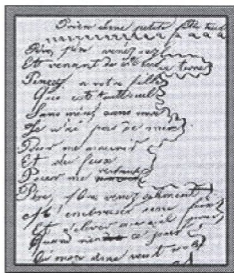
Пристань. Сѣрыя рясы и клобуки, густой баритонъ гудка. Мѣлѣкаютъ канаты. Шумитъ многоязычная финно-шведо-англо-нѣмецко-русская рѣчь. И солнце, солнце безъ конца и безъ края... Валаамъ».

Тамъ же приведена короткая справка: «Иванъ Савинъ — самый молодой поэтъ первой волны русской эмиграціи, представитель поколѣнія, обожженнаго гражданскою войною. Въ ее горниле онъ потерялъ сестру и четырехъ братьевъ. Пройдя нечеловѣческіе испытанія, онъ не утратилъ вѣры православной и передъ смертью, а умеръ онъ отъ болѣзни въ 27 лѣтъ, сказалъ: «Смертью произведенный въ подпоручики Лейбъ-гвардіи Господняго полка...»

(Стихи Ивана Савина см. РП № 53)

Продолженіе слѣдуетъ.

Страницка из детских тетрадей Петра
Чайковского со стихами на французском.

Июльская Лура

175-ЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

Господь мою молитву слышитъ...

ЧАЙКОВСКІЙ-ПОЭТЪ

Статья Варлама Шаламова

ЕЩЕ ВЪ РАННЕМЪ дѣтствѣ онъ писалъ стихи, сочиненія на различныя темы.

Эти тексты сохраняла Фанин Дюрбахъ, воспитательница и первая учительница Чайковского.

Позже она передала часть дѣтскихъ тетрадей Чайковскаго его брату Модесту Ильичу, который принеся къ ней въ Мюнхенъ, въ Швейцарію, чтобы узнать о дѣтствѣ своего великаго брата. Дѣтскіе сочиненія Чайковскаго въ стихахъ и прозѣ были посвящены Россіи и Франціи, любимой героинѣ Жаннѣ д'Аркъ, девочкѣ-сироткѣ, бѣдной птичкѣ и др. Въ жизни его не было ни одного года, когда рядомъ съ музыкой не создавались бы стихи, пишетъ Варламъ Шаламовъ послѣ посвященія Дома-Музея Петра Ильича въ Клинъ въ 1956 году. Тогда писатель жилъ и работалъ неподалѣку, въ поселкѣ Туркменъ, вернувшись послѣ Колымы. Шаламовъ нашелъ въ Музеѣ дѣтскія тетради великаго композитора, автографы стихотворныхъ текстовъ арій изъ его оперъ и другихъ вокальныхъ произведеній. Дополнительные свидѣнія о поэтическомъ творчествѣ великаго композитора Шаламовъ могъ почерпнуть въ Россійской государственной библиотекѣ, которую постоянно посещалъ послѣ возвращенія въ Москву.

Предлагаемъ нашимъ читателямъ эту небольшую журналистскую работу Варлама Шаламова къ 175-лѣтнему юбилею со дня рожденія Петра Ильича Чайковскаго вмѣстѣ съ избранными стихотвореніями его сочиненія.

ИТЬ, РѢЧЬ пойдетъ не о Модестѣ Ильичѣ Чайковскомъ, драматургѣ, переводчикѣ, либреттистѣ. РѢЧЬ пойдетъ о Чайковскомъ Петрѣ Ильичѣ — великомъ русскомъ композиторѣ. Гений музыки какъ бы приглушили другія стороны художественного дарованія челоѣка, разностороннее наслѣдство котораго и сейчасъ, черезъ 64 года послѣ его смерти, кажется намъ неисчерпаемымъ.

Петръ Ильичъ Чайковскій поэтомъ себя не считалъ. «Я не поэтъ, а только стихоплетъ», — писалъ онъ брату Модесту.

Такъ ли это?

Стихи занимали большое мѣсто въ жизни П. И. Чайковскаго. Стихотворное наслѣдство его значительно. Въ жизни его не было ни одного года, когда рядомъ съ музыкой не создавались бы стихи. Повидимому, это былъ единый творческій процессъ.

П. И. Чайковскій написалъ либретто шести своихъ оперъ: «Воевода» (вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ), «Опричникъ» (по Лажечникову), «Евгеній Онегинъ» (при участіи К. С. Шилловскаго), «Орлеанская дѣва» (по Шиллеру и другимъ источникамъ), «Мазепа» (переработка либретто Буренина) и «Пиковая дама» (вмѣстѣ съ М. И. Чайковскимъ).

Въ Клинскомъ музеѣ хранятся автографы текстовъ двухъ арій изъ «Пиковой дамы». Это широко извѣстная «Я васъ люблю, люблю безмѣрно» (арія Елецкаго) и «Ахъ, истомилась, устала я» (арія Лизы). Любимый лирическій поэтъ гордился бы этими стихами.

И даже если снять музыку арій Елецкаго, намъ останется интересное лирическое стихотвореніе:

Состражду вамъ я всей душой,

Печалюсь вашей печалью

И плачу вашей слезой...

П. И. Чайковскому принадлежать тексты собственных вокальных сочинений: «Тихо луна взойдетъ» (дуэтъ изъ оперы «Воевода»), «Темная ночь» (квартетъ изъ оперы «Воевода»), «Природа и любовь» (трио), «Такъ что же» (романсъ), «Страшная минута» (романсъ), «Молитва» (текстъ квартета Глинки), «Вечеръ» (хорь), «Обнимись со мной» (гимнь), «Правды свѣтлый чистый пламень» (хорь), «Простые слова» (романсъ), «Соловушка» (хорь), «Ну-ка, свѣтикъ Машенька» (пѣсня изъ оперы «Пиковая дама»), «Блестаетъ солнце красное» (хорь изъ «Пиковой дамы») и написанный незадолго до смерти текстъ «Ночи» (квартетъ).

Въ 1878 году Петръ Ильичъ написалъ большое стихотвореніе (64 строки) «Ландыши». Въ письмѣ къ брату Модесту Петръ Ильичъ пишетъ, шутилово: «Оттого ли, что погода стоитъ отвратительная, оттого ли, что я вообще вчера былъ грустно настроенъ, — но вдругъ мнѣ захотѣлось воспѣть ландыши въ стихотворной формѣ. Цѣлый день и все сегодняшнее утро я провозился надъ стихами, и въ результатъ получилась пѣса, которую при семь тебѣ посылаю отдѣльно. Я ужасно горжусь этимъ стихотвореніемъ. Въ первый разъ въ жизни мнѣ удалось написать въ самомъ дѣлѣ недурные стихи, къ тому же глубоко прочувствованные. Увѣряю тебя, что хотя они мнѣ достались съ большимъ трудомъ, но я работалъ надъ ними съ такимъ же удовольствіемъ, какъ и надъ музыкой. Пожалуйста, дай сему моему творенію самую широкую публичность. Хочу, чтобы все удивлялись и восхищались» (Флоренція, 15-го Декабря 1878 г.)

Любопытно, что на эти стихи была написана музыка, но не самимъ Чайковскимъ, а другимъ русскимъ композиторомъ — А. Аренскимъ: романсъ для голоса, виолончели и фортепьяно въ 1894 году, черезъ годъ послѣ смерти Петра Ильича. «Ландыши» — единственное стихотвореніе Чайковскаго, изданное отдѣльно отъ музыки.

Вотъ нѣсколько строкъ этого стихотворенія о веснѣ и зимѣ, о жизни и смерти, о лѣсномъ ландышѣ:

*...меня твоё благоуханье,
Какъ винная струя, и грѣеть и пьянитъ,
Какъ музыка, оно стѣсняетъ мнѣ дыханье
И, какъ огонь любви, тпаетъ жаръ ланитъ.*

*.....
Но ты отцвѣлъ. Опять грядётъ однообразной
Дни тихо потекуть, и презжего сильнѣй
Томиться буду я тоскою неотвязной,
Мучительной мечтой о счастье майскихъ дней.*

П. И. Чайковскому принадлежит также много такъ называемыхъ шуточныхъ стихотвореній. Друзья Петра Ильича (Н. Д. Кашкинъ, И. А. Клименко)

сообщали о чрезвычайной легкости, съ какой Петръ Ильичъ Чайковскій писалъ эти шуточные стихи.

Сохранилось 18 дѣтскихъ стихотвореній Петра Ильича, написанныхъ имъ въ возрастѣ 7-8 лѣтъ. Вотъ лишь нѣкоторые ихъ заглавія: «Дитя обращается къ своему ангелу-хранителю», «Вселенная», «Конецъ міра... Рядомъ — стихотворное переложеніе исторіи грѣхонаденія, пѣснопѣіе на Рождество Христова, прозаическое размышленіе «Смерть». Вспоминаются слова Спасителя: «Пустите дѣтей приходите ко Мнѣ...» (Мк. 10: 14). Извѣстно, что Чайковскій писалъ мальчикомъ стихи для журнала «Училищный вѣстникъ». Существуетъ его статья 1854 года «Исторія литературы нашего класса». Въ то же время онъ замышлялъ оперу. Ей и названіе было придумано вполне мальшеское: «Гипербола»...

Есть еще одна область, въ которой поэтическое способности П. И. Чайковскаго нашли примѣненіе — это область стихотворнаго перевода текстовъ вокальных произведеній. Въ 1868 году Чайковскій перевелъ арію наза изъ оперы Мейербера «Гугеноты». А въ 1875 году полностью перевелъ съ нѣмецкаго либретто оперы Моцарта «Свадьба Фигаро».

Мы знаемъ Чайковскаго и какъ музыкальнаго критика — издавался сборникъ его музыкально-критическихъ статей. Онъ написалъ въ теченіе своей жизни болѣе пяти тысячъ всевозможныхъ писемъ.

Когда читаешь стихи Чайковскаго, приходятъ на умъ рисунки Пушкина, Лермонтова, картины Шевченко, сонеты Микеланджело. Мы понимаемъ поэта недостаточно полно, если не знаемъ его прозы или его работъ въ какой-либо смѣжной области искусства. Литературное наслѣдство великаго русскаго композитора Петра Ильича Чайковскаго — примѣръ того же рода.

Впервые: журналъ «Москва», 1957, № 9. С. 220-1.

ГОСПОДЬ МОЮ МОЛИТВУ СЛЫШИТЬ

Когда молюсь отъ сердца я,
Господь мою молитву слышитъ.
Молитва наша есть сестра.
Она, какъ свѣтъ,
Намъ душу освѣщаетъ.

1851,

*(маленькому Петъ Чайковскому
было около 11-ти лѣтъ)*

ВСЕЛЕННАЯ

Нашъ вѣчный Богъ, создавшій міръ!
Смотри, дитя, Богъ сотворилъ
Все эти розы и вероники, въ саду
Они красивы и свѣжи цвѣтутъ.

Днем солнца свѣтъ ихъ освѣщаетъ,
Въ ночь лунную они благоухаютъ.
Господь благословилъ хлѣба расти
На нивахъ золотыхъ моей страны.

Волнами серебрятся воды рѣкъ,
Моря волнуется безъ бреговъ,
Творцу могучему покорно
Его творенье благодарно.

(переведено съ французскаго)

ЛАНДЫШИ

Когда въ концѣ весны въ послѣдній разъ срываю
Любимые цвѣты, — тоска мнѣ давитъ грудь,
И къ будущему я молитвенно взываю:
Хоть разъ еще хочу на ландыши взглянуть.

Вотъ отцвѣли они. Стрѣлой промчалось лѣто,
Короче стали дни, умолкъ пернатый хоръ,
Скупѣе солнце намъ даетъ тепла и свѣта,
И разостлалъ ужъ лѣсъ свой лиственный коверъ.

Потомъ, когда придетъ пора зимы суровой
И снѣжной пеленой одѣнутся лѣса,
Уныло я брожу и жму съ тоскою новой,
Чтобъ солнышкомъ весны блеснули небеса.

Не радуютъ меня ни книга, ни бесѣда,
Ни быстрый бѣгъ саней, ни бала шумный блескъ,
Ни Патти, ни театр, ни тонкости объѣда,
Ни тлѣющихъ поленъ въ каминѣ тихій трескъ.

Я жду весны. И вотъ волшебница явилась,
Свой саванъ сбросить лѣсъ и намъ готовить тень,
И рѣки потекли, и роша огласилась,
И наконецъ насталъ давно желанный день!

Скорѣе въ лѣсъ!.. Бѣгу знакомою тропюю.
Ужель сбались мечты, осуществились сны?..
Вотъ онъ! Склоняюсь къ землѣ, я трепетной рукою
Срываю чудный даръ волшебницы-весны.

О ландыши! Отчего такъ радуешь ты взоры?
Другіе есть цвѣты роскошнѣй и пышнѣй,
И ярче краски въ нихъ, и веселѣй узоры,
Но прелести въ нихъ нѣтъ таинственной твоей.

Въ чемъ тайна чаръ твоихъ? Что ты душѣ въпашешь?
Чѣмъ манишь ты къ себѣ и сердце веселишь?
Иль радостей былыхъ ты призракъ воскрешаешь?
Или блаженство намъ грядущее сулишь?

Не знаю. Но меня твое благоуханье,
Какъ винная струя, и грѣеть, и пьянитъ.

Какъ музыка, оно стѣсняетъ мнѣ дыханье
И, какъ огонь любви, питаетъ жаръ ланитъ.

И счастливъ я, пока цвѣтешь ты, ландышь скромный,
Отъ скуки зимнихъ дней давно прошелъ и слѣдъ,
И нѣтъ гнетущихъ думъ, и сердце въ нѣгѣ томной
Приветствовать съ тобою забвенные золь и бѣдъ.

Но ты отцвѣль. Опять чредой однообразной
Дни тихо потекутъ, и прежнего сильнѣй
Томиться буду я тоскою неотвязной,
Мучительной мечтой о счастья майскихъ дней.

И вотъ, когда-нибудь весна опять разбудитъ
И отъ оковъ воздвигнетъ мѣръ живой,
Но часъ пробьетъ. Меня — среди живыхъ не будетъ,
Я встрѣчу, какъ и всѣ, черель своей роковой.

Что будетъ тамъ?.. Куда, въ часъ смерти окрыленный,
Мой духъ, вѣлѣнью внявъ, беззвучно воспаритъ?
Отвѣта нѣтъ! Молчи, мой умъ неутомонный,
Тебѣ не разгадать, чѣмъ вѣчность насъ даритъ.

Но, какъ природа вся, мы, жаждой жить влекомы,
Зовемъ тебя и ждемъ, красавица весна!
Намъ радости земли такъ близки, такъ знакомы, —
Зіяющая пасть могилы такъ темна!

1878

СОЛОВУШКА

Улетать соловушко далѣко,
Во чужую теплую сторонку.
Улетать соловушко далѣко,
Во чужую теплую сторонку.

Вы прощайте, люди добрые, на долго,
Улетѣть пора моя настала!
На долго прощаюсь съ вами, люди!
Улетѣть пора моя настала!

И спасибо вамъ за вашу любовь, за ласку,
Что меня, соловушку, не гнали,
Пѣсни пѣть мнѣ, соловью, не мѣшали,
Мальхъ дѣтокъ моихъ не забивали!

И остался бы я теперь съ вами,
Да лиха бѣда ваши морозы;
Не люблю зимы вашей бѣлой,
Не люблю я буйнаго вѣтра!

А ужъ какъ весна красна вернѣтся,
Съ ней и я вернусь къ вамъ съ новой пѣсней,
Я вернусь къ вамъ съ новой пѣсней!

Письма Паломнику

1. ПО ПОЛУЧЕНИИ НОМЕРА 52

Получила номер 52 "РУССКАГО ПАЛОМНИКА", и съ первыхъ страницъ какъ будто бы встрѣтилась со старыми друзьями — Нилусъ и его книги "На берегу Божьей рѣки" и другія. Спасибо за иконочки Владыки Иоанна. Фотографія Владыки была снята мною въ бытность нашего пребывания въ Лосъ Анжелесъ, но тогда я ничего не знала о немъ. Папа мой общался съ Концевичами, но, къ сожалѣнію не нашла съ ними общаго языка. Но, Слава Богу, что все благополучно кончилось, и онъ вернулся перель смертью въ церковь.

Очень интересная статья о Державинѣ. Я мало что о немъ знала, но любила его несравненную ни съ чѣмъ Оду "Богъ". Въ 1945 году, вскорѣ послѣ конца войны, когда мы жили въ Кемптонѣ, въ лагерѣ, мой дедушка, профессоръ физики и высшей математики, слѣлалъ докладъ о большихъ величинахъ міра сего, а въ концѣ артистка Левицкая прочла Оду "Богъ".

Очень тоже интересная статья объ Игуменѣ Назаріи, чудо просто, сколько олинъ человекъ можетъ сдѣлать полезного и добраго съ помощьюъ

Божьей. Я прочла ее дважды. И Архіепископъ Леонтіи, послѣ прочтенія всей его биографіи, стать дорогимъ и близкимъ, хотя я никогда не встрѣчала его. Помогите Господь и дальше трудиться во славу

Божію. Къ сожалѣнію, я не могу разсказать ничего объ О. Глебѣ (Влѣсковѣ), хотя и встрѣчала его въ Ново-Дивѣево. Помню, что съ м о и м ъ батюшкой (О. Романомъ) они были одинъхъ взглядовъ о Россіи. Онъ много лѣтъ тому назадъ далъ мнѣ первую книгу о святомъ Епископѣ Лукѣ. Всего добраго. Пошли тебѣ

Владыка Леонтіи среди русскихъ бѣженцевъ въ Мюнхенѣ. Чудомъ сохранившася фотографія.

Господь силушки на дальнѣйшее изданіе ПАЛОМНИКА.

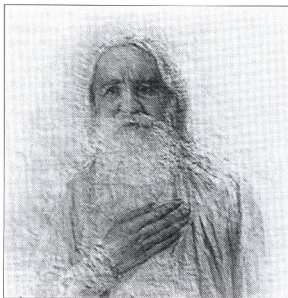
Матушка Ирина Лукьянова

2. ВЛАДЫКА ЛЕОНТІИ ВЪ МЮНХЕНѢ

Дорогая о Господѣ Сестра Ольга!

Простите за задержку съ платежомъ — мнѣ 93 года, сильно болѣю. Я съ Украины, но я русскій человекъ. Отецъ мой изъ Курска, прѣхавъ въ Украину, окончилъ духовную семинарію, былъ

Авва Исидоръ Гессиманскій (1824-1908)

О. Павелъ Флоренскій (1882-1937), авторъ жизнеописанія Аввы Исидора.

священникъ. Погибъ въ 1936 году. Посылаю чекъ на 100 долларовъ, журналъ прочитываю отъ первой буквы до послѣдней, хотя и очень тяжело читать. Посылаю также три копии фотоснимковъ нашего прихода въ лагере Лаймъ, около Мюнхена, где служилъ Владыка Леонтій. Какой онъ былъ чудный проповѣдникъ, Царство ему Небесное. Церковь не была большая. Многие люди разныхъ национальностей и вѣроисповѣданій приходили и стояли въ коридорѣ, слушая его службу и проповѣди, въ они были русско-говорящие, Владыку можно было слушать часами. Какой онъ былъ чудный человекъ, мало теперь такихъ. Читая его биографію, удивляешься Его творчеству.

Въ Миннеаполисѣ также жилъ Василій Ивановичъ и его супруга Людмила Васильевна Алексѣевы: онъ — историкъ Русской Церкви и они наши дорогие друзья. Царство имъ обоимъ небесное. Въ его домѣ мы проводили встрѣчи — кружокъ, и многое узнали отъ него объ исторіи Православія. Спасибо всѣмъ вамъ за вашу работу въ «окормленіи» насъ, бѣжнцевъ.

Евгенія Васильевна Иванина.

3. ВДОХНОВЕНІЕ О. ГЕРМАНА

Въ Февралѣ 1984 года, когда я жилъ въ Амстердамѣ, работая въ одной голландской издательской компаніи, я получилъ письмо изъ Америки. Это былъ отвѣтъ отъ одного православного священника. Ранѣе я написалъ ему, что изучаю русский языкъ и интересуюсь русской исторіей, и этотъ священникъ предложилъ мнѣ заняться

переводами духовной литературы. Онъ упомянулъ, что многие важные духовные тексты святыхъ отцовъ Русской Церкви до сихъ поръ недоступны остальному христіанскому міру. Не было ихъ переводовъ ни на англійскій, ни на другіе европейскіе языки. Особенно это касалось текстовъ періода конца 18-го, начала 19-го вѣковъ, когда Русская Церковь испытала глубокое духовное возрожденіе, непохожее ни на что происходящее въ то время въ Западной Церкви. Подумаешь, я съ удовольствіемъ согласился заняться переводами, рѣшивъ, что это будетъ прекрасной практикой для изученія корней традиціонного Русского Православія.

Въ Маѣ 1984 года я получилъ книгу «Соль Земли. Сказаніе о жизни Старца Гессиманскаго Скита Геромонаха Аввы Исидора (собранное и по порядку изложенное недостойнымъ сыномъ его духовнымъ Павломъ Флоренскимъ)». Въ то время я и не догадывался, что эта книга измѣнитъ всю мою жизнь.

Не откладывая въ долгій ящикъ, я приступилъ къ работѣ. Изъ-за моей занятости въ издательствѣ, переводить приходилось въ основномъ по вечерамъ. Очень скоро я понялъ, что мнѣ будетъ нужна помощь съ православными терминами. Въ университетѣ, гдѣ я изучалъ русскій и французскій языки (я закончилъ университетъ штата Индіана въ 1973 году), православную терминологию намъ, конечно, не преподавали. Въ работѣ надъ "Солью Земли" на первыхъ порахъ помогли словари, но этимъ было не обойтись. Я зналъ двоихъ батюшекъ изъ Православныхъ церквей въ Амстердамѣ. Они смогли

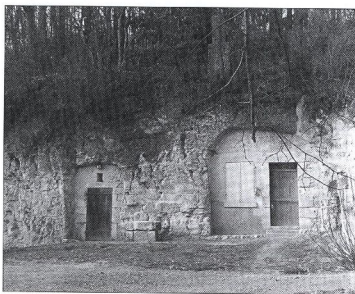
отвѣтить на нѣсколько вопросовъ, и одинъ изъ нихъ порекомендовалъ обратиться въ Лѣнинскій монастырь, что въ 2-хъ часахъ отъ Парижа възды на машинѣ. Я прїѣхалъ въ Лѣнсу и меня пригласили на вечернюю службу, на которой запомнилось чудное пѣніе монахинь. А послѣ службы за трапезой мы говорили съ Игуменей Магдалиной Граббе (1902-1987) и ея братомъ, епископомъ Григоріемъ Граббе (1902-1995), находящимся въ то время на покой. Епископъ Григорій и мать Магдалина поддержали мою работу надъ книгой, отвѣтили на мои вопросы по поводу православныхъ терминовъ, порекомендовали важную православную литературу для дополнительного чтенія, а также посоветовали посѣщать службы какъ можно чаще.

Съ Божьей помощью я закончилъ переводъ «Соли Земли» въ началѣ 1985 года и сразу выслалъ его въ Штаты. Въ то время я впервые узналъ объ О. Серафимѣ Роузѣ, объ О. Германѣ и о Братствѣ Преподобнаго Германа Аляскайскаго. Братство опубликовало русское оригинальное изданіе «Соль Земли» въ 1984 году, а мой переводъ на английскомъ вышелъ книгой въ 1987 году. Эта книга до сихъ норъ дорога моему сердцу.

Архієпископъ Теофанъ Полтавскій
(1872-1940)

Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ я занимался переводами манускриптовъ Оптинскихъ старцевъ, работалъ надъ текстами Архієпископа Теофана Полтавскаго, но съ О. Германомъ такъ и не удавалось встрѣтиться. И вотъ наконецъ, въ 1988 году, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что собирается въ Амстердамъ, чтобы собрать информацию о Голландскихъ святыхъ. Также онъ хотѣлъ посѣтить могилу духовника Царской Семьи Архієпископа Теофана Полтавскаго въ мѣстечкѣ Лимерей во Франціи и пещеры, гдѣ тотъ провелъ остатокъ своихъ земныхъ дней. Я очень обрадовался, что наконецъ-то увижу О. Германа. Интернета тогда не было; компьютеры тоже были рѣдкостью, и мнѣ пришлось довольно долго искать телефонъ городского управленія Лимерея. Здѣсь очень пригодились мое знаніе французскаго. На другомъ концѣ линіи молодая женщина дала мнѣ адресъ и телефонъ мѣста, где когда-то жилъ Владыка Теофанъ. Я тутъ же написалъ хозяину этого владѣнія, объяснилъ ему цѣль нашего посѣщенія Лимерея и спросилъ о возможности посѣтить пещеры, гдѣ жилъ

Пещеры Владыки Теофана въ Лимерей, Франція. Фото автора.

О. Германъ у входа въ пещеры, гдѣ жилъ въ затворѣ Владыка Теофанъ. Фото 1988 г.

архиепископъ. Хозяинъ вскорѣ отвѣтилъ, радушно согласившись насъ принять.

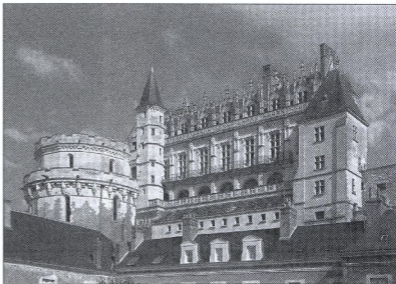
Въ Апрельѣ 1988 года О. Германъ прилетѣлъ въ Амстердамъ, въ аэропортъ Схинхоль, и послѣ нашей встрѣчи жизнь моя измѣнилась навсегда.

Какъ описать мои первые впечатлѣнія о немъ? Это былъ вихрь энергіи. Поражали и вдохновляли его интересъ и любовь ко святымъ. Онъ ихъ могъ воистину сдѣлать живыми. Онъ рассказывалъ объ Оптинскихъ старцахъ, о святомъ Серафимѣ Саровскомъ. Ему хотѣлось узнать какъ можно больше о голландскихъ православныхъ святымъ, чтобы помѣстить ихъ въ Свято-Германовскій Православный календарь. Его запасъ энергіи былъ невѣроятенъ. Я съ восторгомъ слушалъ его рассказы о житіяхъ святымъ.

Въ первые два дня мы путешествовали по Нидерландамъ, посѣщая мѣста, связанные съ голландскими святымъ. Затѣмъ мы поѣхали въ Гаагу, гдѣ встрѣтились съ О. Адрианомъ, духовнымъ сыномъ Св. Иоанна Максимовича Шанхайскаго и Сан-Францискаго. Я падалъ съ ногъ отъ усталости, но внутри все ликовало.

О. Германъ хотѣлъ ѣхать во Францію поклониться св. Мартину Турскому и отслужить панихиду на могилѣ Архиепископа Феофана Полтавскаго въ Лимерѣ. И вотъ, 24-го Апрелья, 1988 года, въ воскресенье, семеро насъ, включая трехъ паломниковъ изъ Бостона, бывшихъ тогда въ Амстердамѣ, погрузились въ маленькій автобусъ и поѣхали изъ Амстерлама во Французскіе Туры. Путешествіе заняло приблизительно 7 часовъ. Въ Турахъ мы нашли гостиницу, быстро перекусили и пошли въ базилику, гдѣ похороненъ св. Мартинъ Турскій. (316-397 гг. н.э.). На слѣдующій день мы опять вернулись къ гробницѣ святого, чтобы поклониться его мощамъ и помолиться. Поклонились мы и святому Григорію Турскому (538-596 гг. н.э.).

Тѣмъ же утромъ, въ понедѣльникъ 25-го Апрелья 1988 года мы приѣхали въ Лимерей, въ получасѣ ѣзды отъ Туръ и сразу направились къ мѣсту, гдѣ находились пещеры Владыки Феофана. Хозяинъ этого владѣнія насъ жалъ и принялъ насъ очень тепло. Онъ пригласилъ насъ посѣтить всѣ пещеры, связанная съ пребываніемъ Владыки Феофана. О. Германъ рассказывалъ намъ о жизни Архиепископа

Замокъ въ городкѣ Амбуазъ на рѣкѣ Луарѣ, служившимъ королевской резиденціей, а также домомъ Леонардо да Винчи, гдѣ онъ скончался. Ниже: надгробіе на могилѣ Леонардо да Винчи. Фотографія автора.

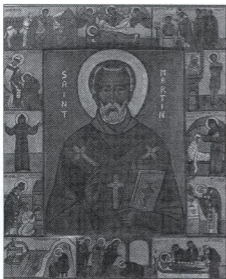
Феофана и объ Архиепископѣ Аверки Джорданвильскомъ, духовномъ сынѣ Владыки Феофана, написавшемъ книгу о своемъ духовникѣ. Черезъ рассказъ О. Германа въ Лимерѣ Владыка Феофанъ какъ бы ожилъ для насъ.

Сразу послѣ этого мы на машинѣ поѣхали навѣрхъ по крутому склону къ главному храму города, за которымъ находилось кладбище съ могилой архиепископа. О. Германъ отслужилъ панихиду по Владыкѣ и произнесъ очень вдохновенную проповѣдь о значеніи Владыки Феофана для Православнаго міра. Мы также помолдились на близлежащей могилѣ Маріи Федченко, келейницы Владыки.

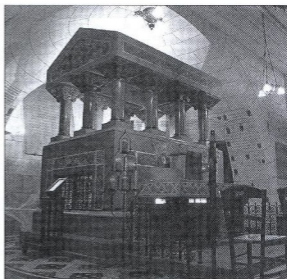
Послѣ, въ зданіи городского управления мы встрѣтились съ молодой женщиной, съ которой ранѣе я говорилъ по телефону. Она очень доброжелательно сдѣлала для насъ копию сертификата на жителство Архиепископа Феофана въ г. Лимерѣ, содержащаго отпечатки его пальцевъ. Выдала она и свидѣтельство о его смерти, а также копию документовъ его келейницы, Маріи Федченко изъ Санктъ-Петербурга, скончавшейся въ Лимерѣ въ 1972 году въ возрастѣ 90 лѣтъ.

Послѣ Лимерея, проѣхавъ нѣсколько миль, мы очутились въ городкѣ Амбуазъ на рѣкѣ Луарѣ со знаменитымъ замкомъ, служившимъ королевской

Св. Мартинъ Турскій
(память 12-го Ноября)

Усыпальница Св. Мартина Турскаго.
Фотографія автора.

резиденціей, а также домомъ Леонардо да Винчи, гдѣ онъ жилъ въ концѣ 15-го - началѣ 16-го вѣка и гдѣ онъ скончался.

Погода во время путешествія во Франціи была отъѣнной. Послѣ обѣда, посѣтивъ родину Жанны д'Аркъ, Орлеанъ, мы направились въ Парижъ, гдѣ и заночевали.

На слѣдующій день, 26-го Апрѣля мы посѣтили Нотр Дамъ и знаменитую готическую часовню реликварій Сэнъ-Шапель въ самомъ центрѣ Парижа. Потомъ побѣжали въ католическую церковь Сэнъ-Этьенъ-дю-Монъ поклониться мощамъ св. Женевьевы (422-512), покровительницы Парижа. Посѣтили близлежащий русскій книжный магазинъ.

Помолились и на мощахъ св. Діонисія Парижскаго, находящихся въ посвященной ему церкви. Этотъ святой, первый епископъ Парижа, сталъ священномученикомъ вмѣстѣ со святыми Рустикомъ и Елевферіемъ, принявшихъ страданія во времена гоненія на христіанъ Римскаго императора Деціуса, между 250 и 270 гг.

Знаніе и любовь О. Германа къ святымъ были воистину заразительны. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ другого такого человѣка. Казалось, что онъ умомъ и сердцемъ постоянно жилъ со святыми. Запомнилось, что О. Германъ всегда благословлялъ людей и все вокругъ въ то время какъ мы ѣхали на нашемъ мини-автобусѣ.

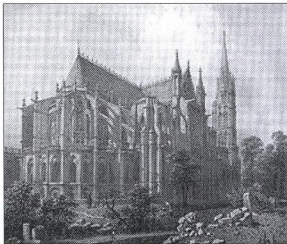
Покровительница Парижа Св. Женевьева.

Усыпальница Св. Женевьевы
въ соборѣ Сэнъ-Этьенъ въ Парижѣ.

Базилка Св. Мартина Турского.
Современная фотография.

Базилка Сэн-Дени. Построена по благословению Св. Женевиёвы на томъ мѣстѣ, куда, по преданию, пришелъ Св. Діонісій со своей отрубленной головой. Стала некрополемъ французскихъ королей. *Литография Феликса Бенуа.*

Позже я узналъ, что О. Германъ также любилъ старые классическіе фильмы и постоянно искалъ картины, которая онъ еще не видѣлъ. Его коллекція классическихъ фильмовъ была поразительной. Особенно онъ любилъ фильмы, содержащіе въ себѣ определенный моральный урокъ.

О. Германъ постоянно упоминалъ о важности чтенія хорошей литературы. Запомнилось его частое упоминаніе книги Чарльза Диккенса «Давидъ Копперфильдъ» какъ произведенія, способного умягчить человеческое сердце, сдѣлать его болѣе способнымъ къ воспріятію духовной Православной литературы.

Тогда я и не догадывался, что менѣе чѣмъ черезъ три года я оставлю Амстердамъ и проведу шесть мѣсяцевъ въ монастырѣ св. Германа Аляскайскаго, вблизи калифорнійскаго мѣстечка Платина. Тогда, въ началѣ 1991 года, О. Германъ благословилъ меня возглавить небольшую миссионерскую группу въ Россіи. Въ то время онъ уже началъ выпускъ журнала «Русскій Паломникъ» въ Америкѣ и хотѣлъ, чтобы Валаамское Общество Америки, созданное имъ въ память Валаамскихъ монаховъ, открывшихъ Православіе въ Америкѣ, учредило филиалъ въ Россіи для разпространенія журнала. То, какъ изъ этого образовалась наша Американская Православная Миссія, является отдельной исторіей. Безспорно, за все наше время въ Россіи, О. Германъ, съ его неутомимой энергіей, всегда являлся двигателемъ, вдохновлявшимъ насъ на трудъ ради Христа.

О. Германъ — уникальный человекъ. Я вспоминаю его съ любовью и огромной благодарностью за его невѣроятную способность показать мнѣ Православіе и святыхъ, буквально ожившихъ черезъ его вдохновеніе.

Съ любовью во Христѣ,
Ричардъ (Фома) Беттс.

Въ центрѣ: Мученикъ Діонісій Парижскій.

Внизу: Моши священномученика Діонісія, святыхъ Рустика и Елевферія въ базиликѣ Сэн-Дени.

ИСПОВѢДНИКИ РОССІЙСКІЕ

АРХІЕПИСКОПЪ ЛЕОНТІЙ ЧИЛІЙСКІЙ

Память 19-го Іюня (†1971)

ПОЛОЖЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА УКРАИНѢ ВО ВРЕМЯ НѢМЕЦКОЙ ОККУПАЦІИ

ВЪ АВГУСТѢ 1941 г. въ Почаевской Лаврѣ Владыка Леонтій

присутствовалъ на Соборѣ епископовъ Православной Церкви на Украинѣ, который постановилъ «считать нашу Церковь и ея іерархію въ канонической зависимости отъ Церкви Русской» и «вернуть нашей Церкви права автономіи и автономнаго управленія». Председителю во время войны уникальному и въ тоже время опасный для его участника: возможно ли представить, что часть іерархіи публично заявитъ о своей вѣрности и канонической подчиненности церковному управленію, находящемуся на вражеской территоріи? Тѣмъ не менѣе подобное произошло, но тѣмъ самымъ УПЦ назвала себя врага не менѣе, а, можетъ, и болѣе опасного, чѣмъ немцы, — автокефалистовъ и самосвятство, придерживающихся принципа: «Пусть съ чертомъ, лишь бы не съ Москвою» и требующихъ изображать Божью Матерь въ украинскомъ крестьянскомъ платьѣ, а Архангела Михаила — съ трезубцемъ вмѣсто копья.

Продолженіе, начало въ № 53.

8. АРЕСТЫ ДУХОВЕНСТВА

НАКЪ НИ просилъ Владыка Алексій, чтобы взяли и меня съ нимъ, такъ какъ я вмѣстѣ съ нимъ приѣхалъ изъ Житомира, они не вняли его просьбамъ и увели его одного. А мы остались сидѣть безъ воды и безъ пищи до вечера. Когда стало вечерѣть, насъ, главнымъ образомъ духовенство, перевели въ другое помѣщеніе. Здѣсь мы пробыли всего полчаса, потомъ насъ выстроили въ шеренгу, проверили по фамилии и подъ конвоемъ повели въ другое зданіе вблизи того, гдѣ раньше была тюрьма для специальныхъ политическихъ заключенныхъ, такъ называемый изоляторъ. Тамъ были все приспособленія для мученія заключенныхъ, вплоть до каменныхъ мѣшковъ и тому подобныхъ коммунистическихъ художествъ. По-видимому, нѣмецкимъ фашистамъ, которые недалеко ушли отъ коммунистовъ, это сооруженіе было по душѣ. Они стали по 10 человекъ водворять насъ въ тѣсныя камеры. Не успѣли мы войти въ свою камеру, размѣромъ приблизительно въ 8 кв. метровъ, какъ

насъ ошеломили необычайной силы взрывъ, который, судя по сотрясенію нашего зданія, долженъ былъ произойти гдѣ-то поблизости. Впоследствии оказалось, что было взорвано то многоэтажное зданіе, изъ котораго насъ только что вывели. Это была несомнѣнная большевистская провокація, можетъ быть, не безъ извѣстнаго участія и украинскихъ шовинистовъ. Хотѣли расчитаться съ остатками духовенства. Потомъ стало извѣстно, что ловушку для нашего ареста подстроили дѣятели украинской самосвятой Рады. Заслуживаетъ вниманія, что засѣданіе было приурочено къ днямъ советскихъ праздниковъ — годовщины октябрьской революціи. Приѣздъ архіепископа Алексія нѣмцамъ истолковали такъ, что православное духовенство — это приспѣшники советской Москвы и оно, молъ, приурочило свой съездъ къ октябрскимъ торжествамъ. Но нашлись добрые и порядочные люди, которые объяснили нѣмцамъ, въ чемъ дѣло, и нѣмцы, вопреки ожиданіямъ враговъ Православія, не сдѣлали очередную глупость и не разстрѣляли всѣхъ

нась. Погибъ только О. Павелъ, котораго обвинили въ томъ, что онъ не имѣлъ права крестить евреевъ, когда нѣмцы стали ихъ истреблять. Тогда же былъ разстрѣлянъ и О. Владиміръ Вишняковъ, обязавшійся давать свидѣнія НКВД о всѣхъ такъ называемыхъ неблагонадежныхъ, а также помогать большевикамъ выискивать духовныхъ лицъ, которые скрывались или жили безъ паспортовъ, въ томъ числѣ и меня. Его жена припрятала его записную книжку съ документальными доказательствами и передала нѣмцамъ своего мужа. Какъ мнѣ объяснилъ переводчикъ, въ спискѣ протоіерея Вишнякова была и моя фамилія. Что за мной тогда весьма охотились, знаетъ и О. Г., нынѣ здравствующій въ Сѣверной Америкѣ.

Изъ камеры заключенныхъ насъ выводили только разъ въ уборную. Давали жидкій супъ и по кусочку хлѣба въ день. За время моего десятидневнаго сидѣнія меня вызвали на допросъ только два раза. Уже на первомъ допросѣ выяснилось, что я не разъ сидѣлъ при большевикахъ, былъ камнѣ на принудительныхъ работахъ подлѣ Житомира въ селѣ Высокая Печь, долгое время скрывался, живя безъ прописки на нелегальномъ положеніи. Все это подтвердилъ и переводчикъ, близко знавшій родственницу убитаго митрополита Кіевского Константина, Анну Леонидовну. Въ свое время она рассказала мою исторію этому молодому человѣку. Поэтому нѣмцы стали относиться ко мнѣ мягче и послѣ второго допроса даже дали краюшку хлѣба, что весьма пригодилося нашей голодной камерѣ. Среди десяти человѣкъ, сидѣвшихъ въ нашей камерѣ, было два самосвятскихъ священника, хваставшихся тѣмъ, какъ они въ разнѣхъ самосвятчнхъ отбарахъ у православныхъ храмовъ и въ нихъ совершали службы. Такъ мы сидѣли, не зная, за что насъ посадили. Я особенно сильно переживалъ нашъ арестъ и считалъ, что Владыка Алексій не долженъ былъ идти на собраніе, устроенное украинскими шовинистами вмѣстѣ съ самосвятами. Видѣ только благодаря прѣзбу Владыки Алексія прибыло все православное духовенство и попало въ западню. На слѣдующій послѣ послѣдняго допроса день, послѣ обѣда, всѣхъ

насъ вывели во дворъ и прочли меморандумъ. Достаточно пространно по-русски въ немъ было написано, какъ мы должны себя держать, живя въ нѣмецкомъ протекторатѣ. Въ заключеніе съ насъ была взята подписка въ томъ, что мы не будемъ заниматься политической дѣятельностью, въ противномъ случаѣ будемъ сурово наказаны. Когда всѣ подписались на поданномъ намъ листѣ, насъ стали отпускать на свободу. На улицѣ насъ ждала толпа родственниковъ многихъ заключенныхъ.

Такъ украинскіе шовинисты угостили Владыку Алексія и насъ, православное духовенство, "нѣмецкими пирогами". Надо было игнорировать ихъ приглашеніе и не поддаваться на провокацію,

какъ мы дѣлали при большевикахъ. Это было результатомъ незнанія людей съ запада нашего положенія подлѣ большевистскимъ гнетомъ и желанія, какъ было въ Польшѣ, идти на всякія уступки, никогда до добра не доводящіе ни духовенство, ни миряны. Послѣ нашего ареста православное духовенство окончательно убѣдилось въ невозможности какого-

либо соглашенія съ украинскими шовинистами, о чемъ больше не было и рѣчи. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Какъ я узналъ потомъ, Владыку Алексія вызвали въ кабинетъ начальника гестапо, гдѣ сидѣлъ уже какой-то господинъ, отрекомендовавшій себя протестантскимъ пасторомъ. Онъ сталъ экзаменовывать Владыку Алексія въ знаніи священнаго писанія. Убѣдившись въ его недюжинныхъ знаніяхъ, онъ заявилъ, что Владыка Алексій дѣйствительно духовное лицо. Владыка Алексій объяснилъ этотъ экзаменъ тѣмъ, что просто хотѣли поиздѣваться надъ православнымъ епископомъ, но скорѣе по навѣстамъ самосвятствъ рѣшили провѣрить, не совѣтскій ли это агентъ. Послѣ этого малопріятнаго для архіепископа допроса его отпустили поздней ночью. Владыка былъ такъ разстроено и напуганъ, что, не заѣзжая къ сѣхрхіепископу Антонію, переночевалъ у начальника города и рано утромъ выѣхалъ въ Житомиръ. Возможно, что нѣмецкія власти посоветовали ему такъ поступить, а желанія сильныхъ — приказъ для слабыхъ.

На улицахъ Кіева во время нѣмецкой оккупации.

9 БЛАГОСЛОВЕНИЕ НА ПРИНЯТИЕ ЕПИСКОПСКАГО САНА

На слѣдующій день послѣ освобожденія я выѣхалъ изъ Кіева съ письмомъ и благословеніемъ отъ Владыки Антонія принять предложеніе архіепископа Алексія быть его викаріемъ. Въ своемъ письмѣ схиархіепископъ Антоній писалъ слѣдующее:

"Ваше Высокопреосвященство,
Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Архипастырь и Отецъ!

Господу не соизволилось встрѣтиться намъ въ богоспасаемомъ Кіевѣ. Позвольте хоть письменно прийѣхать Вашу святыню. Всечестной отецъ архимандритъ Леонтій подробно повѣствоваль мнѣ, съ какой отеческой лаской Вы принимали его. Спаси Васъ Господи, низенько низенько кланяюсь Вамъ и глубоко благодарю Васъ за оказанныя ему милости!

Исполнилось ровно 18 лѣтъ моего знакомства съ о. архимандритомъ Леонтіемъ. Все это время онъ былъ моимъ духовнымъ сыномъ. Съ перваго же дня моего прѣзда въ Кіевъ, будучи еще почти безпріютнымъ, первое гостеприимство нашель я въ келліи архимандрита Леонтія. Это навсегда сблизило, сроднило меня и, уповаю, до гроба не разъединитъ меня съ нимъ. Въ упомянутое время о. архимандритъ Леонтій былъ юнымъ послушникомъ св. Кіево-Печерской лавры, звался Василиемъ Константиновичемъ Филиповичемъ.

8-го Августа 1927 года Василій Филиповичъ, при моемъ участіи, былъ постриженъ въ иночество настоятелемъ Лавры и наименованъ Леонтіемъ. Затѣмъ 6-го Августа 1928 года архіепископомъ Василиемъ Богдашевскимъ въ соборномъ храмѣ Кіево-Братскаго монастыря былъ рукоположенъ въ іеродиакона. Въ 1927 году инокъ Леонтій былъ посланъ въ г. Петроградъ для поступленія на Высшіе Богословскіе курсы. Въ Петроградѣ пробыль онъ до 1930 года и обучался на упомянутыхъ курсахъ, проходя при томъ священнослужительское послушаніе въ храмѣ Кіево-Печерскаго подворья.

8-го Мая 1930 года архіепископомъ Василиемъ Богдашевскимъ въ соборномъ храмѣ Кіево-Братскаго монастыря іеродиаконъ Леонтій былъ рукоположенъ въ іеромонахи. Съ этого времени О. Леонтій поселяется въ лаврской Китаевской пустыни, проходя чреду священнослуженія, и продолжаетъ заниматься богословскими науками подъ руководствомъ профессоръ-протоіереевъ П. Я. Свѣтлова и А. А. Пяголева. Результатомъ этихъ занятій была предоставленная имъ въ 1934 году Блаженнѣйшему Митрополиту Сергію на соисканіе степени кандидата богословія письменная работа "Житія святыхъ, какъ матеріалъ для христіанской апологетики". За эту работу О. Леонтій былъ

удостоенъ митрополитомъ Сергіемъ искомой степени.

22-го Іюня 1935 года О. Леонтій былъ приходскимъ пастыремъ Кіево-Пріорской Покровской церкви. Какъ видный приходской пастырь и добрый инокъ, О. Леонтій немало страдалъ отъ большевиковъ, но Господь его хранилъ для Православной Церкви.

Вашему Высокопреосвященству было благоудно въ г. Кіевѣ возвѣститъ объ избраніи Вами О. Леонтія во епископы. Земно кланяюсь Вашему Высокопреосвященству за сіе избраніе и со своей стороны привѣтствую, присоединяю своей голосъ.

Остаю преданный Вашему
Высокопреосвященству,
схиархіепископъ Антоній.
2 (15) Ноября 1941 г."

Прибывъ въ Житомиръ, я не засталъ уже тамъ Владыку Алексія, такъ какъ онъ отбылъ къ себѣ въ Кременецъ. Въ Житомирѣ продолжалъ служить и управлять епархіей епископъ Львовскій Пантелеймонъ, который стремился въ Кіевъ, несмотря на суровый пріемъ, оказанный тамъ архіепископу Алексію со стороны нѣмецкихъ властей. Въ связи съ предполагаемымъ отъѣздомъ епископа Пантелеймона въ Кіевъ, житомирское областное управленіе по религиознымъ дѣламъ, со своей стороны, просило меня ускорить отъѣздъ на епископскую хиротонію. Одновременно были посланы архіепископу Алексію въ Кременецъ многочисленные подписи, какъ отъ духовенства, такъ и отъ общественныхъ учреждений съ просьбой о возведеніи меня въ санъ епископа для г. Житомира.

Командируя меня въ Кременецъ, начальникъ отдѣла по религиознымъ дѣламъ написалъ архіепископу Алексію письмо отъ 4(17-го) Ноября слѣдующаго содержанія:

"Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнѣйшему Алексію,
Архіепископу Волинскому и Житомирскому

Прилагаю при этомъ копію письма начальника Житомирскаго областного управленія отъ 20-го Августа 1941 года съ просьбой хиротонисать архимандрита Леонтія во епископы. Отдѣлъ по религиознымъ дѣламъ Житомирскаго областного управленія, ссылаясь на рѣшеніе Вашего Высокопреосвященства, высказанное въ г. Бердичевѣ, а также принимая во вниманіе, что епископъ Пантелеймонъ въѣзжаетъ въ г. Кіевъ 21-го этого мѣсяца и г. Житомиръ остается безъ епископа, проситъ, если возможно, хиротонисать архимандрита Леонтія въ Почаевѣ въ ближайшіе дни.

Завѣдующій Отдѣломъ по религиознымъ дѣламъ
В. Медвѣдевъ."

Со своей стороны епископ Пантелеймон прибавил: "Настоящим даю свое согласие на хиротонию во епископа архимандрита Леонтия. Епископ Пантелеймон. 17-го Ноября 1941 г."

Съ этими добрыми благожеланиями я 5(18-го) Ноября выехать на случайной грузовой машинѣ въ Ровно, а оттуда добрался на такой же машинѣ въ Дубно. Вследствіи отсутствія автомашинъ въ Дубно изъ-за снѣжныхъ заносовъ дальше пришлось ѣхать на лошадахъ и идти мѣстами пешкомъ. Между прочимъ, я шель пешкомъ съ неизвѣстнымъ челоѣкомъ до льснаго селенія Смуга, гдѣ впоследствии былъ убитъ вмѣстѣ съ другими архіепископъ Алексій. Господь сохранилъ меня, я добрался до этого села благополучно, тамъ заночевалъ, а на слѣдующій день нанялъ подводку и прибылъ 8(21-го) Ноября въ Кременецъ. Я отпирался прямо въ монастырь, гдѣ шла праздничная служба. Послѣ литургіи я сѣлалъ докладъ архіепископу Алексію. Къ тому времени подѣхалъ Владиміро-Вольнскій епископъ Веніаминъ (Новицкій). Оба владыки обсудили вопросъ относительно моей хиротоніи, разсмотрѣли всѣ документы и рѣшили назначить хиротонию на 14(24) Ноября въ Почаевѣ. За это время къ архіепископу Алексію поступили благоприятные отзывы обо мнѣ отъ епископа Симона и епископа Дамаскина.

10. ХИРОТОНІЯ ВЪ ПОЧАЕВѢ

На слѣдующій день на монастырской подводѣ я съ Владыкой Веніаминомъ послѣ обѣда двинулись въ путь. По дорогѣ разыгралась сильная метель, лошади наша устала, но уже было недалеко отъ Почаева, версты четыре и мы съ Владыкой Веніаминомъ пошли пешкомъ. Это была суббота. Звонили почаевскіе колокола. Несмотря на метель и пургу такъ радостно и приятно было слышать въ занесенномъ снѣгомъ поле величественный монастырскій звонъ. Усталые, мы прибыли къ концу всеночной, которая совершалась въ тепломъ Похвальскомъ храмѣ. Послѣ ненастья въ полѣ, хорошо было отдохнуть душой и тѣломъ въ тихой молитвенной обстановкѣ. Служилъ отецъ наместникъ архимандритъ Панкратій, присланный въ 1939 году изъ Московской Патриархіи. Его и другого архимандрита О. Нектарія патриархія прислала какъ своихъ людей. Но они странно тосковали по Москвѣ и всей душой стремились обратно изъ Западной Украины въ Восточную, гдѣ не чувствовался украинскій шовинизмъ и были свои русскіе люди.

Остановился я въ прежней знакомой келліи. Каждый день посѣщалъ всѣ монастырскія службы, часто принималъ въ нихъ участіе. Во вторникъ къ вечеру прибылъ архіепископъ Алексій въ сопровожденіи епископа Дамаскина, который

прибылъ къ нему какъ разъ въ эти дни, и архіепископъ пригласилъ его принять участіе въ моей хиротоніи. Вечеромъ я ужиналъ со всѣми архіереями. На слѣдующій день памяти св. Іоанна Златоуста на три часа было назначено въ Похвальскомъ храмѣ мое нарѣченіе во епископа. Этого торжественнѣйшій чинъ совершали всѣ три прибывшие архіереи при участіи многочисленнаго лаврскаго духовенства и трехъ хоровъ — лаврскаго, пастырской школы и любительскаго, въ переполненномъ молящимися храмѣ, прибывшихъ изъ мѣстечка Почаева и окрестныхъ селеній, узнавъ о рѣдкомъ торжествѣ — архіерейской хиротоніи, уже долгие годы не совершавшейся въ Лаврѣ. Тѣмъ болѣе вызвало интересъ, что я былъ первымъ епископомъ, который ставился на Восточную Украину, гдѣ большевики не оставили въ живыхъ ни одного епископа. Все это вмѣстѣ взятое создало атмосферу необычайнаго церковнаго событія.

Во время чина нарѣченія послѣ пространнаго исповѣданія вѣры мнѣ пришлось по установленному порядку сказать рѣчь на украинскомъ языкѣ, которую я здѣсь воспроизвожу въ переводѣ на русскій:

"Богомудрые Архипастыри и Святители Божіи!

Всемогущій Господь Богъ призываетъ меня, недостойнаго, къ высшему служенію Церкви Христовой въ страшные и тяжелые часы борьбы добра со зломъ. Еще съ дѣтства, съ того времени, какъ я помню себя, какъ сынъ своей Матери Святой Православной Каеолической Церкви, я всегда желалъ и былъ готовъ служить ей по мѣрѣ дарованныхъ мнѣ отъ Бога силъ и способностей. Въ жуткіе и тяжелые недавно минушіе дни жестокаго большевистскаго владычества надъ нашей родиной, когда все святое и дорогое было попираемо и стираемо съ лица нашей земли, я пошелъ служить своей Православной Церкви, когда она въ тяжелыхъ мученіяхъ, истекая кровью, висѣла на крестѣ. Мнѣ хорошо было извѣстно изъ опыта всего того, что происходило вокругъ меня и что дѣлали враги Церкви, какое тяжелое бремя ожидаетъ меня въ будущемъ. А ожидало какъ меня, такъ и всѣхъ, кто хотѣлъ вѣрно служить ей, неслыханное безчеловѣчное гоненіе. Многие считали это безуміемъ съ моей стороны — въ такое время идти на служеніе Церкви противъ господствующей стихіи зла. Но всемілостивѣйшій Господь всегда внушалъ мнѣ, что не бытіе опредѣляетъ сознание, но сознание бытіе, и что не надо идти за толпой, а послѣдовать Христу. И я, не страшась, отдалъ себя и всю свою жизнь Покрову Божіей Матери, не оглядываясь назадъ, пошелъ за Христомъ на Голгову, хорошо сознавая, что на Голгову за Христомъ мало кто идетъ. Большинство людей желаютъ идти за Нимъ, когда Церковь Христова въ славу. Милостью Божіей на

этомъ пути я не былъ одинокъ. Въ трудные часы моей жизни Господь всегда посылалъ мнѣ боголюбивыхъ людей, которые всеми силами, даже рискуя подчасъ собственной жизнью, поддерживали и не покидали меня. Ихъ искренняя, святая любовь не разъ разсказывала меня въ темныхъ тюремныхъ казематахъ, долетала и до каменоломни, гдѣ, тяжело страдая съ другими, я не надѣялся остаться въ живыхъ. И здѣсь явно, незримо, особенно въ самыя тяжелыя минуты, я чувствовалъ помощь Божію и защиту Божіей Матери. Не могу высказать и передать это все моими бѣдными словами. Скажу только одно: если бы не милость Божія и явная помощь Божіей Матери, умъ не могъ бы выдержать это все, а сердце давно бы перестало биться. И вотъ, неожиданно для меня, послѣ изгнанія злѣйшаго врага всего человечества — большевиковъ съ Украины, я остался въ живыхъ и въ томъ самомъ мѣстѣ, куда сейчасъ Святая Церковь посылаетъ меня на высшее служеніе. Хочется вбрызнуть тому, что Господь Богъ сохранилъ мою жизнь для того, чтобы всѣ силы и, если будетъ нужно, то и жизнь я отдалъ бы на служеніе Богомъ данной мнѣ паствѣ.

Прежде всего благодарю Бога и Его Пречистую Матерь, а также Васъ, Православный соборъ епископовъ и боголюбивыхъ мірянъ, что избрали меня, недостойного, на это великое святое служеніе. Въ наше время служеніе Церкви Христовой труднѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Епископу нашей святой Православной Церкви надо нести всякую тяготу дня. Церковная жизнь очень осложнилась. Возникли новыя задачи, новыя запросы, требующіе рѣшенія. Враги Церкви, явные и тайные, не дремлютъ и всѣми способами стараются сдѣять плевелы на нивѣ Христовой. Необходимо особенно бодрствовать и духовными мѣрами отбивать вражій нападѣніа, слѣдуя велѣніямъ Пастыреначальника Христа.

Въ нынѣшній великій и радостный день моей жизни я съ особой ясностью представляю себѣ высоту епископскаго служенія. Церковь Христова есть Тѣло Христово, богочеловѣческой организмъ, возрастающей въ мѣру возраста и исполненія Христова, какъ говоритъ св. Апостоль Павелъ. Какъ въ обычномъ тѣлѣ есть сочлененія и связи, которыми оно объединяется и приобретаетъ крѣпость

и устойчивость, такъ и въ Церкви, какъ тѣлѣ Христовомъ, есть свои соединенія и связи, которыми соединяются ея члены. Такой связью является прежде всего благодатная іерархія, подъ главенствомъ Христа скрѣпляющая весь церковный организмъ. Если ихъ ослабимъ, станемъ слабѣе и церковное единство. Само собой разумѣется, что эти связи должны состоять во внутренней связи съ тѣмъ, что они объединяютъ, ибо только тогда организмъ дѣйствительно живетъ и растетъ. Вотъ какимъ, при помощи Божіей достойнымъ, хотѣлъ бы я быть домостроителемъ Христовой Церкви.

Прошу Вашихъ святительскихъ молитвъ, богомудрїи архипастыри, да содѣлаютъ меня Господь Богъ домостроителемъ исповѣдникомъ, вѣрнымъ, право правящимъ словомъ Христовой Истины. Молитесь и вы всѣ обо мнѣ, всечестнѣйшіе отцы и братія, ибо мы знаемъ, какою великою силою является молитва.

О, если бы Господь нашъ Иисусъ Христосъ Своєю всеисильною благодатью,

представительствомъ Пречистой Дѣвы Марїи и молитвами преподобныхъ отцовъ печерскихъ Антонія и Феодосія, въ святой обители которыхъ я полагалъ свою иноческую жизнь, а также преподобнаго Іова Почаевского, въ святой обители котораго я воспринимаю великую благодать архіерейства, помогли мнѣ хоть въ самой малой мѣрѣ осуществить святые слова Апостола Павла: "Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою и чистотою". Аминь."

Въ своей рѣчи я позволилъ себѣ открыто высказать сокровенные чувства, такъ какъ одинъ разъ въ жизни получаетъ священнослужитель возможность говорить о себѣ самомъ.

Передъ епископской хиротїей было провозглашено многолѣтіе вновь избранному и нарѣченному во епископы. На этомъ чинѣ нарѣченія архіерейской присяги закончили. Вечеромъ я служилъ послѣдній разъ архимандритомъ всенощное бдѣніе подъ св. Апостола Филиппа, а возглавлялъ его маститый епископъ Дамаскинъ. Во время службы Владыка сказалъ очень содержательное слово о нарѣченномъ епископѣ и раскрылъ передъ слушателями картину, какимъ долженъ быть епископъ и его служеніе.

Почаевская Лавра зимой. Картина художника из Почаева Ивана Федоровича Хворостецкаго.

На слѣдующій день въ томъ же Похвальскомъ храмѣ, при участіи тѣхъ же епископовъ я быть хиротонисанъ во епископа Бердичевскаго, викарія Житомирской епархіи. Послѣ литургіи при врученіи мнѣ архіерейскаго жезла архіепископъ Алексій сказалъ слѣдующее слово:

"Возлюбленный о Господѣ собрать нашъ, преевangelический Леонцій!

Господь Богъ черезъ нашу мѣрность возвелъ тебя на великое поприще епископскаго служенія Церкви Божіей. Св. Апостолъ Павелъ писалъ въ своемъ посланіи возлюбленному ученику своему Тимофею: "Вѣрно слово: кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ". (1Тим. 3,1). Писалъ св. Апостолъ Павелъ своему ученику такъ потому, что зналъ, какія тяготы, скорби и трудности ждуть его въ семь служенія спасенія человѣковъ. Вотъ и ты смотри на служеніе сіе не какъ на блестящую почетную карьеру, но какъ на подвигъ, соединенный со многими тяготами и лишениями, какія неизбежно будутъ встрѣчаться на твоёмъ жизненномъ пути.

Хотя Апостолъ и зналъ о цѣломудренной жизни св. Тимоея, однако напомнилъ ему, "епископъ долженъ быть цѣломудренъ". (1Тим. 3,2) Такъ и ты будь прежде всего цѣломудренъ, стяжи чистоту душевную и тѣлесную, такъ какъ ничто такъ не привлекаетъ сердца вѣрующихъ, какъ добрая и чистая жизнь вообще и особенно строителя тайнъ Божіихъ.

Отнюдь не помышляй, что на пути тебя ожидаетъ только слава. На пути своего служенія ты встрѣишь много скорбей, не всѣми будешь понятъ, будешь, несомнѣнно, такіе, которые тебя полюбятъ, но найдутся, безъ сомнѣній, и такіе, которые твои слова и дѣйствія воспримутъ по-иному и принесутъ тебе немало тяжелыхъ и горькихъ переживаній. Въ сихъ злословіяхъ, по слову Апостола, будь "тихъ и миролюбивъ" (1Тим. 3,3) Апостолъ Павелъ заповѣдалъ св. Тимоею быть также учителнымъ. Не думай, что теперь уже всё научены вѣрѣ и надо только поддерживать и напоминать. Жизнь очень сложная. Безбожие и невѣріе при большевистскомъ владычествѣ дали свои злые плоды.

За послѣдніе мѣсяцы мы по долгу своей службы пробвали немало мѣстъ и видѣли, что только старые и прежніе люди, которые помнятъ красоту церковную и церковное благолѣпіе, сохраняютъ вѣру и посылаютъ храмъ Божій, прочіе же далеки отъ религіознаго настроенія и Церкви святой. Тебѣ придется много поработать въ этомъ направленіи.

Помни также въ своемъ высокомъ церковномъ служеніи и завѣты св. Апостола Павла о томъ, что "рабу Господа не должно ссориться, но быть привѣтливимъ ко всѣмъ" (2Тим. 2, 24), "съ кротостью наставлять противниковъ, не дасть ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины".

Если тебѣ будетъ неважно нести бремя своего апостольскаго служенія, если порой будешь изнемогать подъ тяжестью креста своего служенія св. Православной Церкви, то старайся прибѣгать въ святую Лавру Почаевскую, гдѣ ты воспріялъ санъ епископа, чтобы здѣсь у чудотворнаго образа Богоматери и у святыхъ мошей Преподобнаго Іова находить для себя укрѣпленіе и утѣшеніе. Если ты не сможешь сего, то хотя мысленно и душою вспоминай сіе святое мѣсто, проливая слезы умиленія и находи желанный душевный покой.

Итакъ, да дастъ тебѣ Господь духъ силы, любви, цѣломудрія. Прими жезлъ сей и да будетъ онъ жезломъ утѣшенія для вѣрныхъ и жезломъ страха для противниковъ истины и благочестія, и, принявъ его, благослови своимъ первымъ архипастырскимъ благословеніемъ предстоящій народъ".

Послѣ сего торжества крестнымъ ходомъ, подъ праздничный перезвонъ лаврскихъ колоколовъ меня торжественно провели въ ложи архіепископа на трапезу. Такъ закончилось торжество моей епископской хиротоніи. На слѣдующій день я служилъ литургію и освятилъ антиמיםъ. Въ субботу служилъ всенощное бдѣніе въ Троицкомъ соборѣ, а на слѣдующій день литургію и проповѣдовалъ.

II. СОБОРЪ ЕПИСКОПОВЪ

Въ эти дни, кромѣ церковныхъ торществъ, въ покояхъ архіепископа Алексія происходили епископскіе совѣщанія, на которыхъ я и впервые принималъ участіе какъ епископъ. Всѣ присутствовавшіе епископы подписали и подписали постановленіе прежнихъ дѣяній епископовъ, вынесенныхъ на совѣщаніи въ июль-августѣ 1941 года въ Почаевѣ, на которыхъ они не присутствовали. Главное, что подчеркивалось и имѣло тогда большое значеніе, это возстановленіе автономной Православной Церкви, данной еще матерью Церковью при святѣйшемъ Патриархѣ Тихонѣ, что само собой разумѣлось не только по ходу историческихъ событій, но и отвѣчало всѣмъ общему желанію большинства мірянъ. Это явствуетъ хотя бы изъ одного того, что почти всѣ вновь открытые храмы добровольно подчинились автономной православной церковной власти, а объ автокефалистахъ не желали и слышать.

На этомъ совѣщаніи архіепископъ Алексій сдѣлалъ докладъ о началѣ соборныхъ епископскихъ работахъ и повѣдалъ о причинахъ, вызвавшихъ возстановленіе законной автономіи. Приблизительно черезъ недѣлю послѣ объявленія Германіей войны Советскому Союзу съ 29-30 Іюня 1941 года въ г. Львовѣ съ благословенія уніатскаго митрополита Андрея Шептицкаго было объявлено объ организациі правительства соборной самостоятельной

Украины, председателем которого избрали Ярослава Стецька. В организации этого украинского шовинистического правительства участие принимали главным образом галичане уніаты и украинцы с запада. В первые дни, по мѣрѣ продвижения нѣмецких войск и оккупации восточных земель Украины, как мы уже отмѣчали, за нѣмецкими войсками слѣдовала и эта вновь организованная самостоятельная украинская рада.

Эта рада рассчитывала при помощи украинских иерарховъ постепенно перевести православный народъ въ унію. Сначала допустить возрождение такъ называемой автокеваліи и самосвятчины, родившейся въ октябрѣ 1919 года въ Кіевѣ, а затѣмъ уже, утвердившись, приказать переключиться на чисто уніатскіе рельсы. Это было

бы подобно тому, что было съ самосвятами при большевикахъ, когда они выбрали послушный элементъ изъ липковской "іерархіи" и дѣлали съ нимъ все, что хотѣли. И те исполняли волю своихъ господъ, предавая ГПУ своихъ же, которые ихъ породили, какъ это было съ В. Липковскимъ и другими. Теперь же предполагалось Украинской Радой, на основаніи автокеваліи самосвятскихъ законовъ, создать временную администрацію украинской церкви на освобожденной нѣмцами территоріи, національную по своему составу. Временная администрація занималась бы дѣлами украинской церкви, придавая имъ соответствующій характеръ, и довела бы до созыва "всеевропейскаго собора" въ Кіевѣ. Постановленія такого содержания выносились на предварительныхъ "народныхъ сборахъ" по Львовѣ. Подъ предлогомъ защиты украинской церкви отъ "московскаго плена", въ какомъ она якобы находилась на Восточной Украинѣ до второй мировой войны при владычествѣ большевиковъ. Эта политика украинской рады была направлена также противъ митрополита Варшавскаго Діонісія, въ свое время воспользовавшагося политической ситуациею и при помощи польскаго правительства создавшаго автокевалію Православной Церкви въ Польшѣ. Настолько это было выгодно и важно польскому правительству, что оно не пожелало израсходовать 3 милліона злотыхъ, которые были внесены въ кассу Константинопольскаго Патріарха, признавшаго автокевалію Православной Церкви въ Польшѣ подѣ главенствомъ

митрополита Діонісія. Такъ же, какъ украинская автокеваліи, польская вела къ полному разрыву Православной Церкви. Напрасно продавшіеся польскому правительству православные іерархи возмущали о пошадѣ и умоляли оставить хоть что-нибудь. "Кровь убиеннаго митрополита Георгія была пролита ради организациі Церкви въ согласіи съ прителествомъ. Іерархія пошла по этому пути въ надеждѣ, что вельдѣ за автокеваліей послѣдуетъ и столь желанное урегулированіе жизни Православной Церкви въ Польшѣ въ смыслѣ правового благопріятнаго нормированія отношеній государства къ этой Церкви", — говорилъ митрополитъ Діонісій.

Но все было тишею, митрополита Діонісія больше не слушали — онъ слѣлалъ то, чего отъ него хотѣли, и стать уже не нужнь.

Теперь новая украинская директорія дѣлала ставку прежде всего на самочинную липковскую автокевалію, реставрированную, тѣсно связанную съ возстановленіемъ самостоятельной Украины подѣ пока негласнымъ покровительствомъ уніата, митрополита Андрѣя Шептицкаго. Директорія также возлагала большія надежды на епископа Поликарпа и, главнымъ образомъ, на архіепископа Алексія, родомъ

Владыка Леонтій (второй слева въ первомъ ряду) въ группѣ автономистовъ во время войны.

украинца, съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, всегда умѣвшаго осторожно держать себя и при полякахъ, и при вновь возникавшемъ бутарфорскомъ украинскомъ правительствѣ, не открывая своихъ плановъ. Остальныхъ православныхъ епископовъ не принимали въ расчетъ, по ихъ мнѣнію, людей малообразованныхъ и лишенныхъ инициативы. Епископа Симона, какъ русскаго, вообще не признавали.

Какъ только выяснилось, что нѣмцы не собираются возстановлять самостоятельную Украину, а организуютъ нѣмецкій протекторатъ, архіепископъ Алексій принялъ открыто опредѣленную и ясную позицію украинской церковной автономіи. Онъ собралъ въ Почаевѣ православныхъ епископовъ и объявлялъ объ этомъ, а также о томъ, что по мѣрѣ освобожденія Россіи отъ большевиковъ Украинская Православная Церковь, не теряя своей самостоятельности и автономныхъ началъ, будетъ находиться въ тѣсной связи съ Матерью Церковью, освобожденной отъ узъ. Что архіепископъ Алексій дѣйствительно такъ мыслилъ, мнѣ извѣстно изъ

личныхъ бесѣдъ съ нимъ, вполнѣ откровенныхъ и сокровенныхъ. Зная мой взглядъ на вещи, онъ искренно высказывалъ свои мысли относительно будущаго устройства Православной Церкви. Конечно, дѣйствовать надо было постепенно, тихо, съ учетомъ трудностей окружающей обстановки того времени и враговъ. Враги окружали Православную Церковь со всехъ сторонъ и слѣдили за каждымъ шагомъ ея дѣятелей.

12. УНИАТСКІЙ РАСКОЛЬ

Первыми такими врагами были униаты галичане съ С. Бендерой во главѣ, епископомъ Поликарпомъ и его приспѣшниками, тѣсно связанными съ шовинистами, нѣмецкими оккупантами, пропольскими кругами и пробольшевистскими элементами. Все это скончилось направило свое жало на Православную Церковь и искало подходящій моментъ, чтобы ее погубить. Поэтому положеніе архіепископа Алексія, стоявшаго во главѣ церковной жизни, было чрезвычайно опасно. Немало огорченій причинило ему и его собственное окруженіе. Воистину, ему надо было быть мудрымъ какъ змій и кроткимъ какъ голубь. Такимъ онъ и старался быть. Такимъ я его и до сихъ поръ считаю.

На борьбу епископовъ 18-го Августа 1941 года подъ предводительствомъ архіепископа Алексія при участіи епископа Симона (Ивановскаго), епископа Пантелеймона и епископа Веніамина были внесены постановленія: 1) до помѣстнаго собора Православной Церкви на Украинѣ въ составѣ іерархіи, духовенства и мірянъ считать нашу Церковь и ея іерархію въ канонической зависимости отъ Церкви Россійской (не совѣтской). 2) Возстановить въ нашей Церкви права автономіи и автономнаго управленія. 3) Облечь властью старшего изъ наличнаго состава епископата Православной Церкви на Украинѣ архіепископа Алексія, примѣнивъ къ нему 34-ое Апостольское правило и давъ права областного митрополита. 4) Считать экзархатъ въ Западной Украинѣ прекратившимъ свое существованіе, а экзарха митрополита Николая (Ярушевича), нынѣ митрополита Крутицкаго, покинувшимъ свой экзархатъ, Волинскую епархію и священно-архимандритство въ Почаевской Лаврѣ во время большой опасности, утратившимъ свои полномочія, какъ по экзархату, такъ и по епархіи и по Лаврѣ.

Далѣе было обнародовано письмо митрополита Діонисія отъ 23-го Ноября 1939 года, написанное подъ давлениемъ нѣмецкихъ властей, митрополиту Серафиму (Ляде) Берлинскому и Германскому о томъ, что онъ отказывается отъ своей кафедры и отрѣкается отъ автокефаліи. Въ немъ онъ пишетъ: "Прекращеніе существованія независимаго польскаго государства, съ существованіемъ котораго было связано существованіе независимой автокефальной

Церкви въ Польшѣ, лишаетъ Церковь возможности дальнѣйшаго автокефальнаго существованія. Новый государственный порядокъ, установленный на бывшей польской территоріи, нынѣ включенной въ область германскихъ государственныхъ интересовъ, вызываетъ необходимость соединенія бывшей автокефальной Православной Церкви въ Польшѣ съ церковной организацией, представленной Вашимъ Высокопреосвященствомъ. Въ связи съ этимъ прошу Ваше Высокопреосвященство въ возможно кратчайшій срокъ прибыть въ Варшаву, дабы принять въ свое влѣденіе и управленіе ту часть бывшей автономной Православной Церкви въ Польшѣ, которая находится на территоріи, включенной въ область германскихъ государственныхъ интересовъ. Въ связи съ вышеизложеннымъ я сообщаю, что со дня вступленія Вашего въ управленіе, я отказываюсь отъ дальнѣйшаго управленія названной Церковью. Вашего Высокопреосвященства любящій братъ во Христѣ, митрополитъ Діонисій".

Когда митрополитъ Серафимъ (Ляде) прибылъ въ Варшаву, генераль губернаторъ Польши Франкъ предложилъ ему хиротонисать новую іерархію для генераль губернаторства — двухъ украинскихъ шовинистовъ И. Огненка и П. Выдыбиду. Митрополитъ Серафимъ отказался по той причинѣ, что состоялъ членомъ Синода Зарубежной Синодальной Церкви, которая не признавала самотинной польской автокефаліи, ни ея возлагателя митрополита Діонисія. Поэтому если бы онъ на это пошелъ, то могъ бы произойти у него разрывъ съ архіерейскимъ Синодомъ, что въ то время было ему невыгодно. Впоследствии онъ не разъ возлаживалъ самостійническіе украинскіе церковные сѣзды, считая ихъ православными. Согласившійся на хиротонію этихъ двухъ украинскихъ шовинистовъ митрополитъ Діонисій возвратился на свою кафедру и снова вступилъ въ управленіе такъ называемой Автокефальной Церковью въ генераль губернаторствѣ, предварительно принеся присягу на вѣрность Франку въ Краковѣ. Это было въ сентябрѣ 1940 года, черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ своего отрѣченія.

Хиротонія Огненка и Выдыбиды открыли украинскимъ шовинистамъ и они считали ихъ своей большой побѣдой, тѣмъ болѣе, что нѣмецкія власти увѣрили митрополита Діонисія и И. Огненку, что всѣ обиды, нанесенныя украинской Церкви, будутъ исправлены и компенсированы.

Но постепенно политическая ситуація начала мѣняться не въ пользу украинскихъ самостійниковъ. Нѣмецкія власти никого изъ православныхъ епископовъ, находившихся на территоріи генераль губернаторства, не выпускали за его предѣлы. Начали громить украинскія организациі и уничтожать пачками ихъ лидеров. На бывшей польской

территории до Буга остался только один шовинистически настроенный епископ Поликарп и безпринципный архиепископ Александр. На них возложила свои надежды новая украинская директория, неуничтоженная еще нбмцами. Но оба эти епископа были настолько непопулярны среди православного народа, что за ними почти никто не рбшался идти. Тогда краковские украинцы вспомнили о существовании автокефальной Церкви митрополита Дюнисія, от которого такъ недавно еще отмежевывались. 23-го Октября 1941 года митрополитъ пишеть тогда уже митрополиту Алексію письмо, въ которомъ отстаиваетъ свои права на управленіе вновь образовавшимися епархіями внб предѣловъ генераль губернаторства, ссылаясь на патріаршій Томосъ и жалуетъ на то, что его мало признаютъ главы автокефальныхъ церквей. Но въ то время мало кто изъ главъ не потерялъ голову, и ссылка на патріаршій Томосъ была совершенно несубдѣтельна. Надо полагать, что и самъ митрополитъ Дюнисій мало во все это вбрылъ, но хватился за все, что могло помочь ему удержаться на своемъ посту.

Что же сдѣлалъ митрополитъ Дюнисій? По просьбѣ епископа Поликарпа и подъ извѣстнымъ нажимомъ со стороны шовинистическихъ круговъ, онъ назначилъ его временнымъ администраторомъ Православной Автокефальной Церкви на освобожденныхъ земляхъ Украины съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Затѣмъ предложилъ епископу Поликарпу и архіепископу Александру вмѣстѣ рукоположить новыхъ епископовъ для своей церкви въ то время, какъ на мѣстахъ уже имѣлись законные епископы. Другими словами, митрополитъ Дюнисій предложилъ двумъ потерявшимъ головы епископамъ собственными руками взорвать еще не оправившуюся отъ кровавыхъ ранъ, нанесенныхъ коммунистами, Православную Церковь на Украинѣ. А въ генераль губернаторствѣ митрополитъ Дюнисій уредилъ параллельно существовавшій при немъ консисторіи еще другую, шовинистическаго направленія (въ Холмѣ и Краковѣ). Въ Краковѣ консисторія, возглавленная П. Выдыбидой, была въ одномъ помѣщеніи съ консисторіей митрополита Дюнисія. Далѣе, онъ отдалъ имъ свой каѳедральный соборъ св. равноапостольной Маріи Магдалины, а самъ служилъ тамъ же въ подвальній церкви.

Затѣмъ онъ подаль меморандумъ нбмецкимъ властямъ, въ которомъ проводилъ неправильную мысль о томъ, что съ расширеніемъ оккупации, расширяются и его каноническіе права на управленіе Церковью на оккупированной территории. Вбрыбе, на основаніи словъ И. Франка, онъ убѣдилъ себя въ томъ, что если нбмцы войдутъ въ Москву, то и онъ съ ними, и можетъ стать патріархомъ. Далѣе доказывалъ нбмецкимъ властямъ, что, хотя онъ принесъ присягу

Развалины Устѣнскаго собора
Кіево-Печерской Лавры.

имъ, но этимъ его права не ограничиваются территоріей одного генераль губернаторства, что онъ не упоминалъ о подсоветскихъ земляхъ, чтобы не усложнять международную ситуацию, но что онъ находится съ украинскими шовинистами въ консисторскомъ контактѣ.

Играя на своей самочинной автокефалии, митрополитъ Дюнисій полагалъ, что онъ можетъ дѣлать все, что хочетъ, и все ему сойдеть. Однако, несмотря на меморандумъ, Розенбергъ все же не пустилъ митрополита Дюнисія за предѣлы генераль губернаторства, предоставивъ ему право разорять Церковь Божію изъ Варшавы.

По окончаніи совѣщанія епископы у 18-го Ноября (1-го Декабря) въ понедѣльникъ покинулъ Почаевскую Лавру и вбѣхалъ въ Кременецъ.

13. ПАСТЫРСКАЯ ПОБѢЗКА ПО ЖИТОМИРСКОЙ ЕПАРХІИ

Пробывъ у архіепископа Алексія два дня и получивъ соответствующие документы, я отправился далѣе на случайной оказавшейся въ Кременцѣ автомашинѣ Проскурова. Меня сопровождалъ настоятель проскуровскаго прихода о. Н., а также курсантъ Почаевской богословской пастырской школы И., пожелавшій быть у меня священникомъ. Недалеко отъ м. Ямполь наша машина испортилась и мы были вынуждены заночевать въ одномъ селѣ.

Так как это был канун праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, мѣстный священникъ пригласилъ меня отслужить у нихъ всенощную и ѡѡхать на другой день послѣ совершения литургии. Такъ и сдѣлали. На наши богослужения сошлось почти все село. Крестьяне выразили большую радость за доставленіе имъ нами духовное утѣшеніе. Утѣшили насъ и они чудеснымъ хоромъ и простой своей горячей вѣрой. Прибывъ въ Ямполь, мы пересели на поѡздъ и двинулись въ Проскуровъ. Здѣсь на станціи насъ ожидала маленькая неприятность. Чтобы сократить выходъ къ городу, мы пошли по линіи желѣзной дороги. Навстрѣчу намъ неожиданно вышелъ пьяный гестаповецъ и, угрожая револьверомъ, велѣлъ вернуться обратно. Пришлось пойти другимъ путемъ. Въ Проскуровѣ православные открыли храмъ недалеко отъ сахарнаго завода. Когда заводская администрація узнала о томъ, что прибылъ православный епископъ, то вмѣстѣ съ рабочими выразила желаніе, чтобы въ сослуженіи съ духовенствомъ я освятилъ имъ заводъ. На слѣдующій день при стеченіи многотысячной толпы было совершено освященіе и сказано соответствующее моменту слова. Нужно было видѣть радость на лицахъ рабочихъ, еще такъ недавно при большевикахъ несмѣвшихъ сказать или вспомнить о Богѣ.

Отъ Проскурова до Житомира я ѡѡхалъ поѡздомъ. Жители Житомира восторженно встрѣтили своего епископа, о которомъ они столько хлопотали. Въ первое воскресенье я служилъ съ епископомъ Пантелеймономъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, а затѣмъ принималъ отъ него дѣла Житомирской епархіи, которая была мнѣ поручена. Въ эти же дни я получилъ письмо отъ моего духовнаго отца сѡархіепископа Антонія:

“Ваше Высокопреосвященство, о Госудѣ дорогой нашъ Владыка, Милостивый Архипастырѣ и Отецъ и Братъ нашъ!

Благодаримъ отъ всего сердца Господа и Бога нашего Иисуса Христа и Постытеля душъ нашихъ, Деспоту всемогущую Своею поистинѣ сохранявшего Васъ въ години тяжкаго и мучительнаго испытанія отъ большевистскаго ига и нынѣ возведшаго Васъ на свѣшникъ Ангельскаго служенія, епископскаго предстоянія Церкви Божіей. Исполза эти деспота! Молимъ Всеблагого Господа нашего много лѣтъ здравствовать Вамъ, право править слово Христовой Истины и радоваться о благочестіи ввѣренной Вамъ Церкви. Слышали уже давно объ этомъ радостномъ событіи, а сегодня 2(15-го) Декабря О. Алексѣй наконецъ принесъ и записку, писанную для Измаила Александровича, милостью Божіей 16-го Ноября ставшаго инокомъ Димитріемъ.

Отецъ Алексѣй былъ у насъ и раньше, но записки твоей не передавалъ. Теперь собирается ѡѡхать въ Житомиръ не то Георгій Едл., не то его другъ. Оба ѡѡдутъ за рукоположеніемъ. На днѣхъ собираются ко мнѣ. Съ ними думаемъ отправить и твои вещи. Я за это послѣднее время сильно одряхлѣлъ, очень ослабло зрѣніе, ничего рѣшительно не читаю. Все это заставило меня предложить О. Димитрію принять священство, іеромонашество. Все нужное мною оформлено, получено на это письменное согласіе наличнаго состава братства св. Лавры. Написано мною уже и препроводительное письмо на имя Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Алексія. Пока не отправляю О. Димитрія, такъ какъ ждемъ прѣзда сюда православнаго архіерея. Если, къ сожалѣнію, прѣздъ задержится, то, конечно, придется О. Димитрію самому ѡѡхать за посвященіемъ. Вопросъ этотъ очень меня тревожитъ, мнѣ безъ іеромонаха оставаться невозможно. Мы хлопочемъ о возможности войти какъ-нибудь въ Лавру, но должны сознаться, ничего не достигнуто. Буду ли я на этой квартирѣ или уѡдѣсь переехать въ какой-либо изъ корпусовъ ближнихъ пещеръ — ничего не могу сказать въ этотъ часъ. Все остальное у насъ по-прежнему милостью Божіей. Твое желаніе о св. молитвѣ мною будетъ съ любовью исполнено и впродъ будетъ исполняться. Удивляюсь, почему не хлопочете о скоромъ прѣздѣ епископа. Самосвятъ захватываютъ въ свои еретическія руки все рѣшительно. Неужели нельзя выяснитъ положеніе вещей передъ германскимъ правительствомъ? Никакъ не могу пофрѣнтъ, чтобы во время большевиковъ, не безъ участія ихъ, рожденная Липковскимъ лже-іерархія могла бы дѣйствовать сейчасъ какъ господствующая церковь. Пріезжіе Вамъ все расскажутъ, все это подтвердятъ и должны будутъ гораздо больше поѡдвать, а мнѣ не только писать, но и думать невнясно тяжело. Мы всѣ желаемъ тебѣ устроиться мирно, спокойно и успѣшно проходить свое великое служеніе. Отъ полноты почившей не тебе святительской благодати призови благословеніе Господне на весь нашъ домъ.

Любящій тебѣ Сѡархіепископъ Антоній, монахъ Димитрій. 15 (2-го) Декабря 1941 года.”

Начало 1942 года въ нашей мѣстной церковной жизни было ознаменовано тѣмъ, что нѣмецкія власти, вопреки своему первому распоряженію, учрежденію по церковнымъ дѣламъ при генераль-комиссариатѣ съ непосредственнымъ представителемъ отъ насъ, назначили посредника между нами и ними нѣкоего бывшаго пастора Лангофа, родомъ изъ Вользы, выхавшаго въ Германію въ первые годы революціи. Этотъ Лангофъ держалъ себя чрезвычайно развязно и въ церковныхъ дѣлахъ нашихъ чувствовалъ себя господиномъ положенія.

Кіево-Печерская Лавра незадолго до и послѣ взрыва Успенскаго собора.

Когда ему было нужно, онъ безъ стѣсненія вызывалъ къ себѣ епископа или его секретаря и отъ имени нѣмецкихъ властей передавалъ имъ свои распоряженія. Иногда онъ самъ появлялся въ кафедральномъ соборѣ во время богослуженія, конечно, не съ молитвенной цѣлью, а послушать, о чемъ будетъ говорить епископъ въ своей проповѣди, или кто-нибудь изъ духовенства. Поэтому всегда надо было быть начеку.

До его назначенія въ учрежденіе по церковнымъ дѣламъ положеніе съ поѣздками по провинціи было слѣдующее: нашъ референтъ вылавль священнику удостовѣреніе и оно было достаточнымъ для прельявленія мѣстнымъ сельскимъ нѣмецкимъ комиссарамъ. Теперь полагалось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ брать разрѣшеніе и епископу. Правда, мнѣ удалось объяснить неудобство такого положенія и взять общее разрѣшеніе на выѣздъ въ те районы, которые входили въ мою епархію. Его выдавали, но всегда на короткій срокъ. По приѣздѣ въ то или иное мѣсто для совершенія богослуженія необходимо было сначала представляться мѣстному нѣмецкому начальнику, а потомъ уже совершить богослуженіе. Бывали и неувязки. Приѣдешь въ село или мѣстечко, мѣстнаго зондерфюрера нѣтъ, онъ въ отлучкѣ. Приходится иногда долго ждать. Народъ, собравшійся въ большемъ количествѣ на молитву, узнавъ о приѣздѣ епископа, волнуется и осуждаетъ нѣмцевъ. Такъ бывало не разъ. Вообще замѣчалось неравномерное отношеніе къ Церкви и духовенству. Тамъ, гдѣ была власть нѣмецкаго военнаго командованія, открывались храмы и какъ будто поощрялась церковная жизнь. Когда по мѣрѣ продвиженія вглубь власть на мѣстахъ переходила въ

руки нѣмецкой гражданской власти, положеніе начинало напоминать то, что было при большевикахъ. Это чувствовалось не только представителями Церкви, но и всѣмъ населеніемъ. Болѣе развязно держали себя сотрудники гестапо, по своимъ пріемамъ напоминавшіе ГПУ. Съ каждымъ днемъ жизнь становилась труднѣе и сложнѣе. Всеобщее недовольство росло очень быстро. Изъ прифронтовой полосы доходили отрадные вѣсти. Тамъ люди дышали свободно и, хотя чувствовалась тяжесть войны, но не было этого гнета, который такъ давилъ всѣхъ при коммунистахъ, а теперь при національ-соціалистахъ. Напримѣръ, въ Екатеринославѣ (Днепропетровскѣ) и ближайшихъ къ нему городахъ вмѣстѣ съ нѣмецкими властями были и итальянскія военныя власти. Тамъ по свѣденіямъ мѣстнаго православнаго епископа Димитрія (Маганъ) жилое совсѣмъ неплохо. А что касается Одессы и городовъ, вошедшихъ въ сферу вліянія румынской власти, тамъ во всѣхъ отношеніяхъ было такъ, какъ при старомъ нарскомъ правительствѣ. Свобода, дешевизна всѣхъ товаровъ и изобиліе продуктовъ, въ чемъ такъ нуждалось изголодавшееся населеніе.

14. ВАРВАРСКОЕ РАЗРУШЕНІЕ ЛАВРЫ

Однимъ изъ тяжелыхъ ударовъ, нанесенныхъ всѣму православному народу политикой Розенберга, изображавшаго "знатока" Россіи и богослова, — это умышленный взрывъ великой соборной Успенской церкви Кіево-Печерской Лавры черезъ три мѣсяца послѣ занятія Кіева нѣмцами. По этому вопросу въ зарубежѣ существуютъ всевозможныя версіи. Большинство какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ

безапелляционно заявляют, что Киевскую Лавру взорвали большевики при отступлении. Больше близко знакомые съ событиями въ Киевъ говорятъ, что Лавру большевики при отступлении минировали и такъ какъ нѣмцы не могли ее разминировать, потому что бомбы были зацементированы, во избѣжаніе катастрофы нѣмцы были вынуждены взорвать великую церковь. Такъ какъ всё вообще привыкли къ тому, что коммунисты варварскимъ образомъ уничтожали большую половину православныхъ храмовъ по всей Россіи, а въ Киевъ въ частности, то когда Лавра была взорвана, не надо было особенно убѣждать публику въ томъ, что это дѣло рукъ коммунистовъ. Но чтобы быть правдивымъ и беспристрастнымъ, не оправдывая большевиковъ въ ихъ неспровоцированномъ вандализмѣ, надо все таки открыто сказать, что великая церковь Киево-Печерской Лавры была умышленно взорвана національ-соціалистическимъ нѣмецкимъ правительствомъ съ вѣдома и согласія Гитлера.

Что это не предположеніе и не поклепъ, докажемъ фактами. Киевскую Лавру большевики превратили въ историческое хранилище, гдѣ были собраны и сохранялись экспонаты со всего края, какъ церковного, такъ и свѣтскаго характера, — конечно, не золото, серебро и драгоценные камни, давнымъ давно использованные на коммунистическую пропаганду. Хранились историческія грамоты, монеты, нѣкоторыя книги, церковные сосуды и облачения. Было также много плакатовъ антирелигознаго характера. Все это совѣтской властью сохранялось и популяризировалось тоже въ цѣляхъ антирелигознаго пропаганды. За входъ въ музей взымалась довольно высокая плата. На эти деньги производился кое-какой ремонтъ, дабы не ударить лицомъ въ грязь передъ иностранцами, оплачивавшіе служащие лаврскаго музея и т. п.

Когда вспыхнула война съ нѣмцами, все осталось въ полномъ порядкѣ на мѣстѣ, какъ это подтверждали многочисленные насельники, жившіе въ предѣлахъ самой Лавры и ближайшихъ къ Лаврѣ районовъ, а также сотрудники музея, оставшіеся на мѣстѣ и обслуживавшіе музей въ первая мѣсяцы послѣ прихода нѣмцевъ. Послѣдній директоръ лаврскаго музея сдать его германскимъ властямъ въ полной сохранности. Нѣмцы въ Лавру никого не пускали и, несмотря на хлопоты православныхъ жителей Киева, не отдавали ее вѣрующимъ. Объ этомъ сообщили въ своемъ письмѣ ко мнѣ отъ 2-го Іюня 1948 года схиархіепископъ Антоній. Для успокоенія общественнаго мнѣнія въ пользованіе вѣрующимъ были отданы лаврскія пещеры и то на какихъ-то сомнительныхъ условіяхъ.

Что побудило нѣмцевъ это сдѣлать? Это выяснится еще до ихъ ухода изъ Россіи и потомъ на Нюрнбергомъ процессѣ. Живописное распо-

ложеніе г. Киева, здоровые климатическіе условія, а также то, что онъ является сердцемъ всего края, естественно, выдвигало его въ столицу протектората. Незадачливый Розенбергъ не могъ придумать болѣе пріятный подарокъ Гитлеру, какъ переименовать Киевъ въ Гитлерштадтъ. Но какъ сдѣлать, чтобы этотъ гороль, считавшіися вторымъ русскимъ Іерусалимомъ, не притягивалъ къ себѣ всѣхъ православныхъ сыновъ Россіи? Киевъ свалился многочисленными святынями, хранившимися большей частью въ Киево-Печерской Лаврѣ, считался матерью городовъ русскихъ, привлекалъ многочисленными паломниковъ со всего православнаго міра. Центромъ Православія въ Киевѣ была Лавра. Все это не подходило для Гитлерштадта. Если принять во вниманіе недружелюбное и даже враждебное отношеніе нацизма къ христіанству вообще и намбреніе тѣмъ или инымъ путемъ искоренить его и замѣнить язычествомъ, то существованіе Лавры, съ точки зрѣнія нацизма, было не нужно и даже вредно. Снести ее впоследствии было бы всемирной демонстраціей. Тогда рѣшено было уничтожить Лавру такъ, чтобы молва приписала это злодѣяніе большевикамъ. И сдѣлать это надо было, пока еще свѣжа память о нихъ. Сами нѣмцы минировали Лавру, поставивъ въ усыпальницѣ святителя Павла Тобольскаго, гдѣ находились его мощи, алдскую машину. Среди бѣлаго дня въ три часа дня киевляне услышали страшный взрывъ, отъ котораго вылетѣли всѣ окна въ Печерскѣ. Схиархіепископъ Антоній, услышавъ взрывъ, сразу сказалъ своимъ окружающимъ, не зная точно, что случилось, что это нѣмцы взорвали Лавру, и горько заплакалъ. Наканунѣ взрыва въ Лаврѣ былъ президентъ Словакіи докторъ Тиссо и осматривалъ чудесную великую церковь, много сотъ лѣтъ стоявшую со дня своего основанія. Послѣдній несчастный случай былъ при императорѣ Петрѣ Первомъ, когда она выгорѣла внутри, но стѣны и чудотворная икона остались цѣлы. Передъ взрывомъ нѣмцы днемъ и ночью вывозили всѣ музейныя вещи на автомашинахъ въ тщательно запечатанныхъ ящикахъ. Въ этой работѣ принимали участіе рабочіе Вермахта и организаціи Тодт. Они же участвовали и въ дальнѣйшихъ разрушеніяхъ. Взорвали только великую церковь.

Что касается огромной трапезной церкви съ чудной живописью и иконостасомъ изъ бѣлаго мрамора, въ доброе старое время привезенномъ изъ Італіи, Благовѣщенской митрополичьей церкви, непосредственно примыкавшей къ митрополичьему дому, Никольской болярничьей церкви, надъ святыми воротами древнѣйшей 12-го вѣка Троицкой церкви, Всѣхсвятской надъ экономическими воротами, двухэтажныхъ такъ называемыхъ "мазепинскихъ" корпусовъ, огромнаго митрополичьяго дома, зданія

митрополией библиотеки, читальни, типографіи, хлѣбни, кухни — все это систематически день за днем уничтожалось присылаемыми платными и взятыми принудительно рабочими. Срывались крыши, разбивались въ щебенъ чудесные мозаичные полы, старинные барельефы. Иконостасъ теплѣной церкви были разбитъ на куски, а нѣкоторыя иконы были выброшены чьей-то рукой за ограду Лавры въ оврагъ. Добрые люди подбирали ихъ тайкомъ и уносили къ себѣ. Нѣмцы почему-то пошадили лаврскую колокольню, выстроеную 200 лѣтъ тому назадъ нѣмецкимъ архитекторомъ Шеделемъ, и только при отступленіи разрушили ее, но не взорвали. Когда всѣ поименованные зданія были превращены въ груды развалинъ, сняли стражу съ лаврскихъ воротъ. Я нѣсколько разъ со слезами обходилъ эти поруганная нечестивцами мѣста и видѣлъ все своими глазами. Не будь нѣмецкаго отступленія, на томъ чудесномъ мѣстѣ, гдѣ была Лавра, вѣроятно, красовался бы дворецъ германскаго повелителя. Но много мыслей въ сердца мужа, а Господь вовѣкъ пребываетъ, говорить слово Божіе. Многие вдумчивые и наблюдательные вѣрующіе люди, слѣдящіе за жизнью и развитіемъ историческихъ событій, замѣтили, что тяжелыя пораженія нѣмецкой арміи начались вскорѣ послѣ уничтоженія ими Киево-Печерской Лавры.

Въ дополненіе къ описанному разрушенію Киево-Печерской Лавры нѣмцы начали усиденно переселять жителей Печерска (та часть Кіева, гдѣ находилась Киево-Печерская Лавра) на Подолъ и другія части города. На Печерскъ должна была жить только новая нѣмецкая элита. Коммунисты по возвращеніи въ Кіевъ до сего времени сохраняютъ развалины Лавры неприкосновенными для пропагандистскихъ цѣлей.

Послѣ всего изложеннаго, думается, мало найдется охотниковъ называть бывшее небывшимъ и волно или невольно искажать историческіе факты. Мой долгъ очевидца и духовнаго сына своей Матери-Лавры описать все правдиво, нравится ли это кому-нибудь или не нравится. Недаромъ послѣ разрушенія Лавры одинъ изъ старыхъ лаврскихъ монаховъ говорилъ: "Я ожидаю паденія нѣмцевъ и прихода кого бы то ни было, какъ солнца!"

Направленіе нѣмецкой политики въ отношеніи населенія и Церкви, естественно, вызывало всеобщее неудовольствіе, растущее съ каждымъ днемъ. Какъ могли быть довольны крестьяне, при большевикахъ состоявшіе въ колхозахъ и оставленные въ тѣхъ же условіяхъ при нѣмцахъ, почти съ тѣми же прокоммунистическими начальниками, но ушедшими съ совѣтской властью. Естественно, что эти начальники не могли питать симпатій къ антибольшевикамъ и вѣрующимъ людямъ. При всякомъ удобномъ случаѣ они

старались дискредитировать въ глазахъ нѣмцевъ неудобныхъ имъ людей. Много невинныхъ людей было ими застрѣляно и замучено по наущенію прокоммунистовъ. Нѣмцамъ невыгодно было распускать колхозы и совхозы, потому что при такихъ формахъ сельскаго хозяйства имъ было легче выбирать хлѣбъ и другіе продукты. Въ большомъ селѣ Иванково, въ 23-хъ верстахъ отъ г. Житомира, по наущенію председателя колхоза, завѣдомаго коммуниста, ранней вѣсной нѣмцы заперли одно изъ лучшихъ жителей села за то, что онъ старался освободить это село отъ челоуѣка, во время большевиковъ причинявшаго много зла всѣмъ крестьянамъ. Это село было мнѣ хорошо знакомо, я служилъ въ немъ не разъ. Такихъ примѣровъ было много.

Въ послѣднія передъ войной годы въ Кіевѣ скрывались отъ большевиковъ два монаха Троицкаго монастыря. Добрые люди ихъ сохранили. Послѣ установленія нѣмецкой гражданской власти въ Кіевѣ какой-то недобрый челоуѣкъ, совѣтскій провокаторъ, донесъ на этихъ людей, что они якобы неблагонадѣжны и высказывались противъ нѣмцевъ. Иеромонахъ Макарій, 80-ти лѣтъ, іеродіаконъ Маркіанъ, 45-ти лѣтъ, хозяйка дома и ея дочь были зѣвски убиты. Не дали даже похоронить, а трупы выбросили прямо на свалку. Гдѣ ихъ зарыли потомъ, неизвѣстно. Разстрѣляли столѣтнюю схимницу Серафиму, прозорливую и ясновидящую. Въ бесѣдѣ съ гестапо она однажды прямо сказала, что нѣмцы войну проиграютъ и уйдутъ изъ Россіи съ позоромъ. Ее застрѣлили въ постели. Въ самомъ Кіевѣ разстрѣляли хорошо знакомую мнѣ семью, состоявшую изъ отца, матери, двухъ сыновей и маленькой дочки. А сколько погибло неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, о которыхъ я знаю только понаслышкѣ. Конечно, причиной была плохая ориентировка въ чужой странѣ, а, главное, общее неправильное направленіе политики. Переводчики изъ старыхъ русскихъ эмигрантовъ дѣлали много добра, стараясь вносить ясность въ разборъ дѣлъ для гестапо. Но ихъ было немного. Тамъ, гдѣ пользовались услугами переводчиковъ галичанъ и украинскихъ шовинистовъ, пользы было мало. Старые эмигранты желали добра Россіи и своему народу, а также честно относились къ нѣмцамъ. Галичане и украинцы хотѣли пользоваться случаемъ для защиты своихъ политическихъ, узконациональных интересовъ и вносили всюду сумбуръ, помогая своимъ и тенденциозно осуждая другихъ.

15. НѢМЕЦКІЙ КОНТРОЛЬ НАДЪ ЦЕРКОВЬЮ

Съ первыхъ же дней управленіе вѣрнопольной мнѣ епархіей, я началъ испытывать гнѣтъ этого нѣмецкаго контроля надъ Православной Церковью и

вмѣшательства въ наши церковныя дѣла. Моя хиротонія во епископы, которая являлась первой при нѣмцахъ, вызвала въ политическихъ украинскыхъ кругахъ много разговоровъ, такъ какъ убѣждения мои были извѣстны. Чтобы парализовать на будущее дѣйствія нашего ексарха, архіепископа Алексія, украинскія власти добились запрещенія архіепископу Алексію въ дальнѣйшемъ хиротонисать во епископы. Телеграмму объ этомъ нѣмецкія власти прислали ему изъ Ровно. Она пришла въ томъ моментъ, когда уже была подготовлена вторая хиротонія — архимандрита Іоанна изъ Бреста (Лавриненко) — послѣ нарѣченія. Ее перехватилъ ризничій Почаевской Лавры игуменъ Іаковъ. Чтобы не разстроить хиротонію и не смутить ексарха, онъ скрылъ ее на свой рискъ и только на слѣдующій день послѣ хиротоніи во время чтенія апостола на литургіи о. Іаковъ подошелъ къ ексарху, сидѣвшему на горнемъ мѣстѣ и окруженному епископами, и почтительно подалъ телеграмму ексарху съ запрещеніемъ епископскихъ хиротоній, подписанную Кохомъ. Но дѣло было уже сдѣлано. Узнавъ, что епископъ былъ все же посвященъ, нѣмецкія власти пришли въ негодование и воспретили архіепископу Алексію не только совершать епископскія хиротоніи, но и рукополагать священниковъ и диаконовъ. Поэтому ексархъ былъ вынужденъ посылать своихъ кандидатовъ на хиротонію или рукоположеніе ко мнѣ въ Житомиръ. Въ Волынской духовной консисторіи въ г. Кременці оформлялись всѣ дѣла ставленниковъ, а всѣ рукоположенія отправляли ко мнѣ. Такихъ рукоположеній во священники и диаконы въ Житомиръ было не менѣе 20-ти, а по всей епархіи я рукоположилъ не менѣе ста человекъ за одинъ только годъ. Поэтому почти каждый день приходилось совершать божественную литургію. Настолько велика была нужда въ священнослужителяхъ въ Православной Церкви.

Послѣ хиротоніи епископа Іоанна и возникшихъ въ связи съ этимъ неспрiятностей отъ властей, я получилъ отъ Владыки Алексія письмо отъ 25-го Января 1942 года на украинскомъ языкѣ, изъ котораго привожу выдержки въ переводѣ на русскій:

"Дорогой Владыка,

Пользуясь случаемъ прислать Вамъ кое-какіе постановленія нашего собора¹, письмо архіепископа Иларіона и наши отзывы. Когда будете въ Кіевѣ, познакомьтесь съ ними схиархіепископа Антонія. Я

очень хотѣлъ бы, чтобы святители наши писали мнѣ чаще, потому что мнѣ приходится выносить теперь всю силу вражью на себѣ, и необходимо, чтобы я былъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ. Тяжело мнѣ, но какъ то оно будетъ... Владыка Дамаскинъ уже въ Каменецъ-Подольскѣ, а преосвященный Іоаннъ собирается въ Херсонъ. Владыка Діонисій рѣшилъ назначить своего администратора на Украинѣ — Поликарпа, но это не должно смущать насъ, потому что вмѣшательство его въ наши дѣла — сплошное каноническое безчиновство. Необходимо намъ быть твердыми и объединенными. Пропу Васъ, сообщайте мнѣ не только о Житомирѣ, но и о Кіевѣ, ибо я боюсь, что преосвященный Пантелеймонъ не будетъ исправленъ въ перепискѣ. До этого времени я отъ него не получилъ ничего, а событія этого момента требуютъ, чтобы я былъ въ курсѣ дѣлъ".

Въ те дни переписка вообще была весьма затруднительна, такъ какъ почтовое сообщеніе не было налажено и корреспонденція пересылалась съ оказіей. Послѣ того, какъ митрополитъ Діонисій незаконно назначилъ администратора въ лицѣ епископа Поликарпа, викарія ексарха архіепископа Алексія, возведя его съ санъ архіепископа, а затѣмъ и митрополита, послѣдній, невзирая на просьбы автономныхъ іерарховъ не раздирать Церкви Христовой, вмѣстѣ съ архіепископомъ Винницкимъ Александромъ ускореннымъ темпомъ стали разрушать Церковь и творить зло.

Въ согласіи съ центральнымъ украинскимъ комитетомъ, образовавшимся въ Кіевѣ, оба эти іерарха ранней вѣсной 1942 года организовали свой соборъ, состоявшій изъ двухъ епископовъ и двухъ священниковъ липковского толка, представителей вышеназваннаго комитета. Выше уже была описана провокація, благодаря которой православное духовенство въ прошломъ году засадили въ тюрьму. Эти два епископа хиротонисали на Западной Украинѣ трехъ новыхъ епископовъ: архимандрита Георгія (Коренистова), члена Пинской духовной консисторіи, и двухъ священниковъ — Никанора Абрамовича и Ивана Губу, давъ имъ имена Никаноръ и Игорь. Оба эти священника принадлежали къ клиру епископа Камень-Каширскя Антонія (Марценко) и находились въ то время подъ наложеннымъ имъ надъ нихъ запрещеніемъ въ священнослуженіи. Этотъ же "соборъ" нашелъ возможнымъ признать всѣхъ священниковъ-липковцевъ въ сущемъ санѣ, принять ихъ въ составъ своего клира безъ перукоположенія, какъ того требовалъ украинскій центральный комитетъ. Это былъ по своему составу уже не тотъ комитетъ, который былъ сформированъ во Львовѣ, но одного съ ними духа и проводилъ съ согласія нѣмецкихъ властей ту же политику ослабленія Православной Церкви и усиленія русской неразберихи.

¹Собора, имѣвшего мѣсто во время моего пребыванія въ Почаевской Лаврѣ въ ноябрѣ 1941 года. Тогда, между прочимъ, было вынесено постановленіе запросить всѣхъ нашихъ епископовъ о предоставленіи Кіевской каведры Владыкѣ Иларіону, чтобы черезъ него парализовать самосвятчину. Но за него высказалось только два епископа.

Таким образом автокефалисты из раскольничьего собора превратились в типичную секту. Развитие этой секты быстро перенеслось на территорию Киева, куда перебрали Абрамович и Губа, и стали рукополагать епископов по указке украинского комитета, не считаясь с церковными канонами. Например, они хиротонисали Михаила Хорошего во епископа Кировоградского, несмотря на то, что он проживал в этом же Кировограде со своей женой Христиной. В 1922 году Хороший, в то время дякон, примкнул к липковцам и ими был рукоположен во священника. В 1925 году он прибжал в Кировоград съ целью захватить православный соборъ для липковцевъ.

Таким образом, самосвятская иерархия, неолипковщина, достигла почти 20-ти человекъ, включив в свой состав явного безбожника Скрыпника, бывшего украинского посла в польскомъ сеймѣ. Поспѣшность, съ какой они совершали рукоположенія, привела къ тому, что ими были хиротонисаны во епископы даже священник самозванецъ, совѣтскій агентъ Фотій, который вообще даже не былъ священникомъ, и они вынуждены были сами лишить его сана на своемъ лужкомъ соборѣ. Фотій Тимошукъ явился в Польшу изъ совѣтской Россіи въ 1932 году и выдалъ себя за священника, бѣжавшаго отъ большевиковъ. Митрополитъ Діонісій назначилъ его настоятелемъ прихода. Но вскоре польскія власти установили, что онъ является совѣтскимъ шпиономъ и при переходѣ границы убилъ двухъ польскихъ пограничниковъ. Былъ осужденъ на 10 лѣтъ, но при занятіи совѣтскими войсками Галиции, гдѣ онъ отбывалъ наказаніе, онъ былъ освобожденъ въ 1939 году. Священный Синодъ Православной Церкви на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ призналъ его не священникомъ. Несмотря на это, Поликарпъ возвелъ его въ санъ епископа и онъ вмѣстѣ съ другими участвовалъ въ послѣдующихъ неолипковскихъ хиротоніяхъ, въ томъ числѣ Михаила Скрыпника. Когда потомъ Поликарпъ лишился его сана, то при содѣйствіи нѣмецкихъ властей онъ вздумалъ организовать въ Винницѣ собственную церковь. Потомъ нѣмцы почему-то его арестовали и онъ сидѣлъ въ житомирской тюрьмѣ. При эвакуаціи нѣмцевъ былъ выпущенъ на свободу.

"Соборъ" принималъ священниковъ и рукополагалъ безо всякаго разбора, по традиціи липковщины. Среди нихъ были второбрачные и третьобрачные, женатые на вдовахъ. Одинъ священникъ, лишенный епископомъ Каширскимъ Антоніемъ сана ввиду того, что онъ оказался женатымъ на вдовѣ, былъ принятъ Хорошимъ и получилъ приходеъ подъ Николасывомъ. Принялъ онъ и одного явнаго самозванца, устраненнаго отъ должности тѣмъ же епископомъ Антоніемъ. Даже

правитель дѣлъ у Михаила Хорошаго былъ троеженецъ, пытавшійся перейти въ епархію епископа Антонія, но не принятый по указанной причинѣ.

Подобная исторія была и въ моей житомирской епархіи. Когда пришли нѣмцы, то при организациі управления по церковнымъ дѣламъ тамъ обяваны были зарегистрированы всѣхъ явившихся. Когда прибылъ епископъ, онъ обязанъ былъ проверить всѣхъ священниковъ, потому что бывали случаи самозванства. И у меня въ епархіи оказались липковцы. Одинъ изъ нихъ, Григорій Огійчукъ, двоесженецъ, хотѣлъ, чтобы его признали священникомъ. Когда ему это не удалось въ моей епархіи, онъ поѣхалъ въ Киевъ и тамъ неолипковцы рукоположили его во епископа Винницкаго. Какимъ былъ онъ самъ, такихъ же и рукополагалъ. Въ моей епархіи въ мѣстечкѣ Старая Котельня былъ молодой крестьянинъ, женатый на вдовѣ. Онъ хотѣлъ стать священникомъ. Такъ какъ у насъ ему отказали, онъ поѣхалъ къ Огійчуку и тотъ его рукоположилъ. Такихъ священниковъ въ моей епархіи было человекъ 15. Изъ нихъ пятеро желавшихъ возобновиться съ Православной Церковью и оставить неолипковщину, я перерукоположилъ, потому что у нихъ не было никакихъ каноническихъ препятствій къ полученію сана. Они сыграли немалую роль въ борьбѣ съ неолипковщиной. Изъ 300 приходовъ въ моей епархіи въ рукахъ неолипковцевъ было не болѣе десяти, да и то благодаря поддержкѣ нѣмецкой власти.

Въ самомъ г. Житомирѣ при нѣмцахъ было открыто семь храмовъ. Изъ нихъ ни одного не было неолипковскаго. Черезъ годъ моего управленія епархіей вызываетъ меня къ себѣ гебитъ-комиссаръ и начинаеъ вести такую рѣчь: "Ваше Евангеліе гоноритъ, что если у немца нѣтъ рубахи, а у тебя дѣв, — то подѣлись съ нимъ. Вотъ у Васъ въ городѣ имѣется 7 храмовъ, а у автокефалистовъ ни одного — уступите имъ одинъ ихъ". Я отвѣчаю ему, что не могу, такъ какъ не имѣю права на это. Пусть себѣ строятъ или приспособляютъ подъ храмъ, что хотятъ. А Вы пойдите навстрѣчу, если такъ ихъ жаль. Видъ у меня при каждомъ вновь открытомъ храмѣ есть свои приходы, связанные съ храмомъ въ прошломъ, еще до революціи. Зачѣмъ же я буду отъ нихъ отбирать тогъ или иной старый храмъ и передавать автокефалистамъ, когда народъ этого явно не желаетъ. Бесѣда происходила въ началѣ 1943 года. Гебитъ-комиссаръ отвѣтилъ: "Вы отдайте имъ самый бѣдный, малоустроенный". На это пришлось сказать слѣдующее: "У огня на рукѣ пять пальцевъ, какій ни отрѣжь, все равно больно. Добровольно я не отдамъ, а силой Вы, конечно, можете взять".

Черезъ недѣлю получаю извѣщеніе о томъ, что нѣмцы своей властью передаютъ неолипковцамъ

Крестовоздвиженский храм и предлагают мнѣ присутствовать при его передаче. Вместе съ благочиннымъ о. А. К. пришлось мнѣ присутствовать при этомъ событіи, напоминаясь большевистское время, когда нерѣдко отнимали отъ насъ храмы для самосвятовъ и обновленцевъ и приходилось подчиняться грубой силѣ. Переданный незначительной кучкѣ шовинистовъ храмъ былъ почти всегда пустъ. Городское украинское управление устраивало иногда при автокефальныхъ храмахъ свои торжества, но ихъ семьи и народъ посѣщали наши православные храмы. А родственники вынуждены были часто оправдываться тѣмъ, что обстоятельства политическаго характера заставляютъ ихъ такъ приспосабливаться. По-видимому, нѣмцы предлагали негласно посѣщать неодинокские храмы, дабы этимъ способомъ по девизу "раздѣляй и властвуй" держать власть болѣе крѣпко въ своихъ рукахъ.

15. СЯЩЕННОМУЧЕНИКИ ОТЪ РУКЪ БЕНДЕРОВЦЕВЪ

Православный народъ видѣлъ у неодинокцевъ полное пренебреженіе къ церковнымъ правиламъ и уставу. Помимо упомянутыхъ уже нарушеній и новшествъ, они вели совершенно нѣсколькихъ священническихъ и дьяконскихъ рукоположеній за одной литургіей. Въ Киевѣ такихъ рукоположеній было до 15-ти за одной литургіей. Къ счастью, народъ умѣлъ разбираться, и самосвятія успѣха не имѣли. Но ихъ интриги, провокаціонные доносы и насиліе причиняли много волненій и даже доводили до пролітія крови. Много православнаго духовенства пало жертвой ихъ доносовъ. Погибло немало священниковъ, стоявшихъ на стражѣ Православія. Однихъ убивали, другихъ выгоняли изъ приходоѡ. Самъ архіепископъ И. Огнjenко на прѣймѣ у нѣмецкаго представителя власти въ Краковѣ официально засвидѣтельствовалъ, что только въ его Холмской епархіи было замучено гестапо и украинцами-бандеровцами **70 священнослужителей**.

Въ одномъ изъ селъ было замученъ священникъ **О. Николай Михайловскій**. По свидѣтельству его дяди, проживающаго нынѣ въ Буэносъ Айресѣ, его племянника послѣ странныхъ мученій зарыли въ землю.

Рукоположенный мною въ священники Игорь Губаржевскій, сынъ тоже священника, назначенный въ мѣстечко Поповичи, перешелъ къ Поликарпу, который сразу наградилъ его за это митрой. Губаржевскій началъ терроризировать всѣхъ моихъ священниковъ въ Чоповичскомъ районѣ, принуждая переходить въ неодиноквинцу. Раздѣжая съ вооруженными украинцами, они навели страхъ на беззащитное духовенство. Намъ пришлось просить защиты у властей отъ такого открытаго разбоя. Но

это мало помогло и онѣ продолжали вести себя такъ до отступленія нѣмцевъ. Конечно, Губаржевскій былъ мною судимъ и запрещенъ въ священнослуженіи, но съ этимъ онъ не посчитался. Теперь онъ оставилъ неодинокскихъ и переметнулся къ украинскому епископу въ Сѣверной Америкѣ Богдану Шилькѣ и тотъ, признавъ полученныя имъ награды, назначилъ его администраторомъ въ Англию. Въ настоящее время онъ находится въ Англии. До этого въ Германіи онъ терроризировалъ дши вместе съ украинскими шовинистами.

Въ Ровенскомъ уѣздѣ за "измѣну" былъ убитъ бандеровцами на своей квартирѣ **протоіерей Михайль Ивасковъ** изъ Києна. **О. Мелетій Рѣзковскій** въ селѣ Малой Мошанкѣ, Дубенскаго уѣзда, не согласился совершать богослуженія на украинскомъ языкѣ. Къ нему въ домъ прибыли бандеровцы, сначала били его, потомъ кололи ножами и еще полуживымъ бросили головой внизъ въ колодезь.

Во Владиміръ-Волыньскѣ убили епископа **Мануила (Тарнавскаго)** за то, что онъ ушелъ отъ неодинокцевъ и вновь перерукоположился. Его ночью вывели изъ квартиры и повисили въ лѣсу, а затѣмъ выпустили партизанскій листокъ, въ которомъ записали, что казнили епископа Мануила за измѣну своему народу.

На территоріи пяти уѣздовъ доминирующую роль играли бандеровцы: Ровенскомъ, Дубенскомъ, Кременецкомъ, Золотуновскомъ и Луцкомъ. Такъ какъ православному населенію этихъ уѣздовъ не была извѣстна дѣятельность липковщины и съвязь съ большевиками въ дѣлѣ разорѣнія Православной Церкви, тамъ развилась партизанщина всѣхъ отбѣнковъ. Бандеровскій центръ, находившійся въ селѣ Дермани, поддерживалъ тѣсную связь съ автокефальной іерархіей неодинокцевъ, заключившую во взаимномъ исполненіи всякихъ порученій и директивъ. Непосредственно былъ связанъ съ бандеровскимъ центромъ автокефальный Ровенскій епископъ Платонъ (Артемюкъ), недавно скончавшійся въ Сѣверной Америкѣ отъ рака. Два раза онъ ѣздилъ въ ихъ штабъ и два раза сидѣлъ съ ними за однимъ столомъ.

Въ этомъ центрѣ было вынесено постановленіе убить возглавляемаго автономной Православной Церкви **митрополита Алексія (Громадскаго)** и приведено въ исполненіе 7-го Мая 1943 года недалеко отъ Кременца и селенія Смуга. Епископъ П. Артемюкъ въ своемъ Ровенскомъ округѣ, по примѣру бандеровцевъ, самъ безпощадно раздѣлялся съ негодными священниками и всѣмъ по приходамъ заводилъ спеціальныя "церковныя рады", возглавляемыя совѣтскими лицами. Иначе говоря, Артемюкъ сталъ проводить въ жизнь "соборноправность", установленную въ дѣянія собора липковцевъ УАПЦ въ 1921 году въ Киевѣ. Его

примѣру слѣдовали и другіе неопликовцы, но не съ такой энергіей и меньшей долей насилія, ибо меньше прибѣгали къ помощи бендеронцевъ.

Украинизацію богослуженій Платонъ проводилъ въ непослушныхъ селахъ опять таки при помощи бендеронцевъ, которые по ночамъ являлись въ село и по порядку по всѣмъ хатамъ избивали хозяевъ, внушая имъ забросить славянской языкъ и стать украинцами.

Однажды въ одно изъ моихъ лѣтнихъ посѣщеній Почаева въ 1942 году митрополитомъ Алексіемъ мнѣ было поручено, какъ жителю Восточной Украины, совершить богослуженіе и сказать слово съ учетомъ ихъ настроеній того момента. Въ то время нѣмецкія власти на совѣтскій манеръ для усиленія раздора отдали соборъ въ Ровно въ совмѣстное владѣніе двумъ церковнымъ теченіямъ — автономнымъ и автокевальнымъ. Это былъ воскресный день. При огромномъ стеченіи молящихся, среди которыхъ было достаточное количество автокевальцевъ, я не стѣсняясь громилъ ихъ.

Господь и здѣсь хранилъ меня. Послѣ богослуженія православный народъ устроилъ мнѣ настоящую овацію съ цвѣтами и подношеніями. Загѣмъ нанято было шикарное ландо, чтобы отвезти меня до ближайшаго пункта моего путешествія, въ Корецкій женскій монастырь. И здѣсь большинство было не съ автокевальцами, а съ нами.

Встрѣченные холодно мѣстнымъ населеніемъ оккупированныхъ областей, автокевальные епископы охотно принимались нѣмецкими гебитъ-комиссарами, которые отбирали храмы у православныхъ и отдавали ихъ автокевальцамъ. Въ Екатеринославѣ прибывшій туда автокевальный епископъ Геннадій Шиприкевичъ (перешедшій позднее въ католичество) былъ любезно принятъ гебитъ-комиссаромъ. На площади при стеченіи народа гебитъ-комиссаръ торжественно вручилъ ему архіерейскій жезлъ, а бургомистромъ города — ключи города. Позже тотъ же гебитъ-комиссаръ передалъ Геннадію отобранный отъ православныхъ храмъ.

Вотъ какая путаница и неразбериха царилъ въ періодъ нѣмецкой оккупации на Западной и Восточной Украинѣ.

Въ Бѣлоруссіи положеніе Православной Церкви оказалось нѣсколько инымъ. Тамъ населеніе не было

столь разложено губительнымъ сепаратизмомъ. Между бѣлорусскими іерархами было достаточно солидарности, чтобы не идти на поводу у нѣмецкихъ властей, инспирируемыхъ бѣлорусскими шовинистами. Однако и среди нихъ нашлись честолюбивые люди, причинившіе немало огорченій своему маститому митрополиту Пантелеймону (Рожнову).

Въ мѣстностяхъ, находившихся ближе къ Россіи, церковная атмосфера была чище. Въ Смоленскѣ епископъ Стеванъ спокойно совершалъ свое служеніе. Въ Орлѣ были организованы лекціи, которыя открыто читались профессоромъ Венновскимъ. Были открыты монастыри, закрытые большевиками. Въ Чонкахъ, около Гомеля, тоже. Въ Курскѣ возстановили Казанскій соборъ, построенный отцомъ преп. Серафима Саровскаго. Въ Одессѣ возстановили Успенскій соборъ и многіе другіе храмы. Въ Вильно были открыты Православный Богословскій институтъ.

Казалось бы, въ Черниговской области можно было бы православному епископу нормально возсоздать и устраивать церковную жизнь. Туда былъ посланъ митрополитомъ Алексіемъ архіепископъ Симонъ (Ивановскій). Образовавшееся тамъ до его пріѣзда духовное правленіе ихъ нѣкоторыхъ негодныхъ членовъ все время отравляло существованіе епископа и вѣчно черезъ нѣмецкія власти досаждало ему. Со слезами на глазахъ онъ не разъ жаловался на В. В. и секретаря правленія, просилъ помѣняться съ нимъ епархіями.

Въ февраль 1942 года я неожиданно былъ приглашенъ къ житомирскому областному генераль-губернатору, куда прибылъ министръ внутреннихъ дѣлъ изъ Ровно. Фамилію не помню. Онъ мнѣ, между прочимъ, заявилъ, что нашу автономную Церковь нѣмецкое правительство рѣшило легализовать въ ближайшее время, разрѣшить открыть пастырскую школу и т. д. Обо всемъ этомъ я тотчасъ же написалъ экзарху, тогда уже митрополиту, титулу, который былъ данъ ему соборомъ автономныхъ епископовъ. На это письмо я искорѣ получилъ отвѣтъ: быть осторожнымъ и не соглашаться ни на какіе предложенія безъ санкціи и согласія нашей церковной власти, что мною и было исполнено.

Владыка Леонцій на объѣздѣ пархій съ паствой. Фото начала войны.

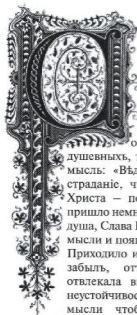
АФОНСКИЙ ПАТЕРИКЪ

СТАРЕЦЪ НИКОДИМЪ КАРУЛЬСКИЙ

МОЛИТВЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ

Продолжение, начало въ № 51-53.

Память 15-го Февраля (†1984 г.)

НАТЬ на обычную свою молитву своевременно. Чувствовала тяготу и нетерпѣливую полчасу, а такъ и сухость и разсыянность; въ искусственныхъ способахъ неудержанность на минутку, и опять въ обычный покой, какъ въ душевныхъ, такъ и въ тѣлесныхъ. Пришла мысль: «Вѣдь на молитвѣ не покой, а страданіе, что же ты не терпишь ради Христа — потерпи». И отъ этой мысли пришло немного умиленіе — на минутку, но душа, Слава Богу, оживилась, пошли благія мысли и появилась охота потерпѣть тяготу. Приходило и еще умиленіе на минуту, но забылъ, отъ какой мысли. Сильно отвлекала вниманіе болѣзнь колѣнъ и неустойчивость во всемъ тѣлѣ. Послушался мысли чтобы сѣсть, но сила хуже разслабывалъ; и такъ другой часъ въ сидѣннѣ молился хуже. Въ заключеніе пришла мысль. Пресвящ. Игнатій Брянчаниновъ сказалъ: «Паки не будутъ побѣждены ярость и похоть, нельзя молиться умной молитвой». Какъ это примѣнно ко мнѣ? А вотъ какъ: у тебя нѣтъ терпѣнія на молитвѣ, ты тяготишься и малымъ неудобствомъ, не говоря уже страданіемъ, а это отъ ярости — нетерпѣливости въ части сердца раздражительной, въ чувственной силѣ души: значить, ярость въ тебѣ еще не побѣждена. Ты

любишь покой и на молитвѣ предаешься покою и нѣтъ, и тайно, и явно, и засыпаешь: а это похоть, и живеть она въ вождѣвательной части, волевой силѣ души. Вотъ и похоть не побѣждена. А по причинѣ этого и нѣтъ молитвы, хотя и давно ты узналъ за нее, и много узнаешь и любишь узнавать, и желаешь имѣть ее, хотя и давно уже занимаешься ей и иногда сподобляешься плодотворенію, но во всегдашнюю собственность она тебѣ не дается и не дастся, пока не побѣдишь въ себе «ярости» и «похоти».

Что же теперь, если не побѣждены эти двѣ страсти, развѣ и молитву умную оставить, пока они побѣдятся? Нѣтъ, молитвы не надо оставлять, а молитвой съ помощью Божіей побѣждать страсти, но по наставленію Схимонаха Василія Мерульскаго («Жизнеописаніе Паисія Величковскаго»). А если и говорить Св. Игнатій, что не надо молиться умной молитвой, пока не побѣдятся ярость и похоть, то это относится къ такимъ, которые еще не начинали молиться ей и не имѣютъ отъ нея помощи, т. е. молятся молитвой еще недѣйствительной, а кто уже испытываетъ молитвенныя дѣйствія: умиленіе, слезы, покой и силу, тому непремѣнно должно молиться умной молитвой, и имѣнно на эти страсти; она непремѣнно ихъ побѣдитъ и другія откроетъ, и все сердце очиститъ и душу къ Богу приведетъ, воздавая Ему благодареніе, честь и славу, шнѣтъ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Рождество Христово. Праздновала спокойно, вотъ уже 4-ый день, 28-ое Дек.

Съ вечеру молился по своему обычаю стоя — смиренно, въ срединѣ было немного умиленіе и

* Серію публикацій о русскихъ исихастахъ въ Каруліи, и въ частности о Схим. Никодимѣ и его Старцѣ Феодосіи см. въ журналѣ «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» № 23-24, 28, 30.

кончилъ удовлетворительно. Въ промежуткѣ за отдыхомъ согрѣлъ: вмѣсто двухъ часовъ просидѣлъ за чтеніемъ и писаніемъ 5 часовъ, уже было времени 8 часовъ, чтобы удержать дальнѣйшій порядокъ — рѣшилъ оставить утреню, завелъ будильникъ на 12, легъ спать на четыре часа, но, не слышавъ будильника, проспалъ до 3-хъ. Два часа до 5-ти молился съ стугубымъ дѣланіемъ, неудовлетворительно. Намѣревался послѣ обѣда до ночи руководничать, но и это не удалось, явилась, хотя и не особая, нужда сходить къ одному и другому сосѣду и все время до вечера такъ попусту прошло.

29-го Декабря. Избиеніе Св. младенцевъ.

На вечернюю молитву пошелъ разбитый, но, упоая на милость Божію, сталъ на стояльно-смирную молитву.

Послѣ развлеченія, цѣлый часъ тѣломъ, хотя и смирно, стоялъ, но умъ носился всюду безостановочно, неудержимо, на сердцѣ чувствовалась хладность и тягота, въ тѣлѣ отъ напряженія кровяная теплота умѣренная; все время хотя и тревожилъ себя разными мыслями, но душа не оживала, а потомъ одна мысль побудила, именно: требуется просить прощенія, хотя и не видишь явныхъ грѣховъ — за тайные проси: «отъ тайныхъ моихъ очисти мя и отъ чуждихъ пошледи раба твоего», и отъ этого душа умилдлась, а еще больше, когда пришла другая мысль: «Надо на себя гнѣваться и ни въ чемъ не жалть себя и ничего не желать, а только приносить одно покаяніе». Отъ этого согрѣлось сердце и размягчилось, (и душа ожила), немножко поплакалъ; требовалось утираться и смиренное стояніе нарушилось, и до конца не могъ установиться смирно, но подъ конецъ, за четверть часа, перешелъ на чтеніе стихиръ, не удержавшись въ стояльно-смирной молитвѣ, но кончивъ удовлетворительно, съ радостію на сердцѣ.

Въ промежутокъ сдѣлать кой-что по хозяйству и записалъ дневникъ. И въ 5 часовъ пошелъ на утреннюю молитву.

1949

14-го Января. Отданіе праздника Богоявленія.

На вечерней молитвѣ, видя въ себѣ обычную хладность, вспомнилъ мысль, что это оттого, что нѣтъ смиренія, гордымъ Богъ противится: занято мѣсто Его гордостію — бѣсомъ. Отъ этой мысли на минутку умилдился и хладность прошла, остальное время все въ умѣренной теплотѣ боролся съ естественною тупостію ума во вниманіи къ живому призыванію Господа Исуса. Да, дѣйствительно, молитва сѣтъ испытаніе самого себя, и молитва сѣтъ приближеніемъ, и только съ приближеніемъ; а спокійно спящій на молитвѣ ничего въ себѣ не увидитъ. Гортанъ распознаетъ вкусъ снѣдей, бесѣда —

характеръ человѣка, а предстояніе на молитвѣ — отношеніе человѣка къ Богу (Лѣстица).

А отношеніе познается въ духѣ, какой духъ имѣется на молитвѣ къ Богу горячій или холодный. Богъ есть Духъ и поклоняется Ему подобаетъ духомъ, а духомъ по Апостолу горящимъ: «духомъ горящее, Господеви работаяще, упованіемъ радующеся». Если такъ есть, то благодать Божія въ тебѣ есть, а если нѣтъ — то далека ты отъ Бога и бѣсы заняли Его мѣсто и насилуютъ тебя. Присутствіе благодати обнаруживается въ дѣйствіяхъ ея, именно: душа тогда тянется къ Богу, какъ бы липнетъ къ Нему, «прильпе душа моя къ Тебѣ и десница Твоя приляла меня». Чувствуется во всемъ успѣхъ: въ тѣлѣ бодрость, въ духѣ радость, въ сердцѣ сладость, во волѣ усердіе и въ умѣ свѣтлость и во всемъ существѣ живость.

«Смирненнымъ дается благодать» и живетъ въ сердцахъ смиренныхъ и удерживается смиреніемъ. Но и смиреніе, подобно свѣту благодатію рождается и возрастаетъ по мѣрѣ оскуднѣнія страстей въ человѣкѣ, а пока страсти въ силѣ, особенно гордость и превозношеніе, то для смиренія нѣтъ мѣста, и свѣтъ благодати пошщаетъ изрѣдка и въ малой мѣрѣ, какъ утренній разсвѣтъ и на краткое мгновеніе. Но какъ надо дорожить и этимъ мгновеніемъ, усвоить Его примѣты, и способы приобрѣтенія, потому что въ началѣ преобладающая въ насъ тьма скоро таки скрываетъ Его отъ насъ и погашаетъ. Зная это, и надо всуеисленно, всѣми способами, главное вниманіемъ и усердною молитвою испрашивать у Бога и привлекать, а не коснеть спокойно, во тьмѣ бѣсовской, шая себя.

17-го Января. Преподобнаго Антонія Великаго.

Среди дня посылтъ меня братъ по духу. Я пригласилъ его потрапезовать со мною, тутъ и началась у насъ духовная бесѣда по прежде начатому серьезному предмету, а именно: какъ надо понимать прираженіе помысла, которое, по ученію Прп. Марка Подвижника, «есть безвидное — безъ образное движеніе сердца» (О духовномъ законѣ. Гл. 140, 141), а по св. Иоанну Лѣстичнику «простое слово или образъ» (сл. 15, с. 73). Мнѣ казалось, что Прп. Маркъ Подвижникъ говоритъ о прираженіи предмета неизвѣстнаго человѣку, потому оно и безъ образно, (подтвержденіемъ для себя въ этомъ я показывалъ объясненіе проф. К. Попова на слова Прп. Марка: «Это «движеніе» въ первоначальномъ своемъ повлеченіи» («Блаж. Діодохъ 5 вѣка Еп. Фотики», стр. 69); а Иоанн Лѣстичникъ — о прираженіи предмета, образъ котораго уже извѣстенъ человѣку, который изображался въ его умѣ уже раньше, но собесѣдникъ убѣждался иначе, именно что это одно и то же прираженіе, какъ у Марка и у Лѣстичника, только въ двухъ моментахъ. По этому поводу бесѣда продолжалась долго, прочитывали и въ другихъ

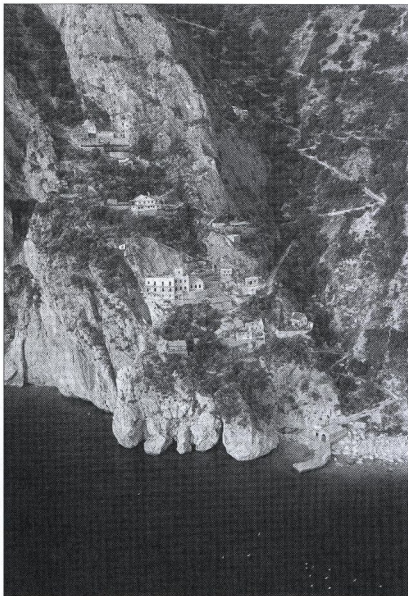

книгах по тому же вопросу, и въ концѣ я сошелъ на сторону собеседника и въ общемъ согласно утвердили смыслъ обоихъ святыхъ, именно: что оба Свв. Отца говорятъ объ одномъ, но выражаются для двухъ моментовъ. Въ первомъ моментѣ человекъ только чувствует, что-то приразилось, а не видитъ что, во второмъ уже видитъ самый образъ предмета, или слово, или мысли, но для слабого вниманія второй моментъ трудно уловимъ, а первый и совсемъ неуловимъ.

Проводивъ посетителя, я послѣ такой глубокой и длинной бесѣды отъ усиленной работы ума сильно усталъ и нервно разстроился, да вдобавокъ еще и отъ ночного бдѣнія, чувствовалъ потребность необходимаго отдыха, и какъ неспособенъ молиться, я рѣшилъ поспать и отъдыхомъ подкрѣпиться къ вечерней молитвѣ, хотя это было и безвременно.

18-го Января. Св. Кирилла и Афанасія Александрійскихъ.

Послѣ 2-часового отдыха пошелъ на молитву, въ намѣреніи проверить нашу бесѣду на опытѣ. Предъ тѣмъ мысль сказала: ну, теперь ты успокоился, то молись уже стоя, потому что уже знаешь, что стояльная молитва бодрѣ сидячей. Вотъ и первый примѣръ моего намѣренія! А какъ въ умъ прошелъ помыслъ въ своемъ процессѣ, по ступенямъ, я не замѣтилъ. А было такъ. Нѣсколько минутокъ стою на молитвѣ и вдругъ предложеніе: въ церкви холодно и стоять тягостно, къ чему лишняя брань отъ сего, лучше молиться сидя и въ келліи, вѣдь теперь дремать не будешь, а въ спокойномъ положеніи углубляясь въ себя вѣдь лучше и ты удобнѣе про-

На фотографіи КАРУЛЯ СЪ ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

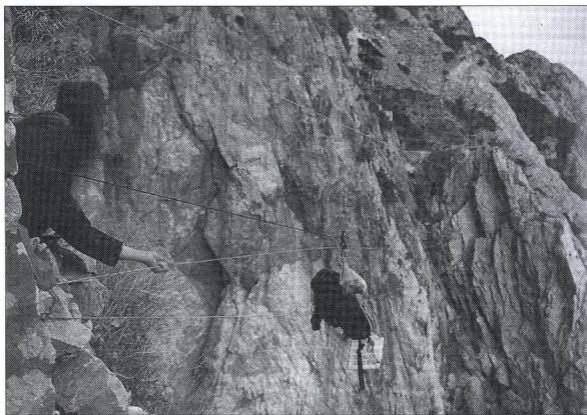
Это карульское фото, сдѣланное съ самолета 2007 года. Здѣсь засиять, такъ называемые, Внѣшніе Каруля, гдѣ есть дороги и можно пользоваться транспортомъ — это мулы. Внутренніе же или Фрихта (греч. — ужасные) Каруля, гдѣ передвиженіе осуществляется только по лѣстницамъ и цѣпямъ, остались за кадромъ справа. И "дорога" туда начинается по разщелинѣ, видной на лѣвомъ краю фотографіи. У моря — арсана (пристань), над ней руины сторѣвшей въ 2000 году старой русской келліи съ перковыо Иннокентію Иркутскому и Давиду Солунскому, построенной ктиторомъ Андрѣевского скита купцомъ Серебряковымъ. На этихъ развалинахъ кое-какъ устроилъ сейчасъ себѣ обиталище ея послѣдній хозяинъ О.Симеонъ-сербъ. Выше келлія О. Харитона-грека. А еще выше тоже старая русская келлія — Троицкая, въ которой въ 1980 году почилъ послѣдній русский старецъ дореволюционной волны О. Никодимъ.

вѣришь свое намѣреніе. Не посчитавъ это внушеніе за вражіе, такъ и слѣлать.

И что же вышло: вмѣсто того, чтобы увидѣть и замѣчать прилоги, я увидѣлъ въ себѣ бурленіе ума предыдущей бесѣды, отъ которой въ продолженіе всей молитвы никакъ и ничѣмъ не могъ отбиться. Вконѣцъ пошелъ въ церковь и при заканчиваніи молитвы пришла мысль: чтобы заниматься блуднѣніемъ ума и трезвѣніемъ по Марку и Исихію, для того требуется прежде пролить рѣки слѣзъ, чтобы ими очиститься отъ страстей, и тогда чистымъ окомъ ума и въ чистомъ воздухѣ можно будетъ и увидѣть прилоги и прираженіе помысловъ, и довить неуловимыхъ до времени этихъ птиц и лукавыхъ лисицъ и разбивать ихъ — этихъ вавилонскихъ младенцевъ — о камень. А пока еще погоняемъ въ тименіи глубины — въ тинѣ страстей, не можемъ замѣчать и прилоговъ въ себѣ, по причинѣ дыма и копоти страстей, и паренія похоти, выходящей изъ сердца отъ трехъ болотъ, скрывающихся въ немъ: сребролюбія, славолюбія и сластолюбія — что есть похоть плоти, похоть очей и похоть гордости житейской, въ этихъ трехъ болотахъ содержатся всевозможные гады

— страсти греховныя, и оттуда изъ сердца испускаютъ свой злосмраднѣй парь, дымъ и копотъ, отчего умъ такого человѣка всегда находится мрачнымъ — темнымъ, и вокругъ его тьма непроницаемая; черезъ которую онъ не можетъ видѣть и замѣчать зачало грѣха — прилога помысла, а потому и требуется прежде очистить плоть, сердце и умъ отъ страстей, а тогда и требовать отъ себя такого тонкаго блюденія и трезвѣнія ума: а пока надо трудиться усерднѣ въ послыномъ подвигѣ, и руководствоваться учителями, которые ближе къ намъ.

А Прпп. Маркъ Подвижникъ и Исихій пресвитеръ, эти учителя первыхъ вѣковъ; послѣ нихъ учителями были уже ихъ ученики Филофей Синайскій, Евагрій Понтійскій, Іоаннъ Лѣствичникъ и другіе, а еще позже Симеонъ Новый Богословъ, Григорій Синаитъ, Каллистъ и Игнатій Ксанфъ. А еще позднѣе, научившіеся отъ всѣхъ прежнихъ себя, и къ намъ ближе: Прп. Ниль Сорскій, Прп. Серафимъ Саровскій, Прп. Паисій Величковскій; Еп. Игнатій Брянчанинновъ, Еп. Ѳеоданъ Затворникъ и Іоаннъ Кронштадтскій. Эти послѣдніе есть уже наши учителя отъ нихъ, какъ непосредственныхъ и

Карульская почта.

посредственных наших учителей намъ прежде всего и надо учиться.

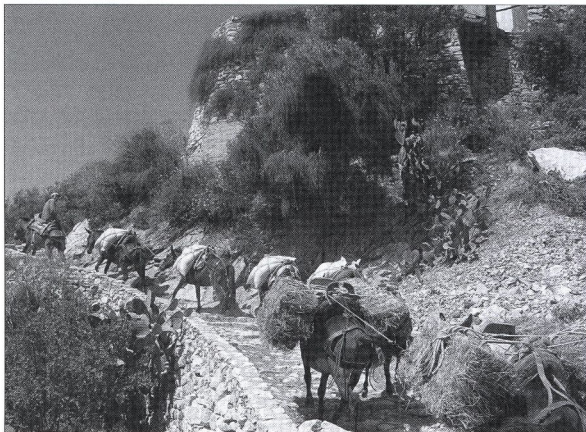
А они... Какъ одинъ изъ нихъ говорилъ, "не обращай вниманія на помыслы, только молись непрестанно и часто — и помыслы сами останутся" (Прп. Син.). Другой: "Заключай умъ въ каждое слово молитвы и молись неспѣшно, и такъ со временемъ научишься молиться внимательно" (Еп. Игнатій Брянчаниновъ). Иной учить: «Произноси вначалѣ каждое слово молитвы раздѣльно, чтобы умъ удобнѣе заключался въ словахъ молитвы, и послѣ каждаго слова чтобы слышался отголосокъ" (У. Е. К.) (Прп. Сер.).

И всѣ вообще учили, прежде очищать себя отъ страстей плачемъ (особ. Симеонъ Новый Богословъ) и молитвой, а о тонкомъ блюденіи ума, по слабости нашей, уже не учили.

1-го Марта 1949 г. Ночь подь понедельникъ 2-ой седми. Великаго поста. Седмицу первую провель въ обычномъ своемъ пошеніи, молитву исполнять по Страннику, намѣренаясь и во весь постъ держать одну Иисусову молитву количественную, не гоняясь

усиленно за качествомъ. Въ первые два дня не могъ выполнять 12-ти тысячъ молитвъ, а потомъ съ трудомъ выполнять. По навыку установившемуся у меня темпу произношенія съ дыханіемъ по біенію сердца (за каждую секунду одно слово), въ минуту 12 молитвъ (12 x 60 равняется 720 въ одинъ часъ), но въ общемъ за все время на дѣлѣ такъ не получалось, а въ три часа (2000 м.), и на 12000 м. требовалось 12 (13) часовъ. (Причина медлительности была отъ ослабленія энергіи и засыпанія незамѣтнаго); я выполнялъ по 6000 молитвъ за день и 6000 за ночь, на сонъ оставлялъ отъ дня 3 часа и отъ ночи 3 часа, всего 6 часовъ, другихъ потребъ не было, время прошло спокойно и я удовольился хорошо, но такъ, быть можетъ, это поначалу, а дальше посмотрѣть.

Суббота — день причащенія Св. Христовыхъ Тайнъ и воскресеніе — праздникъ. Не могъ уже того выполнять; подкрѣплялся и отдыхалъ въ намѣреніи и 2-ую седмицу провести также, если Богъ поможетъ. Изъ практики предусматривается, что въ праздники необходимо давать себѣ отдыхъ въ чтеніи потребнаго для души и этимъ уготовляться на предлежащій

Карульскій транспортъ.

Каруля, Святой Авопъ. Современная фотография.

снова подвигъ на седмицу, а безъ отдыха можно ослабѣть и не выдержать напора отъ унынія; а въ отдыхъ удобнѣе себя провѣрять и приуготовлять. А подвигъ молитвы и поста начинать съ 12 час. утра понедельника и кончать послѣ литургіи субботы. И такъ помощи Господи за молитвы Святыхъ и предстательства Владычицы моеѣ Богородицы.

17-го Марта. Среда. Память Св. Алексія Человѣка Божія.

Слава Богу, вотъ и половина Поста прошла, съ помощію Божіею до сихъ поръ въ намѣреніи своемъ держался: 2-ую и 3-ью седмицу постился, какъ и 1-ую, — 5 дней безъ пищи, но пилъ каждый день св. Богоявленскую воду и вкушалъ антидоръ и кружку воды въ 9 часовъ легко и бодро, утѣшаясь въ духъ; молился Иисусовой молитвой, стараясь выполнять 12 тысячъ въ каждый день, но не всегда удавалось выполнять это число, а иногда 10, а то и 8 тыс. Ну, это все не такъ важно, а дорого то, что пришелъ къ убѣжденію, что самодѣльная моя молитва, всякая, хотя и умно-сердечная, которой я (не качеству) отдавать все преимущество и цѣнить выше книжной и количественной, которая у меня ничуть не выше, а можетъ и ниже, потому что послѣ нея оставалось

всегда довольство ею и желаніе при случаѣ съ кѣмъ довѣреннымъ подѣлиться, а это вѣдь киченіе.

Хорошо, что умно-сердечная внутренняя молитва пробуждаетъ умиленіе, но плохо, что оставляетъ киченіе. Поэтому, отъ плохого надо удаляться, а хорошее всемирно хранить: безъ нужды не откровенничать и самому отвращаться отъ взора на свои исправности, по Апостолу: «задняя забывая, а въ передняя простираясь».

Не надо чуждаться и простой молитвы — количественной и книжной, а все примѣнять ко времени: благоприятствуетъ время, молись умно-сердечной молитвой, а не благоприятствуетъ — хотя бы какой-нибудь, лишь бы молиться, но не пустовать: а то за оставленіе молитвы, всегда бываетъ наказаніе; озлобленные бѣсы сильнѣе нападаютъ, въ то время, на обнаженного (отъ меча) воина, ранящаго ихъ прежде, и въ отмищеніи плѣняютъ его въ свое порабошеніе, — обычными грѣховными страстями, что много разъ приходилось испытывать, что и теперь случилось.

15-го Марта померъ О. Вафусій; я, чтобы отдать долъ любви, пошелъ къ его тѣлу на чтеніе Псалтири на ночь и на похороны и на обѣдъ: тутъ по слабости остановился творить испрестанную количественную

молитву Иисусову, за это и поддался и другой слабости — разговору и поѣсть до сыта, а отсюда ослабѣть и на дальнѣйшее продолженіе молиться, а придя домой, поддался унынію и легкому смущенію за нарушенія порядка, хотя и по любви; но вижу — напрасно: смущеніе отъ смутьяна за оставленіе молитвы.

Не тогда только должно молиться, когда бываетъ легко молиться, когда брань утихла и нападеніе отъ врага прекратилось и въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, но надо и въ особенности тогда, когда брань настала: что за похвала воину, который ловко дѣйствуетъ своимъ оружіемъ безъ сраженія, попусту махая имъ, а во время сраженія выбрасывать изъ руки, добровольно обезоруженнымъ себя отдавать въ плѣнъ врагу: тутъ-то и надо бы было покрѣпче держать мечъ въ рукѣ, чтобы сопротивляться имъ супротивнику, а не бросать его на радость врагу.

Отсюда урокъ: при встрѣчѣ съ людьми и во все время обращенія съ ними держаться какъ можно крѣпче за молитву, не выпуская ее изъ ума и сердца, такъ же и при работахъ, рукодѣліяхъ, разговорахъ и принятіи пищи въ своемъ единеніи, ни на одну минуту не выпускать ее изъ вниманія, когда нельзя умносердечно, то хотя устами, но повторять непрестанно.

Помоги, Господи, утвердиться въ семь благомъ намѣреніи за молитвы старца.

Пресвятая Владычица моя Богородице, спаси мя! Святой угодниче Божій Алексіе, Человѣче Божій, моли Бога о мнѣ, чтобы и другую половину поста подкрѣпляему благодатію въ намѣреніи своемъ довершить съ благою совѣстію, и радостно встрѣтить Пасху Христову.

Отъ 17-го Марта и до 8-го Ноября дневника не писалъ, причинъ къ сему много было, а главная — нерадѣніе.

8-го Ноября. Святыхъ Архангеловъ. На вечерней молитвѣ пришло опять рѣшеніе продолжать записывать молитвенный дневникъ. Помоги, Господи.

Все ждалъ, когда покончу суету хозяйственную — ремонтъ келлій, но того долго не дождался, а лучше уже вмѣстѣ съ суетой и духовную норму жизни, насколько можно, держать неуступительно, и по возможности все записывать въ дневникъ.

Уставъ о пищѣ можно измѣнить такъ: послѣ утренней молитвы (въ 2 часа дня) обѣдь, и слѣдомъ на работу или неотложное рукодѣліе до 10 часовъ, и до 12 — отдыхъ, ночь по обычаю. И такъ съ Божіею помощію и духовное удержимъ, и все нужное по дому подѣлаемъ.

Старецъ Никодимъ.

На вечернюю молитву пошелъ лениво — чувствовалъ всего себя разслабленнымъ и не ожидать освобожденія отъ этого гнета, но пришла мысль стать на стоятельную молитву по прежнимъ опытамъ и терпѣть два часа, но слава Премилосердному Богу, когда начал углублять умъ въ сердцѣ, слушать вниманіемъ произносимыя слова молитвы и зрѣть памятую въ нихъ Господа, то вскорѣ и пришло умилѣніе и со слѣзами все ожило.

Въ это время пришло и желаніе возобновить духовную жизнь, несмотря на суету, которой конца не будетъ, можетъ и до смерти.

Продолженіе слѣдуетъ...

Древній Валаамскій Крестъ

Возобновленный 58-ой годъ издания послѣ перерыва съ 1917 года.
Журналъ обладаетъ правами Copyright by St. Xenia Skete.

Печатается и редактируется
ВАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA
40500 HWY 36 W, Wildwood, California 96076 USA, Тел.: 1(530) 628-1034

ВАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссионерскимъ движениемъ, цѣль котораго сохраніе и распространеніе древне-христіанской монашеской мудрости внѣ всякихъ церковныхъ раздѣленій, для всѣхъ юрисдикцій, исповѣдающихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ Братства Прп. Германа Алякинскаго, исходящаго съ благословенія Архимандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (†1969) и утвержденного Святителемъ Иоанномъ Максимовичемъ (†1966). Валаамское Общество Америки основано Епископомъ Маркомъ Ладожскимъ и Санъ-Францисскимъ (†1989).

ЖЕЛАЮЩЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВНѢ РОССИИ призываются усердно молиться за Россію, Валаамское Общество и его миссионерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на "Русскій Паломникъ", также автоматически оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдетъ въ Россію.

Годовое членство: 50 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол.

Благословеніе Святѣйшаго Патриарха Алексія II. Статьи принимаются, но безъ полемики.
Посылать по адресу: 40500 HWY 36 W, Wildwood, CA 96076

СОДЕРЖАНІЕ № 54, 2015

1. ПЕРСПЕКТИВА НА ВѢЧНОСТЬ 3
2. АМЕРИКАНСКІЙ ПАТЕРИКЪ:
Отець Глѣбъ Новодивѣвскій 4
3. ВАЛААМСКІЙ ПАТЕРИКЪ:
Монахиня Марія (Вырубова),
Валаамская постриженница 16
4. МОНАШЕСКАЯ ЛИРА
Господь мою молитву слышитъ
Чайковский-поэтъ *Варлама Шаламова* 36
5. ПИСЬМА ПАЛОМНИКУ 40
6. ИСПОВѢДНИКИ РОССИЙСКІЕ
Архіепископъ Леонцій Цилійскій 46
7. АѦОНСКІЙ ПАТЕРИКЪ:
Старець Никодимъ Карульскій
Молитвенные Дневники, продолженіе 63

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССИИ!

Подписку
можно заказать:

А/я 13, г. Москва, 127412
тел.: (495) 77-111-75
факсъ: (926) 200-7650

E-mail:
gr@idrp.ru www.idrp.ru

Представители
въ Санктъ-Петербургѣ:
Леутинское подворье,
ул. Некрасова 31,
тел. (812) 273-9619

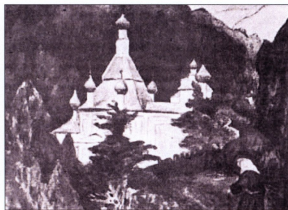
Представители въ Москвѣ:
магазинъ "Русскія Книги"
Звенигородское шоссе, д. 4
<http://shop.rus-izdat.ru>
тел. (495) 785-5587

Царская Ливадія

Династія Романовых на протяжении нѣскольких поколѣній испытывала нѣжную любовь къ Крыму и къ своимъ имѣніямъ здѣсь. Послѣдній Россійскій Императоръ Николай II, какъ его отецъ и дѣдъ, сочеталъ отдыхъ въ Ливадіи съ активной государственной дѣятельностью: работалъ надъ дѣловыми бумагами и прошениями, принималъ министровъ, различныя делегации, частныхъ лицъ, иностранныхъ дипломатовъ. Онъ не разъ говорилъ, что не хочетъ уѣзжать изъ Крыма, что ему бы хотѣлось, чтобы столица Имперіи была въ Крыму. Послѣ отрѣченія отъ престола Николай II просилъ Временное правительство дать ему возможность поселиться съ семьей въ Ливадіи, гдѣ онъ вѣдь бы жизнь частнаго лица. Какъ жаль, что это разрѣшеніе Государь такъ и не получилъ...

Космо-Даміановскій монастырь въ Крыму, между Алуштой и Симферополемъ. *Рисунокъ одной изъ Великихъ Княжонъ. 1910-е гг.*

Царскіе дѣти въ День блага цветка собираютъ пожертванія для борьбы съ туберкулёзомъ. Благотворительный праздникъ впервые прошёлъ въ Ялтѣ по инициативѣ Августѣйшей Семьи. 20-го Апрѣля 1911 г.

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ ВЪ КРЫМУ. Холст, масло.
Художник Павел Мурахин. Москва, 2010 г.